

7/91

ISSN 0236-3283

МЫ

В ЗНАКАХ ЗОДИАКА

Главный редактор
Веннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
рисунок Игоря СУСЛОВА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.
По всем вопросам экспедирования
и иллюстрационного исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 107003, Москва,
Армянский переулок, 112А.
Телефон: 923-66-01

Отпечатано в типографии
А/О «Принт-Визуал»
Сопница-Финляндия

Сдано в набор 18.04.91 г.
Подготовлено в печать 08.05.91 г.
Формат офсетный, Удк. печ. л. 10,1.
—вал. л. 12,72. Тираж 1000000

7/91

ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Скворцова. Живут еще в аулах мастера 2

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Андрей Молчанов. Брайтон-Бич авеню. Повесть. 14
Зарубежная фантастика. Роберт А. Хайнлайн.
Звездный зверь. Роман. Перевод с английского 103

ПРОБА ПЕРА

Саша Бирюк. Дерево. Рассказ 170
Женя Новиков. Ночной полонез. Лера Авербах.
Уходит лето. Стихи 78

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. Мэйсси. Николай и Александра. Главы
из книги. Перевод с английского. Продолжение 150
«Если у тебя есть мысль...» 80

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Что можно и что нельзя. Александр Ушаков.
Преступление и наказание. 88
Письма в «Мы» 10
Ищу друга 188

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Митхун Чакараборти — счастливчик из Калькутты 65

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Олег Сельцов. «Мы» в знаках Зодиака 72
НЛО с подмосковной пропиской 98
Музыкальные страницы 178
На малом экране. Видеообзор 191

**ЖИВУТ ЕЩЕ
В АУЛАХ
МАСТЕРА...**

В Дагестане все жители — мастера. В каждом ауле разные. В Кубачи живут златокузнецы, а за горой — оружейники. В Южном Дагестане обосновались ковроделы, в Балхар — гончары. Унцукуль славится художественной обработкой дерева, знаменитые медные кумганы (кувшины) дела-

ют в Гоцатле, бурки — в селении Рахата... А самые лучшие лудильщики и паяльщики родом из Кумуха. И везде можно отыскать художников, ювелиров, танцоров и певцов. Почти каждая женщина вяжет красивые узорчатые чуваки или джурабы, пуховые платки, тклет сумахи... Удивительно арти-

стичен дагестанский народ. По крайней мере, так было.

С раннего детства житель Дагестана окружен орнаментальным узорочьем. Оно и на колыбели, яркой и нарядной, и почти на всех вещах, которыми пользуется семья, — деревянных мисках,

4 По ложках, солонках, мерах для муки... Известный поэт Расул Гамзатов писал: «Если вы попросите семилетнего горского мальчика нарисовать дом, он его нарисует так же, как и любой другой семилетний ребенок. Но если вы его попросите положить орнамент на блюдо или кувшин, то

его работа может поспорить с рисунком профессионального художника-декоратора. Почему? Просто потому, что учили его этому искусству тысячу и семь лет! Потому что в нем живет поэт, композитор, художник».

Но все равно учиться надо — и рисовать, и класть орнамент.

Поэтому в каждом из сохранившихся центров народных промыслов дети начинают изучать секреты мастерства еще в школе. Казалось бы, прекрасно! Да вот беда: долго старались мы втиснуть искусство в жесткие рамки планово-промышленного производства, и мало-помалу за-

хирели народные промыслы. И на севере, и на юге. Вот и в Дагестане оставшиеся можно сосчитать по пальцам. Самые крупные из них — Кубачи, Гоцатль, Унцукуль, Балхар.

«Шантрапа» — значит «непоющий» (от французского «chanter» — «петь» и «pas» — «нет»),

И на
оста-
тять
е из
нцу-
люк-
нап-
ет)

В Дагестане существует легенда, что однажды французы отбирали среди детей будущих певцов. Тех, у кого не было данных, называли «шантрапа». Так, говорят, появилось это слово у нас.

Как становятся мастером? Кто отбирает «поющих»? Раньше секреты искусства передавались

по наследству. Обязательно — детям или родственникам. Чужих не учили. Теперь в четырех промысловых центрах мастерство преподают на уроках труда в школах. Четыре школы — четыре ростка. Правда, в Кубачи — школа привилегированная. Единственная в стране, где детям для работы выделяют серебро. Здесь и еще в Балхар предмет преподают мастера высокого класса.

Но везде — общий поток. Поступил ребенок в школу — учиться рисовать узоры. Доучился до 4-го класса — осваивай инструмент. В 9-м можешь попробовать сделать вещь сам. И везде, кроме Балхар, идут разговоры о том, чтобы школьникам реализовывать свою продукцию. Да, и маленький человек должен получать за свой труд деньги. Но ведь речь идет об ИСКУССТВЕ. Дети, ничего еще толком не умеющие, только механически исполняющие простейшие операции (а в Гочатле и вовсе занимаются штамповкой), уже несут свои несовершенные работы продавать. Привыкнув работать без вдохновения и получать за халтуру деньги, они уже не смогут создать ничего действительно ценного. В конечном итоге этот процесс сильно влияет на снижение общего уровня национального самобытного искусства. А был он удивительно высок.

Издавна в Дагестане ценятся изделия из серебра, покрытые гравировкой и чернью. Именно такие вещи делают сейчас на Кубачинском и Гочатлинском художественных комбинатах. Правда,

сравнивать эти два предприятия нельзя. У них совершенно разные подходы к выполнению орнамента. Для аварского мастера (Гочатль) характерно много «воздуха» в рисунке — орнамент не заполняет сплошь все изделие, а небольшими островками «плышет» по серебряному полю. Вторых, ювелирные изделия для Гочатлинского комбината — продукт побочный. Их основное занятие — выпуск медных кумганов, ваз, кубков из рога...

Совсем иное дело — Кубачи. Ни одно село Дагестана не пользуется такой известностью, как это. Главное, чем знамениты Кубачи, — ювелирная обработка металлов. Кубачинцы — замечательные мастера-оружейники и специалисты по украшениям. Когда-то они ковали по колечку кольчуги (кстати, в переводе с турецкого слово «кубачи» означает «делатели кольчуг»), украшали их серебряной и золотой насечкой так же, как украшали кинжалы и сабли, кремниевые ружья. Насечка золотом по железу высоко ценилась во всем мире. Сейчас эта техника почти исчезла. В селении остался всего лишь один мастер, владеющий этим искусством. Успеет ли он передать его ученикам?

Вообще же промысел в Кубачи находится, пожалуй, в лучшем состоянии, чем все остальные. Здесь довольно успешно сохраняют традиции, стараются не уронить уровень мастерства, заботятся о качестве кубачинских изделий, разыскивают старинные полузабытые орнаменты на клад-

бищенских плитах и оживляют их в узорах браслетов и колье...

Не меньшей популярностью, чем серебро, пользуется в Дагестане керамическая посуда. Красно-черные глиняные изделия с белыми линиями рисунка трудно спутать с какой-нибудь другой керамикой. Такую делают только в горном селении Балхар. Издавна гончарство считалось здесь женским занятием. Для мужчины большим позором было даже прикосновение к гончарной глине. Балхарки редко уезжали из своего аула — обычно здесь же их и выдавали замуж. Вместе с ними оставались в ауле и тайны, ведомые рукам только этих мастериц. Из рода в род, из века в век. Наверное, поэтому в узорах гончарных изделий до сих пор сохранились элементы росписи эпохи бронзы. В древности, несомненно, эти линии имели определенное смысловое значение. Впрочем, сейчас можно только догадываться какое: скорее всего, элементы росписи служили благопожеланиями...

Еще один центр народного промысла — Унцукуль. Здесь занимаются художественной обработкой дерева. Еще в XIX веке русские солдаты и офицеры, служившие в Дагестане, мечтали заполучить корешковую трубку, покрытую металлическим набойным узором. Славилась унцукульские мастера и своими тростями. Они считали, что хорошую трость можно сделать только из кизила. Для мелких поделок и ручек тростей идет в дело боярышник, а для насечки употребляют мельхиор.

«Тайну унцукульского искусства не ищите в нитках мельхиора, — говорят в ауле, — мастера носят тайну эту в сердце». Это — правда. Не перевелись в селе владеющие этой тайной. Впрочем, есть и комбинат, где стандартная технология производства порождает груды изделий, хоть и выполненных «под старину», но совершенно безликих. В них уничтожено то, что определяет и прелесть, и ценность произведения искусства, — душа мастера. Ведь искусство — это озарение, диалог с глазу на глаз таланта и мечты. В этом диалоге нет места конвейеру.

Сегодня все уже понимают это. И нет равнодушных, когда речь идет о народных промыслах. Проходят шумные конференции — собираются мастера, искусствоведы, экономисты, педагоги, обсуждают, как возродить уникальное самобытное искусство. И, наверное, будет наконец найдено какое-то очень нужное, единственно верное решение. И опять появятся кумганы и подносы, браслеты и колье, про которые в Дагестане говорят: «Узнаешь ты по голосу певца, а по узору златокузнеца». И каждый аул опять вспомнит, чем он был знаменит, — производством ли газырей, или мундштуков из гагата, или бус, мастерами-медниками, ювелирами или кузнецами...

Елена СКВОРЦОВА

**Фото Анатолия ЗЫБИНА
и Владимира ЛАГРАНЖА**

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

ОПЯТЬ ЛЕТО...

Вот опять лето. А я не могу забыть прошлое, когда мы с классом ездили в совхоз. Собирали капустную рассаду в деревянные ящики вместимостью 20 килограммов.

Работа тяжелейшая. Надо вытащить куст, отрясти с него землю, положить в ящик так, чтобы корень был внизу. И ящик надо набить так, чтобы ладонь не пролезала. В общем, на ящик уходит полчаса, а норма — 10 ящичков. Каждый день — пять часов физического труда.

А какие условия?! Там даже воды попить нет. Нет даже самых примитивных лавок, чтобы отдохнуть после работы. Автобус часто опаздывал, и приходилось сидеть прямо на дороге.

Все десять дней нас «вдохновлял» голос учителя: «Кто выполнит норму, заработает 4 рубля». Значит, 40 рублей за десять дней. А получили мы по 6, по 7, а некоторые и по 4 рубля...

Учитель — «вдохновитель» ничего объяснить нам не смог, направил нас к директору. А тот был за-

нят и сегодня, и завтра, и всю неделю, а потом уехал в командировку. И все как-то забылось.

А вот я не забыл и решил написать. Ведь опять лето...

Денис М.
Саратовская обл.

ОТКУДА ТАКИЕ ДЕНЬГИ?

Мне 15 лет, я занимаюсь в атлетическом клубе. Я всегда любила заниматься спортом, и этот клуб мне пришелся по душе. Раньше в месяц мы платили 12 рублей, а теперь надо заплатить 25 рублей. Родители таких денег мне дать не могут, поскольку повышаются цены на все: на одежду, обувь, продукты. А откуда у пятнадцатилетней девчонки такие деньги? Да, можно ответить: «Иди работай». Но я учусь в физико-математической школе, почти нет свободного времени, куча уроков. Еле-еле выкраиваю время для тренировок.

Я узнавала — в других клубах тоже повышаются цены на абонемент. Да мне и не хотелось бы уходить в другое место. Здесь знакомый тренер, друзья. Привычная обстановка.

Неужели мне придется бросить так полюбившиеся

мне тренировки? Или лучше бросить школу и пойти работать, чтобы заработать деньги для занятий спортом?

Ольга Н.
Ленинград

ЛЮБЛЮ ДАЖЕ ТАКОГО

Все. Не могу больше.

Лопнула та нить, которая вот уже несколько месяцев была на пределе. Я поссорилась со своим парнем окончательно. Наши отношения теперь не придут в норму.

Я любила его. Для меня он был веселым, симпатичным Сережкой, с которым вместе курили и пели под гитару. Но это было так давно. А потом наши отношения стали даже не дружескими, а просто соседскими. Мы как-то постепенно разлюбили друг друга. То есть не мы, а он. Я-то до сих пор люблю его. Пусть даже такого, какой он есть: наркомана и пьяницу, у которого вместо глаз пустое место. Он смотрит на жизнь незрячими, безразличными глазами.

Вот и кончилась наша дружба. Я верила, что все поправится, а он одним движением сломал все. Он сел на иглу. Я каждый день

вижу его и думаю: «Он не протянет долго».

Но я не хочу, чтобы он умер! Ведь ему всего 15 лет.

Лена М.
г. Улан-Удэ

МОЖЕТ, НАЧАТЬ ПИТЬ?

Мне еще так мало лет, а я видела жизнь только с плохой стороны. Пьет отец. Иногда случается, что он бьет маму. Но чаще он нас выгоняет из дому, орет на нас. Иногда у меня возникает мысль уйти из дому, но мне очень жалко маму — она и так нервничает из-за скандалов с отцом, а тут еще и из-за меня переживать будет. Один раз я уходила, долго бродила по городу, но была зима, холодно, много не нагуляешься. Пришлось вернуться домой. Обидно, но в то же время я подумала — может быть, все к лучшему.

Но пьянки все равно продолжатся. Мы, конечно, знаем, что отец наш — больной, ему надо лечиться, но он-то считает себя вполне здоровым человеком. Как же нам с ним жить дальше? Может быть, мне тоже начать пить, пока он не бросит?

Аня, 14 лет
Челябинская обл.

ПРОТИВОГАЗЫ — НА СКОРОСТЬ

Недавно в нашем поселке произошел взрыв. Взорвался полиэтилен на химкомбинате. Через два месяца после этого произошла утечка газа. Еще обещают, что будет выпуск выхлопных газов... Ну посудите сами: какова надежда, что не произойдет опять взрыв? Нас обещали эвакуировать, но пока мы живем там же, где жили.

Ровно неделю назад нам выдали противогазы. А в школе повесили объявление: «С каждого класса по три человека должны после третьего урока надевать противогазы на скорость и просидеть в них 5 минут».

Как можно и сколько можно жить в такой обстановке?

**Мальчишки и девчонки 6^б.
Копылово, Томская обл.**

ЭТО ДЛЯ МЕНЯ — ГЛАВНОЕ

Я почитала статью про то, что стыдно не иметь денег, и решила написать о себе. Своих денег у меня нет, то есть, конечно, бывают — от одной копейки до 50 рублей. Чаще всего — не больше 10 рублей. Денег, которые дают родители, мне,

конечно, не хватает. Да и дают мне нечасто — не больше 5 рублей раз в полгода. А нужно мне в неделю от 5 до 10 рублей. Зачем? Я хожу в церковь. Вид у меня не нищенский. Свечки я поставить должна? Должна. На покупку икон, на ремонт церкви дать должна? Должна. Нищим, бедным, стоящим у входа, на питание дать должна? Должна. Больше мне денег ни на что не нужно. Косметикой я не пользуюсь, одежду мне покупают.

По-моему, никакой труд не стыден. Лично мне стыдно просить у родителей, чего я никогда не делаю. С сентября по декабрь в прошлом году мы с мамой мыли полы — за 80 рублей с гаком. Когда месяц отработала, думала: как хорошо, что у меня будут свои деньги. Но родители из моей половины дали мне только 10 рублей, а потом все допытывались, куда я их трачу (они не знают, что я верующая). Но все равно ко мне стали относиться не как к нахлебнице, а как к работнице. А это для меня главное.

Пыталась я заработать и на «Мы». Как? Один мальчик в классе просит у меня читать, а я ему говорю — 50 копеек за журнал. Но долго не выдерживаю, так даю. Пыталась продавать знач-

ки, календарики, ручки — но тоже не могу. В школе шила наволочки, но нервов травила много, а денег — копеечки.

Вот и все. Хотя нет. Как-то помогла старушке перейти по льду — а ей лет под восемьдесят. Потом она мне деньги сует. Смотрю, а в кошельке-то у нее не больше пяти рублей... Конечно, отказалась, хоть деньги нужны были. А все, что нахожу на улице, отдаю нищим. И все жду случая, чтобы заработать. Только честно. Да, забыла: мне 14 лет.

Без подписи

ЕСЛИ Б Я МОГ РАБОТАТЬ...

Часто слышу о росте подростковой преступности. Толстый, откормленный дядя рассуждает по телевизору — куда, мол, катимся? Мое убеждение — эту преступность делают такие, как он. Да если б я мог работать за деньги — да разве б я раздевал машины и мотычи?

До чего я дожил! Я уже своим предкам не доверяю, ни одного друга у меня нет, который бы обо мне знал больше, чем я хочу. У меня вообще друзей нет и не надо. Правда, жить тошно. Но это лучше, чем в зоне очу-

титься. А бабы все б..., в этом я убедился, за тро-як продадут.

Знаете, почему пишу? Надоело все в себе держать, а вы на меня стукануть все равно не сможете. В этом городе я проездом, пишу в перчатках. Хоть и неудобно. Знаю, что письмо не напечатаете, но все-таки когда-то надо выложиться.

В. И., 15 лет

Имя липовое, возраст нет.

ЛУЧШЕ ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Наконец-то получила я долгожданный первый номер вашего журнала. Очень интересный! Но вот беда — достала я из почтового ящика журнал без обложки. И без страницы 165 (видимо, там напечатано фото Цоя). Получила я его через три дня после того, как почтальоны разносили. Так хватило же наглости у того, кто брал журнал «напрокат», кинуть его обратно в почтовый ящик в таком вот виде!

Дорогая редакция! Просите поклонников своего журнала «Мы», чтобы они не таскали журналы из чужих ящиков «почитать», а подписывались бы на него!

Эльмира, 16 лет
г. Ташкент

Андрей МОЛЧАНОВ

БРАЙТОН-БИЧ АВЕНЮ

ПОВЕСТЬ

ФРИДМАН-СТАРШИЙ

Семен Фридман ехал в своем «Кадиллаке» под эстакадой сабвея¹ по Брайтон-Бич авеню. Как всегда в этот утренний час движение здесь было плотным, машины ползли практически в одном левом ряду — правый крайний и средний заполнили грузовики, приехавшие с товаром для магазинов, и легковушки нарушавших правила парковки покупателей, привлеченных дешевыми распродажами в здешних лавчонках, примыкающих одна к другой на протяжении всей улицы, вернее улочки — двухэтажной, сумеречной от широкого навеса подземки, пройти которую из конца в конец пятнадцать — двадцать минут; улочки, подобных которой в Нью-Йорке великое множество по окраинам Бронкса, Куинса, да и того же Бруклина. Хотя, наверное, только здесь увидишь желтые флажки, трепещущие на ветру под эстакадой, флажки с надписью: «Брайтон из бэк!» — то есть Брайтон вернулся, возвращен городу, воскрешен, и флажки говорят истину: он, Фридман, ставший жителем русскоязычного еврейского гетто на Брайтоне в начале семидесятых, великолепно помнит заброшенные трущобы с выбитыми оконными стеклами, груды мусора, цветную шпану, обшарпанные квартиры в четырехэтажках грубой кирпичной кладки начала века, оплетенных крашенными бимутом пожарными лестницами, с бельевыми веревками от стены к стене, где сушилось исподнее негритянских семей над пустынными внутренними двориками, отгороженными тюремного типа заборчиками из сетки с козырьками колючей проволоки...

Это уже потом лихая преступная Одесса, мудро выселенная с благословения милицейских властей, нагрянула сюда из Союза, обжилась и обстроилась, заселилась в пустующих домах и, укрепив, погнала цветных прочь, в глубь Бруклина, отодвинув их,

¹ Метро

са
ча
в од
зови
шав
зыл
руго
гуме
онк
оро
а, д
жел
над
щен
гав
на
обь
ану
но
ны
де
ен-
и из
на
оза
еп-
их.

впрочем, не очень-то и далеко, до параллельной Брайтону Непшун-авеню, на задворки района, однако несомненно отвоевав всю его прибрежную часть. Ездили по Брайтону во времена битв загорелых одесситов и черных аборигенов ребятки на мотоциклах и прицельно били цепями «мэстных» на тротуарах, и те постепенно отступали перед беспримерной наглостью и напористостью пришельцев. Редко мелькнет ныне на Брайтоне черный, не его это район, хотя давно уже стал Брайтон лоялен и от расизма далек. А уж кого вовсе не трогали — корейцев, все овощные лавки как были их, так их и остались, даже занюханый супермаркет «Met Food» на углу Ошен Парк Вэй процветает, но корейцы, во-первых, еще те мафиози, а во-вторых, здорово в новых условиях обрусели, кроют матом, мешая его с английским, а русский воспринимают как должное при общении с покупателями. С кем поведешься...

Он отпустил ногу с педали тормоза и точас пришпорил рвущийся вперед «Кадиллак», продвинувшись в пробке едва ли на корпус машины. С лязгом и грохотом, осыпая тротуар оранжевой россыпью искр, притормозил наверху, на эстакаде, поезд — то ли экспресс «О», то ли тихоход «D», идущие в Манхэттен. Сколько раз ездил Фридман этим маршрутом, сколько раз... Вспомнилось: утренний морозец, пронизывающий февральский ветер с океана, собачье дерьмо на тротуарах, заплеванная лестница, ведущая на платформу, давка в старом, грязном вагоне... И страх, разгоняющий утреннюю дремоту, — лишь бы не опоздать на работу, лишь бы... Сначала в магазин, где работал первые полгода продавцом рыбы, потом в порнокинотеатрик, в итоге разнесенный возбужденными зрителями-наркоманами, затем в «Лимузин-сервис»... Лишь бы не опоздать, отыщачить за свой «полтинник», а вечером, без ног — обратно в подземку, под низкие своды ее, поддерживаемые швеллером, грубо крашенным масляной краской. После — закупка жратвы, причем подешевле, чтобы сэкономить, почтовый ящик с устрашающе-бесстрастными счетами за телефон, жилье, электричество... И — сон. А перед сном — коротенькая мечта, куда голова не утонула в подушке: устроиться бы на нормальную службу... Чтобы стабильная зарплата, страховки... Но что он может — эмигрант без языка, без профессии, корней и знакомств... Боже, ну зачем уехал, за каким иллюзорным счастьем, для чего? Чтобы попасть в безжалостные челюсти поиска работы, нахождения ее — жалкой, грошовой, и полному ей служению, не дающему даже оглянуться вокруг? небоскребы Манхэттена, блеск витрин, мир изобилия, в котором нет только одного — слова «нет», что это для него? Фон. Привычный фон недоступного музея, где также нет таблички «Руками не трогать», но все-таки она есть, есть!

Неужели так было? Неужели когда-то, смотря на вылизанные «Кадиллаки» и «Линкольны», неспешно катящие из того же

спального Бруклина в деловой Манхэттен, он подсчитывал, глядя на них из оконца поезда сабвея: бензин — пятерка, проезд через тоннель — пятерка, а уж цена парковки за весь рабочий день — едва ли не то, что он за весь этот день зарабатывает...

Затем и сам он сидел за рулем всяких «Линкольнов» с телевизорами, барами и даже банями, но толку? До «Линкольнов» все равно добирался в вагоне, а за бензин и толлы¹ платили хозяева машин...

У аптеки на углу Брайтона он свернул на Ошен Парк Вэй и прибавил газку. Здесь движение было свободнее, широкая трасса стрелой уходила в сердце Нью-Йорка. Поправил заколку на галстук с крупным, в полтора карата бриллиантом. К подобным побрякушкам он относился брезгливо, но сегодня предстояла ответственная встреча с арабскими бизнесменами, а они-то побрякушкам внимание уделяют и скромничать тут — значит проиграть первый раунд. Восток падок на внешние приметы как богатый, так и нищий. А с мудрым Востоком Фридману попросту не доводилось встречаться. Жизнь его была иной. Собственно, она уже прожита, жизнь... От бедности — к богатству, от мечты об этом «Кадиллаке», на котором он сегодня едет — лениво и привычно, до скептических раздумий: купить ли собственный вертолет? Слетать этак на нем в казино Трампа в Атлантик-сити или куда-нибудь во Флориду на зимние каникулы... Нет, не стоит, пожалуй... Вертолет — либо прихоть зажавшихся пижонов, либо транспорт для облета горячих точек бизнеса, либо инструмент в криминальных крупномасштабных операциях. Последними он, Фридман, занимается, но его стиль не из голливудских сюжетов... Его стиль тих и благочестив: бумаги, переговоры, банковские операции, перекачка денег из Америки в Новую Зеландию, оттуда в Таиланд, затем обратно в Америку, куда они приходят уже как деньги иностранные, не облагаемые налогом... Да и какой он преступник? Он бизнесмен. Да, когда-то приходилось мараться и с наркотиками, и с проституцией на том же Брайтоне, вскоре, правда, заглохшей, ибо морально устойчивые жены советских эмигрантов незамедлительно сообщили в полицию о гнездах разврата, оберегая собственные семейные гнездышки, да и наркотики еврейская община пропускала через себя, как вялый посредник, от случая к случаю, рвения в таком бизнесе не проявляя. И он, Семен Фридман, тоже делал не на этом свои деньги. Иные стези вывели его из-под гнета черного наемного труда в мир воистину неограниченных возможностей и беспечного бытия, превратившегося со временем в нескончаемую сытую, красивую игру, в которую уже можно и не играть, однако тогда будет попросту нечего делать... А игра же поначалу несла в себе изряд-

¹ Плата за проезды через тоннели, мосты, частные дороги

ный риск, хотя без него преодолеть убогий застой эмигрантского существования было невозможно. Начал Семен с контрабанды, выкупив на все свои сбережения и под громадный кредит похищенное с военной базы оружие, отправленное через знакомого пуэрториканца в какую-то из латиноамериканских республик. После занялся мошенничеством с бриллиантами, через подставных лиц предлагая покупателю реальный камень, а в итоге всучая подделку... Далее пошло-поехало: заказы на партии оружия укрупнялись, наладились связи с Большой мафией, откуда деньги поступали Фридману авансом, на полном доверии, появились свои судовладельцы, перекупщики и доставалы, а главное — организованся канал связи и контрабанды с Советским Союзом через Германию, где интересы Фридмана представлял родной дядя, постоянно проживающий в Дюссельдорфе. В Союзе же действовал брат Валера — парень не промах. От Валеры прибывали иконки, картины, камушки, валюта, изделия подлинного и лже-Фаберже. Канал стабильно функционировал в течение трех лет, после чего наступила долгая пауза: в Союзе начались аресты многих исполнителей, методично рушились все цепи, и, казалось бы, наступил конец, однако, как ни парадоксально, новый толчок бизнесу дала перестройка. В суматохе возрастающих связей с Западом, тысячу сделок, появления свежеспеченных дельцов, вылезших подобно комарам из личинок по весне, карательный аппарат, ранее четко как паук на шевеление паутины, реагировавший на любое несанкционированное движение, растерялся, да и прибавилось-то ему хлопот, аппарату: политические партии, уличная преступность, всякие группировки, в том числе армейского толка, великолепно вооруженные и беспредельно агрессивные... Куда же уследить за железными ветеранами теневой экономики, зарабатывавшими миллионы еще в те времена, когда и не снились они новоявленным бизнесменам, даже и не подозревающим, как сейчас их «влегкую», с усмешечкой использует старая гвардия, к которой, в частности, принадлежал и Фридман-старший эмигрант, избежавший уголовного преследования, и Фридман-младший — выпускник физтеха, отказник, а ныне — человек с разрешением на выезд в США...

Младшего брата Фридман-старший ожидал обнять в зале аэропорта в самое ближайшее время. Ожидал с нетерпением. Впервые, был Валера единственным родным человеком: мать умерла давно, отец, не выдержав эмиграции, погиб здесь, в Нью-Йорке... Выбросился из окна. Странный был человек... Ходил в комитет ветеранов войны, организованный в общине на Брайтоне, неизменно скучал о России, которой отдал десять лет в лагерях и пять на войне... Ругал, клял тамошние уже порядки и нравы, а все равно тосковал и... дотосковался. Вот и говори, что нет ностальгии у евреев. Может, внуки бы его спасли... Но детям

старика на женщин не везло, все попадались не те, и очередной брак сменялся очередным разводом, что в Союзе, что в Америке, где, как Семен Фридман был уверен, нормальных баб и вовсе нет — либо лесбиянки, либо те, кто использует мужика для заколачивания себе денег, не более. А эмиграция, полагал он, для женщины все равно что тюрьма, извращающая все женское, стимулирующая все корыстное и бездуховное. Причем стимулирующая изоциренно, планомерно, необратимо. С эмигрантками из России он даже не путался, их дорога известна: либо прозябание при прежнем муже, сумевшем более-менее встать на ноги, либо сближение с состоятельным американцем. Иное — крайне редко.

Итак, ехал Семен Фридман на своем «Кадиллаке» на встречу с арабами. Цель встречи проста. Брат Валера договорился в далеком Советском Союзе о продаже арабам через какое-то совместное предприятие множества ящиков из-под овощей. Тарной дощечки. Арабы официально выплачивали предприятию одну сумму, а сумму иную, дабы сделка состоялась, переводили на счет Семена. В чеке писалось: «За коммерческую консультацию». Таких операций за последнее время Семену довелось провести уйму. Валера зарабатывал там, на нищей русской земле, столько, сколько Семену не доводилось в самые удачные периоды в богатейшей Америке. Однако сколь долго продлится такое? В последнем письме брат сообщил, что заработанного ему хватит, чтобы жить на проценты, он честно оплатил все счета наперед, замену себе подготовил и вскоре выезжает. В сентябре Фридман-старший заказал ему билет: «Москва — Нью-Йорк», первый класс, «Люфтганза». Самый дорогой. Однако — на конец января. До января планировалось осуществить самую крупную контрабанду из Союза. Операция «Бриллиантовая галактика» — так обозвал ее Фридман-старший. И вся эта «галактика» покуда покоилась в Советском Союзе и переместиться западнее никоим образом не могла — однозначно безопасных путей для этого брата еще не нашли.

...Уловив, что движение по трассе, ведущей к Бруклинскому мосту, приемлемое и пробок не предвидится, Семен принял вправо. Проезд по Бруклинскому мосту в Манхэттен (в отличие от подводного тоннеля) бесплатен, и пятерку на таком маршруте Фридман сэкономил.

«Эх, Брайтон-Бич... — подумал он с усмешечкой над самим же собой. — Ты остался там, за спиной, старина Брайтон, мелочный и сварливый, обывательски настороженный и разухабисто опрометчивый... Да, ныне Семен Фридман — обитатель соседнего престижного Манхэттен-Бич, где два особняка с гаражами и лужайками, «Мерседес» и «Кадиллак», мебель восемнадцатого века... Но ты остался у меня в крови, Брайтон; остался твой рабский страх перед Большой Жизнью и Черным Днем, твоя плебейская разум-

ность и расчетливость, и весь я в твоём дерьме, и никогда мне от него не отмыться, ни в каких золотых ваннах...»

ИЗ ЖИЗНИ АДОЛЬФА БЕРНАЦКОГО

Адольф Бернацкий, именовавшийся в кругу друзей Аликом, эмигрировал из Страны Советов в начале семидесятых в возрасте тридцати пяти лет. Официальная причина: воссоединение с родственниками на исторической родине, личный мотив — скрытый антисемитизм властей, не дававших ему сделать карьеру на провинциальном телевидении, где он служил в операторах. Впрочем, из операторов Бернацкого никто бы, наверное, не погнался, если бы не его вздорный, взрывоопасный характер, ресторанные кутежи с битьем посуды и физиономий, служебные романы и слабая трудовая дисциплина. То есть, если и водились на телевидении антисемиты, увольняя Адольда, имели они сильную формальную позицию, подкрепленную милицейскими протоколами, частными определениями судов и внутренней служебной документацией.

Удаленный из рядов технических тружеников эфира, Бернацкий устроился на место заведующего железнодорожным клубом культуры, из которого, по характеристике курировавшего клуб начальства, устроил не то притон, не то вертеп, и, чудом избежав привлечения по соответствующей статье, переквалифицировался в чочегары, однако всего на месяц, ибо подобная стезя не гармонировала с предыдущими и оказалась для Бернацкого невыносимо тягостной.

Помыкавшись с поисками работы по телевизионной специальности в иных городах, отчаялся Бернацкий и решил данную страну, в которой убил лучшие годы, оставить. Организовал через третьи руки вызов из государства Израиль и повел тяжкую борьбу с ОВИРОм за выезд. А вскоре в пересылочном пункте города Вены, решительно проигнорировав посулы и увещевания патриотов-вербовщиков из Тель-Авива, определил себе дальнейший курс в загадочную и манящую этой своей загадочностью Америку. Три месяца болтался в Италии в ожидании визы, откуда наконец был переправлен в Big Apple¹, столицу мира.

На нью-йоркском телевидении Адольда Бернацкого не заждались, да и сам он туда не стремился, поскольку превосходно сознавал, что со словарным запасом из двадцати слов, включая два нецензурных, нулевым знанием местных условий и техники никакой конкуренции операторам-янки не составит. Такого же мнения придерживались служащие благотворительной организации, занимавшейся беженцами, посоветовав ему скорее получить

¹ Американское название Нью-Йорка

водительскую лицензию четвертого класса, дающую право на работу, далее держать экзамен на водителя такси и на том в жизни остановиться.

Бытие Адольфа Бернацкого в Америке смело можно назвать цепью больших и малых приключений.

Вначале был поселен он в доме религиозного еврея, принят с отеческой лаской, но уже через час выдворен из дверей под проклятья хозяина: простодушный Алик, купив в магазине свинину, начал ее жарить, осквернив тем самым благочестивое жилище.

Не повезло и с последующим пристанищем: шестидесятилетняя хозяйка, страшная, как чумная крыса, положила на квартиранта глаз, однако Алик предпочитал тратить пособие на красивых и молодых проституток, чем вызвал ревнивый хозяйский гнев, лицемерно облеченный в высоконравственную проповедь, и пришлось перекочевать Адольфу на иное место жительства, к иному хозяину. На несчастье Алика тот оказался гомосексуалистом и к своей точке зрения на взаимоотношения полов после совместной пьянки попытался жильца склонить силой, однако получил удар в плечо, после чего угодил в госпиталь. Нанесен же удар был кухонным ножом.

Таким образом, для благотворительной организации Адольф Бернацкий оказался клиентом тяжелым и неудобоваримым, как ему напрямик и сообщили, лишив одновременно всяческой помощи. Казалось бы — крах! Но Алик не унывал.

Скоренько отправился он в магазин, расположенный в центре религиозного еврейского квартала, и, поблуждав между ломящихся от товаров полок, напихал за пазуху, не очень-то таясь от охраны, всякой всячины долларов на тридцать. У выхода его вежливо задержали частные детективы и препровели в подсобку. Не возражая, Алик выложил краденое, позволил себя сфотографировать, но, когда ему предложили проваливать и более в данный магазин не соваться, возразил: дескать, это как?! Он — вор, преступник, почему не вызвана полиция?

Детективы и любопытствующие продавцы, услышав такое заявление, уставились на Адольфа с недоумением, высматривая на лице его черты нездоровой психики.

— Двигай, парень, отсюда, двигай, — сказал неуверенно один из детективов. — Go and be cool!¹

— Хочу полицию! — произнес Алик настойчиво.

Явился хозяин магазина. Борода, какие-то шнурки торчат из-под полы старомодного сюртука, религиозная тубетейка... Хозяин был в районе человеком почитаемым.

¹ Иди и будь в порядке!

Уловив о желании вора, он в подозрении некоей тонкой провокации принял парадоксальное решение, предложив Бернацкому взять все, что тот похитил, уйти и отныне никогда сюда не наведываться.

— Хочу полицию! — повторил Алик упрямо.

— В чем дело?! — всерьез занервничал хозяин, не зная, как вытолкать настойчивого вора.

И Алик изложил, в чем дело. И про свинину рассказал, о которой как о мясе грязном даже не подозревал в голодной России, и о сексуально озабоченной старухе, и о гомике с ножевым ранением, и о бессердечности благотворящих чиновников...

— Так что — зовите полицию! — закончил убежденно. — Будет о чем писать советским газетам, как нас тут принимают, беженцев из коммунистического мира насилия...

Ох, не прошел бы в девяностые годы подобный демарш, не прошел бы... Вытолкали бы Бернацкого взащей или даже вызвали бы полицию, но в начале семидесятых такие слова прозвучали, как крупнокалиберные пулеметные очереди — хозяин аж голову бородатую, тубетейкой увенчанную, в плечи вжал, бормоча:

— Иди в магазин, бери, что хочешь, сколько унесешь...

— Полицию! — сказал непреклонный Алик.

Хозяин дотянулся до телефона, набрал номер.

Тут Алик несколько струсил, представив себя в тюрьме, в клетке с черными людьми, большими охотниками насиловать людей белых...

Однако страхи Алика оказались напрасны. Хозяин что-то записал на обрывке бумажки после разговора на непонятном иврите с неизвестным абонентом и протянул листок Алику. На листке был записан адрес. Оказывается, благотворительная организация перед Бернацким извинялась, квартиру ему предоставляла, а хозяин, лично нагрузив Адольфу три объемистых пакета, проводил его до порога, причем детективы поймали Адольфу такси и наперед такси оплатили. И оказался Алик в однокомнатной квартире, по местному — «студии», где засел за зубрежку правил уличного движения, дабы освоить водительское ремесло. Довольно скоро получил и лицензию таксиста. Началось практическое изучение города. Бруклин с его несколькими основными магистральями и обозначенными по алфавиту периферийными улицами Алик уяснил легко, едва ли не за неделю. Манхэттен при всей его пестроте и плотности тоже оказался неархисложным, укладываюсь в простую схему «авеню-стрит». Быстро разобрался Алик и с помойкой Нью-Йорка — островом Стейтен Айленд, а вот с двумя остальными районами — Бронксом и Куинсом — обстояло нелегко, тут приходилось плутать в многочисленных закоулках, выезжая по ошибке на скоростные трассы и не чая добраться до

съезда с них, однако по прошествии года Алику знал Нью-Йорк если не досконально, то весьма прилично. Сотня долларов в день зарабатывалась без особого напряжения, денег хватало на все, но главное — на «Смирновскую» и продажных девок, а потому Алику был счастлив. Точила, конечно, ностальгия по далекой родине, прежним друзьям с телевидения, старушке-маме... Увидит ли он когда-нибудь покинутое? Думалось — вряд ли. Отношения между Штатами и Союзом накалялись, и не приходилось мечтать даже о турпоездке, не то что о гостевой... А так жаждалось Алику вернуться, одетому в пух и прах, с чемоданом сувениров, оказаться в окружении восторженной зависти, глупеньких провинциалочек, готовых отдаться за двухдолларовые колготки... Здесь же, в Америке, он был тем, кем был, — занюханым таксистом, подувядшим кавалером, а потому любовь обходилась не менее сотни за ночь. Дружбы — никакой и ни с кем, ибо равные Алику боролись круглосуточно за хлеб насущный, а серьезные люди обитали в иных сферах и кругах, говорили на отменном английском, и общаться с ними было — ну просто невозможно! Что же касается внешних примет — будь то парижский костюм или соболья шуба до пят, этому здесь никто не поражался. И будь ты в мехах либо в джинсах, внимания тебе — ноль. Здесь все можно было купить. И очень трудно что-либо продать. Включая труд, идеи, даже тело. В равной степени никого здесь не интересовали твои прошлые заслуги и достижения. Только — настоящие и будущие. Однако настоящие вмиг становились прошлыми. То же касалось и сенсаций, и мод.

Тщеславием не обремененный, Алику далеко и не устремлялся. Главное, что имелось жилье и все, что к нему прилагалось: холодильник со жратвой и выпивкой и основательная кровать «кингз сайз» — королевский размер... Как выразился один из приятелей Бернадского по эмиграции, малоизвестный поэт Гриша, Алику мыслил лишь своими эмоциями и поллюциями, причем и то, и другое мало чем отличалось.

На такую характеристику Алику страшно обиделся, заявив: «Чья бы корова ухала, а твоя бы нюхала», быстро, впрочем, Гришу простив, тем более был тот одним из немногих, кто искренне с Аликом дружил, разделяя все его слабости и увлечения — хорошую жратву с обильной выпивкой, хождения на стороне от жены, вскоре его оставившей, и отличал их в принципе лишь интеллект и образование, натуры же не разнились. Равно как и генеральные жизненные устремления. Так что насчет коровы — верно.

Поэт Гриша сидел на «вэлфере» — пожизненном, можно сказать, пособии, выпускал одновременно не пользующиеся популярностью книжечки лирических стихов и остро страдал по Рос-

сии, откуда вывез настаивавшую на эмиграции молодую жену, вышедшую в Америке замуж за лицо англо-саксонского происхождения.

Побочным доходом Гриши являлся крупномасштабный аферизм малорезультативного свойства. Гриша посещал советское консульство, в ту пору еще функционировавшее в Нью-Йорке (до афганского инцидента), крутился там с предложениями всяких культурных программ среди дипломатов, подвизывавших его на вербовку, и в итоге на вербовку подвязался, быстренько угодив в ФБР, где тоже дал согласие на сотрудничество. Обоим ведомствам около года он морочил мозги, настойчиво требуя денег и деньги исправно получая. Обедал за счет агентов ФБР в дорогих ресторанах и пьянствовал с советскими шпионами в консульстве, куда часто прихватывал за компанию и Алика.

Когда Земля обернулась вокруг своей оси и минул год, Гришины брехливые обещания и прожекты обе стороны раскусили и с довольствия агента-афериста сняли, причем в советском консульстве ему предложили более на порог не ступать, а американские озлобленные контрразведчики пообещали, что отныне он никогда не получит гражданства. Что и исполнили. Жертвой же Гришиных плутней пал Алик, ибо совместные их хождения к красным дипломатам на дармовую водку обошлись ему также дорогой расплатой со стороны ФБР в плане получения гражданства: иммиграционные власти попросту игнорировали все заявления Бернацкого.

Вскоре дружба с Григорием прервалась. По обстоятельствам невеселым. Заболел Гриша раком легкого, перенес безуспешную операцию и скончался. За месяц до смерти прорвался в советское посольство, упросил выслушать его, показал выписку из госпиталя, слезно моля о визе, дабы умереть на родной земле. Выслушали, приняли заявление, а после категорически лаконично отказали официальной отпиской...

Хоронить Гришу едва ли не пришлось «за счет города» в яме под строящейся дорогой как бездомного, но все-таки на оставшиеся от покойного гроши Алик организовал похороны — скромные, но приличные. Навестив же кладбище через три года, могилы приятеля он не нашел — заросла, сровнялась с землей... Кладбищенский служитель, потыкав пальцем в кнопки компьютера, сообщил, что место захоронения существует и, конечно же, отыщется, но нужен для могилы если не памятник, то хотя бы уж крест... Крест стоил денег, но Алик, испытывая к умершему симпатию и жалость, все-таки позвонил бывшей жене его и о кресте в канве общего разговора упомянул.

Экс-супруга такую идею одобрила, но тяжесть по финансированию креста предложила нести Алику, так как покойнику она вроде

бы и никто, а Алик — друг; к тому же и второй мужик у нее помер. ввергнув вдову в немалые расходы и хлопоты, а посему, кроме благословения на подвижничество, дать она ничего не может.

Алик в душе меркантильность бывшей подруги Григория осудил, но спорить с ней не стал, рассудив, что лично свой долг он исполнил и даже дал себе торжественное обещание возвести на могиле мраморный памятник, если, конечно, разбогатеет. А в конце концов — с памятником, крестом или без них. — какая покойному разница? К такому мнению пришел он в итоге, и данный поворот мыслей был для Алика характерен.

Разбогатеть же вскоре действительно привелось: один из пассажиров такси, которого Алик зацепил в аэропорту, оставил в машине портфельчик, и в нем обнаружил Бернацкий тридцать пять тысяч долларов наличными, какие-то непонятные бумаги и вполне понятные кредитные карточки разнообразных компаний. По горячим следам Адольф покати́л в торговый центр, где буквально за час отоварился тысяч на пять, подставив в роли покупателя, за ящик дешевой водки «Алекси», одного из брайтонских алкашей, бывшего жителя города Львова. После, перевезя груды товаров на квартиру к знакомой даме, где оставил и портфельчик, порулил домой.

У квартиры его встретили двое испанцев. Из их взволнованной речи Алик уяснил, что они — ребята серьезные, работают на крутого босса и если Алик не вернет кейс, его тут же порежут.

Неверующий Алик божился, что ничего не знает, ничего не видел, спустился вниз, к такси, где обследовал вместе со своими потенциальными убийцами багажник и салон, но ни малейшего следа портфеля, к своему великолепно разыгранному огорчению, не обнаружил.

Испанцы Алику с трудом, но поверили. То есть не убили. Помахали ножами, располозова новенькую кожаную куртку, и дали время на раздумье до утра. А буквально через час раздался звонок. Звонил склеротический (прилагательное от Алика) босс бандитов, подтвердивший слова своих подчиненных: дескать, пусть Алик выкручивается как хочет, но чтобы завтра к утру портфель был возвращен, иначе с ним, Бернацким, произойдет то же, что и с его такси. Отбой.

Справившись с долгой оторопью, Алик сбегал по ступенькам вниз, к подъезду. У арендуемого им «желтого кеба» толпилась публика. Автомобиль являл зрелище плачевное. Как утверждали свидетели, автоматные очереди, раздавшиеся из проезжавшего мимо «Вольво», в считанные секунды изувечили машину до неузнаваемости. Алик просунул палец в одну из пробоин и всерьез призадумался... Вспомнил попутно о сегодняшних покупках по кредиткам еще не ведающего об этом шефа разбойников...

Через два часа, информировав хозяина такси, что пришла пора обратиться в страховое агентство, Адольф Бернацкий с двумя чемоданами нажитого честным трудом барахла, цветным телевизором и магнитолой выезжал из подземного гаража, находящегося в доме, на своем восьмицилиндровом «Олдсмобиле». Он покидал печально известный своей преступностью город Нью-Йорк, отправляясь на западное побережье, в Сан-Франциско, к землякам, недавно эмигрировавшим туда из Союза. Земляки имели влиятельных родственников в тамошней общине, и уж что-что, а на работу таксистом Алик мог рассчитывать. Жить же на берегу Тихого океана или Атлантического — принципиальной разницы для него не было.

Уже стемнело, когда он подъезжал к Манхэттену — каменной сказке с подсвеченными шпилями и куполами небоскребов; миллиардами огней, отражавшихся в Ист-Ривер, перечеркнутой мостами, — символу Америки, созданному великолепной фантазией зодчих со всего света.

А через час столица мира сгнула за спиной, и зарябила в глазах Алика светящаяся в ночи выпуклыми пирамидками разметка скоростной дороги, уходящая на запад. Рядом на бархате сиденья тускло блестел натуральной крокодиловой кожей портфельчик с тридцатью пятью зелеными... Как оказалось впоследствии — фальшивыми, вот почему столь и беспокоились о портфельчике бандиты... Но печальную эту истину Алик узнает уже в Сан-Франциско, когда хозяин бара, родственник тамошних Аликиных друзей, сунув первую же сотенную в машинку для проверки купюр, возвратит Адольфу деньги обратно, покачав укоризненно головой...

Ему-то, впрочем, Алик денежки и запродаст: по настоящей пятерке за ненатуральную сотню. Сплавит ему же Алик по дешевке и приобретенное по кредиткам испанца барахло...

С разочарований начнется бытие Бернацкого на западном побережье.

ИЗ ЖИЗНИ БОРИ КЛЕЙНА

Боря Клейн был истинным арийским красавцем. Белокурая бестия — это про него. Мужественное лицо, пронзительные голубые глаза, твердый подбородок, фигура атлета, напор и жизнелюбие. Отжаться от пола двести раз или пробежать по размытой от дождя пашне тридцать километров не являлось для Бори какой-либо трудностью. О незаурядной физической силе его говорит один из эпизодов, когда столкнулся Боря лоб в лоб на «Жигуленке» с «КамАЗом», управляемым нетрезвым водителем, и попытался водитель в ужасе прозрения с места происшествия скрыться,

ибо «Жигуленок» представлял собой жестяное месиво, а уж что случилось с водителем — описать мог лишь протокол судебно-медицинского вскрытия; и скрылся уже, как думалось пьянице, когда, сдав задом с односторонней улицы, куда заехал в дурмане, он ринулся прочь, но вдруг километра через четыре, притормозив на светофоре, увидел в зеркальце размашисто бегущую по улице фигуру с рулем от «Жигулей» в руке. И прежде чем сообразил, что это и есть живой труп, был извлечен из «КамАЗа» наружу, серьезно рулем бит и представлен для разбора происшествия в ГАИ.

Помимо фантастической силы присутствовал в Боре логический, присущий немцам ум, но ум живой, гибкий, социально отточенный, — видимо, оттого стал Боря в свое время кандидатом математических наук, однако от стези преподавателя-доцента в вузе отказался и, презрев зарплату в несколько сотенных, подался в круги иные, близкие к теневой экономике, валютчикам и спекулянтам автомобилями. Комбинации на этих попрощах Борей выдумывались изящные, прибывали деньги, появилась дача в подмосковной Малаховке, «Ауди», на которой помимо бизнеса ездил он в леса, где бегал в снегах, а затем, разгоряченный, гольфшом купался в сугробах — водилось за ним такое пристрастие, как у других, например, к регулярным возлияниям. Так бы и жил Боря не тужил, если бы к персоне его не стали активно присматриваться милицейские власти, да и запутался он в великом множестве женщин, слепо его обожавших. Четырех жен с девятью детьми содержал Борис. А кроме того, познакомившись как-то с заезжей американкой-аспиранткой, завел с ней нешуточный роман, получив впоследствии известие из Америки, что там, в заокеанской дали, рождена его иностранной подружкой дочь и зарубежная его семья ждет не дождется отца.

Вот и возникла у Бори мысль: а не свалить ли? От опасности воздаяния за свершенные валютно-спекулятивные мероприятия, от притязаний на него многочисленных супружниц, да и вообще... Не нравилось Боре в стране трудящихся. С каждым годом представлялась она ему все отчетливее и отчетливее в образе некоего динозавра — огромного, с маленькой головкой и прожорливой зубастой пастью; динозавра, пожирающего самого себя: свою плоть, мозг, топчущего все вокруг... Взять хотя бы экологию, чье качественное начало Боря ценил необыкновенно и чувствовал тонко. Снега, в которых он бегал, становились подозрительны в смысле чистоты, равно как и леса, где они лежали. А уж о городах и говорить не приходилось. Радиация, смог, грязь усиливающейся волной давили на здоровый организм Бори; законодательство колело, как выскочившая из матраца пружина, напирал и личный фактор: прознав друг о друге, закружили карусель со скандалами и угрозами обремененные здоровыми Бориньми

отпрысками супружницы, и пришлось Борису на всякий случай выкупить себе вызов на постоянное жительство из государства Израиль, благо фамилия его арийская сходила в этой стране за иудейскую.

Разрешение на выезд в условиях начинающейся демократизации было получено холостяком Борей быстро, но с отъездом он не спешил, зарабатывая валюту и изыскивая способы ее переправки за пределы оставляемой родины. Однако накал страстей, бушевавший среди супружниц, достиг пика, и одна из них, по имени Галя, проведав о планах отца ее незаконнорожденного дитяти и осознав, что обещание жениться — подлая ложь, решила на крайнее, добровольно рассказав заинтересованным органам правопорядка кое-что из жизни Бориса Клейна.

Ах, логика женщины: не мне, значит, никому... Даже если пострадаю сама. Да, шла Галина на риск, ибо не только была посвящена в тайна Бороных спекуляций, но и сама принимала в них активное участие, работая в ГАИ и выписывая разные документки на нечестные машины с перебитыми номерами кузовов и двигателей.

Однако ангел-хранитель, курировавший Боря, был бдителен, да и Борис не плошал.

Памятным вечером, возвращаясь после спортивной пробежки из лесопарка и неся в авоське спортивные трусы, майку и кило купленных по пути к дому помидоров, узрел Боря у своего подъезда желтую милицейскую машину и две черные «Волги» и — замедлил шаг, тревожно прищурившись. После позвонил по своему адресу из телефона-автомата.

— Алло? — ответил голос супружницы номер пять, и сказал Боря в ответ со вздохом:

— Понял.

«Алло», а не обычное «да» означало нахождение в квартире неизвестных лиц известной милицейской масти.

То, что виною всему Галина, Боря понял мгновенно, он умел выкристаллизовывать истину из сумятицы обстоятельств, а истина была хреновой: светило Боре опять-таки с учетом осознанных им следственных и судебных игр двенадцать лет. Отставив в угол кабинки телефона авоську со спорти принадлежностями и овощами и косясь в сторону желтой и черных машин, Боря осмотрел бумажник. Тысяча триста рублей, техпаспорт «Ауди», водительские права и — виза на выезд, ее он постоянно носил у сердца.

Далее прикинул Боря: завтра — воскресенье. Замечательный денек, когда отдыхают практически все граждане, включая сотрудников милиции и даже КГБ...

Рой смутных мыслей поднялся в голове Бори, заметался, всплыло американское лицо далекой будущей жены, вышки с ча-

совыми, виденные им не раз, хотя и издали... Сложно и путанно мыслил Боря в сей момент, однако — верно. И, подхватив авоську, неспешно двинулся по улице прочь от дома обетованного с зареванной супружницей под номером пять, покуда не остановил такси.

— Шеф, Шереметьево-два.

Истинно говорю вам: так было. То ли Борю любили женщины, то ли опять-таки подсобил ангел-хранитель, так или иначе, но всего за пятьдесят советских смешных рублей и букет роз уговорил красавец Боря некрасивую кассиршу продать ему билет «Москва — Вена», и был билет продан.

Продремав ночь в зале ожидания, предстал Борис перед таможенниками. В спортивном костюме, с авоськой.

— А имущество? — спросили строго.

— Это и есть имущество, — прозвучал кроткий ответ.

Мальчик-пограничник в стеклянной будке принял равнодушно визу и уткнулся в компьютер, проверяя подлинность документа.

Боря, испытывая слабость в тренированных ногах, вглядывался в лицо солдата, постигая с несвойственным ему страхом, что ложится на это румяное лицо тень какой-то ненужной озабоченности.

Солдатик поднял на Борю холодные глаза и потянулся рукой куда-то в сторону, нажимая, видимо, на хитрую кнопочку, и тут же к будке подлетели еще двое солдатиков и капитан погранвойск; оттеснили Бориса от турникета, и, сладко улыбаясь, капитан поведал, что, дескать, произошло кое-какое недоразумение, а потому — пройдемте...

«Вот и начинаются мои двенадцать лет», — подумал Боря, но капитану сказал иное. Сказал, что на руках у него валютный билет, предупредил офицера об ответственности, о возможности разжалования и прочих бедах, но не смутился капитан, а, заулыбавшись еще милее, ответил, что за билет погранвойска заплатят, а за действия — ответят.

Через две минуты Борис уже находился на личном досмотре, а через час в камере. Затворил дверь камеры тот же самый капитан, причем на лице его улыбка уже не светилась, улыбался он там, в праздничной суете аэропорта, а здесь, в своей стихии, был естествен.

Каждая минута из последующих двух часов стоила Борису седого волоса. Думы одна мрачнее другой сталкивались в его голове, не высекая никакой искры надежды.

А через два часа в камеру вошли полковник погранвойск и еще один тип в летной форме, но ясно, что не пилот.

— Ваша виза, — заявил полковник, — аннулирована.

— Почему? — возмутился Боря простодушно.

— Вот об этом мы вас как раз и хотели спросить,— заметил тип в летной униформе.— Ваша виза аннулирована... ОВИРОм.

— А вы, наверное, командир корабля?— спросил Боря.— Что, рейс задерживается?

— Рейс улетел,— сказал тип в летном раздраженно.— Так может, вы сообразовали объяснить, почему...

— Я?!— возмутился Борис повторно.— Объяснить? Я из-за вас потерял все... Билет, новую родину... и должен еще объяснять вам почему? Не угодно ли вам объяснить это мне?

Боря театрально гневался, сам же соображая: расчет на воскресный день оказался верен, комитетчики попросту не сумели созвониться с нужными людьми из милиции.

— Езжайте в ОВИР по месту жительства,— произнес полковник, возвращая Борису авоську.— И разберитесь там... Мы ни при чем.

«Благодарю за совет»,— едва не сорвалось у Бори с сарказмом, но удержался.

— А виза?— строго спросил он.— Не вижу визы.

— Зачем вам недействительная виза?— в свою очередь осведомился полковник.

— Это для вас она такова,— ответил Боря.— Для меня же виза — основной документ. Там фото с печатью, прочие атрибуты моей неповторимой личности. Вот выйду сейчас я на улицу, а ко мне — милиционер...— Он козырнул собеседникам.— Ваши документы, гражданин! Что я ему буду рассказывать об аннулированной визе, а он будет меня слушать, тем более и слов-то таких не знает... Визу — вернуть! — закончил категорически.

Люди в разных форменных одеждах очень одинаково переглянулись. Во взглядах их читалась мысль: все равно документу грош цена...

И через пятнадцать минут, извлеки остаток денег из-за общественного аэрофлотовского унитаза, Боря бежал к стоянке такси, вынашивая на ходу спасительную, хотя и рискованную крайнюю идею. Впрочем, о риске он теперь не думал. Игра пошла беспощадная, будь что будет! Так решил он, мчась на такси в центр Москвы к одной из своих случайных знакомых дам, профессиональной машинистке, разглядывая возвращенный ему документик. На документике было, в частности, напечатано: «Выезд через Шереметьево-2».

Дама оказалась к Бориному счастью на месте, и под искомой формулировкой о выезде через «Шереметьево-2» Боря, воспользовавшись ее машинкой, подпечатал: «или через Брест». Машиннописный шрифт несколько разнился, но... Боря уповал на ангела-хранителя. Расцеловав подругу и обещая ей обязательно звякнуть на следующей недельке с целью свидания, Боря ринулся

в поджидавшее его около подъезда такси, не забыв, правда, переговорить из телефона-автомата, находившегося в подъезде, с другом Мишей Авериным, у кого держал все свои ценности, ибо супружницам доверия не было. Наказал Мише ценности хранить.

А через несколько часов Борис Клейн предъявлял пограничному стражу в городе Бресте свою замечательную визу.

Страж недоуменно разглядывал документ, впервые, видимо, встречаясь с такой формулировкой, порывался звонить начальству, совершая незаконченные телодвижения в сторону аппарата связи, но Боря попросту деморализовывал его наглыми выкриками с хамской, заметим, интонацией. Мол, и тут бюрократия или... что, виз не видел, служивый? Или там роман детективный напечатан? На остаток денег Борей был приобретен дефицитный железнодорожный билет «Брест — Вена», а все имущество беглеца состояло из авоськи, широкой души и стремительно седеющих волос.

— Проходите, — процедил пограничник со злобой, и — свершилось! — Боря оказался за границей, пока, правда, в сотрудничающей с советскими органами правопорядка Польше.

Когда поезд пересек границу с Чехословакией, Боря, трясающийся от страха и вагонных вибраций на верхней полке, всерьез раздумывал: а может, спрыгнуть? Может, на следующей границе с демократической Австрией его снимут с этого чудного рейса? Ведь кто знает этих чехов... А так — спрыгнул и — по лесам и пашням... Бегать Боря умеет, никакая овчарка не догонит...

Однако оборвал Боря безумные мысли, закусил подушку крепкими зубами и вновь доверился ангелу-хранителю. И правильно сделал, ибо вскоре гулял уже по прелестной Вене с товарищами по общему счастью эмиграции. Большая удача сопровождалась удачами малыми: в частности, удалось Боре наткнуться в столице расчетливого капиталистического государства на бесплатный, а вернее, дефектный уличный телефонный аппарат, из которого позвонил в столицу покинутого отечества. Подлой предательнице Галине.

— Боря? — послышалось с испугом. — Где ты?

— В Орехово-Кокосово¹, — сказал Боря.

— Такое ощущение, будто ты тут, в Сокольниках, — сказала Галина. — Надо же, как хорошо слышно.

— Тут, в Орехово, импортная АТС, — поведал Боря.

— Борис, — начала Галина раскаянно, — нам надо поговорить. Что случилось, то случилось, но я была у следователя, он хороший мужик...

— И щедрый, — заметил Боря. — Целых двенадцать лет мне подарит.

¹ Имеется в виду Орехово-Борисово, район Москвы

— Нет... От силы — восемь... Но он сказал: ты скрываешься, это бессмысленно...

— Ты когда болеешь, к врачу идешь? — спросил Боря. — А я, когда меня ищут, бегаю... Тут тоже своя логика.

— Но если придешь с повинной, вообще могут дать пять...

— Сильная перспектива, — согласился Борис, а далее продолжил, надеясь на запись разговора и последующее прослушивание. — А может, твоему начальнику ГАИ денег дать? У него связи большие, договорится. Я ведь ему, удаву, через тебя ну... сорок тысяч за все про все точно отдал... А за «Волгу» последнюю ту серую — так ведь только за нее трешник... Неужели добра не помнит человек, откажет?

— Да он же сейчас сам дрожит, — вяло отвечала подруга, поддаваясь на провокацию. — Самому бы живу остаться...

Боря развивал диалог в надлежащем ключе, млея от предвкушения мести. В итоге назначили встречу у следователя через день, в десять часов утра.

Разговор, следует заметить, Боря провел впустую. Что случилось с Галиной в дальнейшем, было ему неизвестно, однако беседу их если и записали, то явно не прослушали, ибо минул год, а Борю все искали милицейские власти по просторам Союза...

В назначенные же десять часов утра Боря действительно стоял навтыяжку перед официальным лицом — консулом посольства США в Италии. Рассказывал Боря консулу о своей невесте, проживающей в Нью-Йорке вместе с его малолетней дочерью, о своем математическом образовании, безусловной своей полезности для Америки...

Консул, глядя на спортивный костюм Бориса, несвежую тенниску, спросил как бы между прочим:

— А... какое везете с собой имущество?

— Вот. — Боря предъявил авоську, где находились спортивное бельишко и единственный мятый помидор.

— Да вы действительно... беженец! — сказал консул сочувственно.

— Еще какой! — подтвердил Боря. — Я бежал... от большевиков, как лань от коды пантер...

Итальянские каникулы вскоре минули, и старая столица мира Рим сменилась новой столицей — Нью-Йорком, где началось для Бори западное летосчисление его непростого бытия.

МИХАИЛ АВЕРИН. КЛИЧКА МОРДАШКА

Утро для Миши Аверина издавно начиналось одинаково: звонил телефон, бесцеремонно врываясь в сон своей трелью, палец механически тянулся к стоящему на полу аппарату, нажимая

кнопку, пикал сигнал, означающий включение громкой связи, и голосом, полным недовольства и страдания, Миша бурчал:

— Утро еще не наступило, а в стране дураков уже кипела работа... Ну?

Затем, часто после смешка в динамике, раздавался голос звонившего, и нес этот голос, как правило, ценную оперативно-коммерческую информацию, упустить которую Миша не мог.

— С привоза,— сообщал голос,— дека «Иваси», с примочками, навороченная, лонг-плей, четыре башки, стерео, туда — семерку.

Сие означало, что только что из-за границы прибыл видеоманитофон «Джей-ви-си» — двухскоростной, с четырьмя головками, множеством вспомогательных систем управления и контроля, и непосредственный продавец просит за магнитофон семь тысяч рублей.

— А тебе?..— спрашивал Миша посредника, не отверзая вежд.

— Ну... единичку кинешь — спасибо,— отвечали смиренно. То бишь сто рублей за сделку.

— Неинтересно,— отзывался Миша, с неудовольствием чувствуя, что просыпается уже бесповоротно.— Никакого «коридора».

«Коридор» означал перспективу выгоды от последующей перепродажи.

— Да брось... Ты его за семь с полтиной спулишь — делать нечего... Цены какие — каждый день в гору!

Голос вещал правду: цены действительно росли, причем безудержно, хотя Мишу этот факт не смущал. Рост цен не влиял на прибыли Миши, профессионально занимавшегося спекуляцией импортной радиоаппаратурой. Более того — благодаря рыночному ажиотажу имелась возможность существенной наценки за товар, чей рыночный номинал возвращался к Мише, конечно же, неизменно. Другое дело — взять товар ниже конъюнктурного номинала, это удача, счастье.

В данном же случае лукавит Миша с перекупщиком: твердая цена магнитофону семь с половиной тысяч, но четыреста рублей наживы Мишу не устраивают, появилась у него привычка с каждой сделки урывать по крайности полтысячи, такова минимальная ставка.

— Подвинь клиента на сотню,— говорит Миша.— Сторгуешься!

— Не двигается! — лживо горюет голос.

Миша знает: не «единичка» — гонорар перекупщику, перекупщик берет аппарат тысяч за шесть с половиной, а Мише объявляет больше, у него те же интересы... И перекупщик знает, что сие Мише известно, но таковы правила игры, таков принцип, и дело вовсе не в сотне, а в ритуале коммерческой пикировки,

и часто ускользает из-за пикировки амбиций явная выгода, и жалко ее, ускользающую, но принцип все равно главнее, каким бы разорительным ни был. Уступить — значит, сбить руку. А Миша суверен.

— Давай-давай, души хозяина! — советует он. — Пусть прогибается, крохобор!

— Ну... хорошо, — сдается перекупщик. — Попробую. Часам к двум буду у тебя с аппаратом. Жди.

Следует отбой. Миша удовлетворен. Выигрыш явный. Магнитофон он продаст за восемь тысяч, «пассажир», то бишь покупатель, имеется, а значит, девятьсот рябчиков, считай, в кармане.

За первым звонком лавиной обрушиваются последующие. Миша поэтапно ведет разговоры из уборной, ванной и кухни — благо есть у него радиотелефон. Телефонов же как таковых у Миши множество. Последний приобретен за восемь тысяч — этот перезванивает по памяти в другие города или же по тем адресам, куда хозяин временно отлучается, имеет систему автоответа, антиподслушивания, различного программирования, цифровой дисплей и массу иных занимательных и полезных функций. Связь в бизнесе — первейшее дело, денег на нее жалеть глупо. Связь это и есть деньги. Зачастую — прямо из воздуха. Тем более круг знакомых Миши разнообразен, хотя одинаково состоятелен. Вопросы к Михаилу возникают ежедневно, и он охотно всем помогает.

Звонок. Просят устроить номер в Дагомысе. Заблаговременно, на июнь. Миша твердо обещает. Услуга — шестьсот рублей. Положить в клинику. Три тысячи. Достать черную икру. Мебель. Состыковать кооператоров согласно их интересам. Надежно пристроить краденое. Отмазать от милиции или же от рэкетиров. Часто Миша отвечает лапидарно: «Запиши номер телефона. Скажи — от меня. Деньги можешь завезти на неделе».

Великое изобретение телефон. Звонок, сведение двух заинтересованных сторон и... ах, если бы еще по проводам пересылались купюры...

Денег между тем у Миши мало. Миша любит пожить широко, погулять на морских игорных курортах, устроить бардачок раз два в недельку, пообедать и поужинать каждодневно в ресторане, а если перекусить дома — то продуктами исключительно дефицитными. Капитала у Миши — тьфу, как он считает, ну, около миллиона, хвастать нечем. Плюс — загородный дом, машина, куча электроники, но все это для дельцов с размахом — чепуха. Может, для лиц, вкальывающих на госслужбе, подобные блага — из области фантазмагорий, но прагматик Миша, вращающийся в среде определенной, твердо и скучно знает: мелочь он и дешевка с таким капиталом. Есть спекулянты куда более высокого полета — недви-

жимостью занимаются, серьезными компьютерными системами... Те наживают в день тысячи и тысячи, в делах их миллионы крутятся, и бластное «червонец», означающее десять тысяч, для них червонец и есть... Однако этих крупных и преуспевающих акул роднит с Мишей одно: тяга к игре. Неистребимая. В принципе деньги на всю оставшуюся жизнь давно сделаны, да и не в них смысл, они — фишки в бесконечной суете срыва куша за кушем, суете бессмысленной, но неотвязной, вошедшей в кровь. Согласно Мишиным категориям, есть в этой игре игроки удачливые и дальновидные, есть попросту глупые везунчики.. С проигравшимися ясно, глупые везунчики — публика малоинтересная, как правило, без кругозора, живущая голым результатом накапливаемой бумаги и прожираящая доходы по кабакам, просаживающая их в картежном азарте, тратящаяся на проститутток. Глупые везунчики полагают, что живут единственно правильно и полноценно. Вероятно, это и так, если расценивать блага, ими достигнутые, как рубеж возможностей их и черту интеллектуального горизонта. Так и варятся они в собственном жиру и задыхаются в нем — прогоркшем в итоге. Но и глупые везунчики сознают горькую правду покупаемого ими мира, ту правду, что вокруг них, племени проходимцев, существуют миллионы других, зарабатывающих на хлеб свой мало и тяжело, тех, кто встает засветло и приезжает домой в потемках. И реально властвует вокруг именно эта сумрачная, несвободная и бедная жизнь, а не пестрота сытого спекулятивного бытия, легко различимая в общей серости, а потому бытия опасного. И вот, будучи в несогласии с высокими требованиями уголовного законодательства и низким уровнем жизни народной, мечтают глупые везунчики о бытии заграничном, где все доступно на любом угле, были бы «бабки». Но за границу не торопятся, да и кто они там? Впрочем, вот вам и глупые... Хотя некоторые, бывает, срываются. Туда, где сигаретами «Мальборо» и магнитофонами «Сони» не спекульнешь. И попадают, естественно, в положение затруднительное. В основном же лелеющие мечту об иностранной неведомой жизни так с ней и остаются — внутри Союза, как с вечной занозой в душе. Иное дело с точки зрения Миши — игроки удачливые и дальновидные. Эти — да! Эти обреченно уяснили: не в рублях счастье. Но — в твердой валюте. А в те государства, где она и только она имеет хождение, надо удирать не с пустыми руками. И начинают, дальновидные, тяжкий труд обращения отечественной «фанеры» в зеленые бумажки, бриллианты и золото. Опасный труд. Многоэтапный и длительный. Миллионы тают, обращаясь в тысячи, но тысячи — далеко не гарантия стабильного положения, так, на первое время... Без солидной суммы чужаку с большими запросами в капиталистических даях нелегко. А чужак — он и делать-то ничего не умеет, и ни бе ни ме

на импортном языке, и вообще планы на жизнь при всей дальновидности у него неясные. Значит, параллельно с обращением имеющихся рублишек в валюту надо и еще этих рублишек украсть... А после, коли не срубили тебя перекрещивающимися очередями из бастионов различных органов правопорядка, возникает другая задача: как валюту переправить за бугор? Задача не для дилетантов, а решить ее часто пробуют наскоком, благодаря чему вместо Запада многие из дальновидных переезжают в казенных вагонах на восток, вселяя в коллег, поневоле преданных отчизне, страх и одновременно успокоенность — мол, чур, не надо нам масштабных валютных операций, мы уж потихонечку, да верней... А что казино нет, «Мерседесов» в качестве такси и салями под пиво «Карлсбад», то как всегда — достанем. Салями будет из-под прилавка, пиво со склада, «Мерседес» с черного рынка, а ночной бар со стриптизом и на дому организовать можно. Так рассуждал и Миша. Глупым он себя считал? Нет, пожалуй. Но и не везунчиком. Ибо являл он собою особстатью. Мише было уготовано оставаться советским спекулянтом средней руки. Так уж вышло. Заграничные дали были для него исключены непробиваемостью жизненных обстоятельств. Дело в том, что Миша работал на милицию в качестве агента. И являл собою человека несчастной судьбы: чужого среди своих, то есть преступников, и чужого среди чужих, то есть слуг закона. Дело же обстояло так.

Жил Миша, рожденный в шестидесятые годы века двадцатого, в семье добропорядочной в высшей степени. Дед, отец папы, большевик с восемнадцатого революционного года, в прошлом директор крупного военного завода, основу семьи составлял. Папа — секретарь райкома партии коммунистов — достойно традиции деда продолжал, а мама растила детей — Мишу и Марину, младшенькую. В семье согласие, мир и достаток. Два пайка — дедовский и отцовский, машина персональная, на которой папа на работу ездил, а мама по магазинам, квартира из четырех комнат, ведомственные санатории на морском берегу...

Радостно жили, радостно трудились. Смело смотрели в будущее. До трагических восьмидесятых. Миша в ту пору в Институте международных отношений учился, имея непробиваемую бронь от армии, Марина в Институт иностранных языков готовилась, папу на повышение выдвигали, деда чествовали, приглашали наперебой в гости к пионерам, мама в хронической эйфории пребывала, как вдруг — началось!

Арестовали папу. За взятки. И — караул! Обыск, конфискация, и где только она — эйфория?!

Миша помнил отца на последнем свидании, уже в тюрьме.

— Брезгуешь мной, сынок? — произнес тот тихо. — Не говори, знаю, что брезгуешь... И оправдываться не стану, виновен. А нача-

лось-то как? Приходит ко мне начальник строительного управления и тридцать тысяч в конверте — на стол. Твое, говорит. Я на дыбы. А он спокойно так, глазом не моргнув: это, мол, за твои резолюции. Можешь, конечно, ОБХСС вызвать, только не районный, его я и сам могу... И учти: резолюции есть, а что ставил их, под чужое убеждение попав, то — не оправдание. Посадить не посадят, но низвергнут до нуля. Выбирай. Можешь в урну деньги бросить, можешь сжечь, дело твое. И деньги твои. Кстати, об ОБХСС. И не о районном. Там тоже свои. И... там тоже все в порядке. А белых ворон не любят. Потому их и нет, как понимаю.

Много раз вспоминал Миша эти слова отца. Виноват был отец? Или система виновата? Миша полагал — система. А ведь неумолима она оказалась в новой своей ипостаси... Едва арестовали папу, сразу неважно стало у Миши с успеваемостью в институте. И не потому, что папиным авторитетом он там держался. Уж какие вопросы на сессии памятной, последней Мише-отличнику задавали — таких в программе захочешь, не обнаружишь. И наконец без предоставления академотпуска — за борт. Далее пошло крушение за крушением... В месяц сгорела от рака мать. Ударилась в загулы Маринка, начала путаться с заезжей кавказской публикой по ресторанам, после — с иностранцами... Денег не было. Прижми-стый дед с кряхтением отдавал пятаки на молоко и творожные сырки из своей большевистской пенсии. Одряхлел дед окончательно, помутился разумом, хотя к переменам в семье единственный отнесся философски. Отцовское падение переживал, конечно, но видел его через призму собственного опыта, а на памяти деда таких падений ох сколько было... Погоревал и о матери, но да и смертей видел дед много, тоже притупилось... Лишь об одном Михаила спросил: может, неудобен, а Дом ветеранов партии, говорят, неплох... Но тут уж Миша без колебаний возразил: и не думай! Ужас Мишу охватил — любил он деда, дед частью детства был, а ныне последним родным кусочком прежней жизни остался, последним...

Маринка вскоре замуж выскочила за московского азербайджанца, сказочно богатого, но в браке продержалась недолго. Муж-мусульманин воли жене не давал, десяток детей желал и требовал строгой домашней дисциплины. Разошлись, впрочем, мирно. Со-стоятельный супруг оставил беспутной жене квартиру с мебелью, двадцать тысяч как откуп и спешно бежал к другой, страшненькой, но благонаправной, из своего рода-племени. А Миша устроился переводчиком в «Интурист». С трудом, за большую по тем его понятиям взятку, одолженную из сбережений деда. И познакомился Миша с миром возле «Интуриста» — валютчиками, фарцой и проститутками, среди которых в один день узрел и свою сестри-

цу... Узрел, а ничего в душе не дрогнуло. Закономерно, видимо, так он подумал. А если о нотациях — просто глупо, на себя посмотри. Засосала Мишу спекуляция. Быстро, как зыбучий песок золотой. И освоился он в новой среде легко. Начал с сигарет и со шмоток, затем, обретя основательные связи, со службы ушел, положил «за зарплату начальнику» трудовую книжку, чтобы где-то числиться, и — ударился в спекуляцию аппаратурой. Деньги потекли рекой. Гладкой и полноводной. Однако иллюзией оказалась безмятежность быстрого обогащения. Караулила Мишу беда. Сбили его на самом гребне спекулятивной удачи, с предельной ясностью доказали три крупные сделки, и очутился он в камере...

Застойный дух тюремных стен. Вдохнув его, Миша понял: конец, выбираться надо любыми способами, любыми... И предложил тогда Миша гражданам начальникам свои услуги... Многих из преступного мира он уже знал. Знал: кто, как, когда, сколько. И это касалось не только спекулянтов, валютчиков и проституток. Знал Миша и воров, рэкетиров, жуликов-кооператоров, покупавших у него электронику и модное тряпье...

И скоренько Миша из тюремных стен вышел. Так скоро, что и не заметил никто его отсутствия... Но вышел теперь иным, далеко не вольным стрелком. Появился у Миши куратор в лице опера Евгения Дробызгалова, и стал Миша куратора просвещать по части секретной уголовной хроники... Гешефты Миши теперь обезопасились, ибо надлежало ему «хранить лицо»; нажитого никто не отбирал, а Дробызгалов удовлетворялся блоком «Лаки-страйк», импортной бутылкой или же демонстрацией ему какой-нибудь пикантной видеопленочки, которую он именовал «веселыми картинками». Откровенных взяток опер не брал. Но с другой стороны, сволочью был Дробызгалов изрядной. Шантажом не брезговал, пусть подоплека шантажа была примитивненькой: мол, Мишуля, работай плодотворно, не финти, без утайки чтоб, а то узнают коллеги твои о тайном лице, скрытом за маской честного спекулянта, и, Мишуля... Видел как-то Миша личное свое дело на столе Дробызгалова, и поразило его, что на обложке было выведено чьей-то чужой пакостной рукой: кличка — Мордашка.

— Почему это... Мордашка? — справился он у Дробызгалова с угрюмой обидой.

— Ну... так... соответствует, — дал опер расплывчатый ответ, убирая папку, оставленную на столе, видимо, по оплошности, в громоздкий сейф. — Спасибо скажи, что харей не назвали или мурлом там каким...

— Хрена себе!

— Не выступай, — отрезал Дробызгалов. — Обсуждению не подлежит. Вообще ничего не видел, ясно?

— Грубые вы все же... менты, — подытожил Миша. — И вся

ваша натура подлая налицо в этом... эпизоде. Правду говорят наши: самый лучший мент — мертвый.

— Ты мне... сука... — привстал из-за стола Дробызгалов.

— Шучу! — глумливо поджал губы Миша. — Шу-чу!

— Ты... сука... в следующий раз...

Впрочем, Дробызгалов быстро остыл.

Указания опера Миша выполнял, работал на совесть. Хотя, отметить надо, если и забирали кого-нибудь из Мишиного окружения, то красиво, наводкой не пахло, осведомителя милиция не подставляла. Более того, устранялись порой опасные конкуренты, перебивавшие Мише игру. И росла Мишина клиентура, росло влияние; рос штат шестерок, работавших на Мишу за свой процент, а шестерок за самодеятельность Миша тоже сроком мог наказать, и за нечестность, и за лень, да и вообще в зависимости от настроения... Одно удручало Мишу: растаяла мечта о заграничной жизни, а заработанные тысячи постепенно теряли смысл. Он поднялся над бытием простых трудяг, но — как?! — вися на ниточке между готовыми сомкнуться ножницами, причем ниточка была ниточкой именно что для ножниц, для него же она представляла собой стальной трос, спеленавший его намертво. Может, все было бы ничего — гуляй, пей, пользуйся дарованной тебе неприкосновенностью, не отказывая себе ни в чем, но Мише мешало прошлое — то прошлое, в котором были облеченный властью отец, несостоявшееся будущее дипломата, а там, кто ведает, — посла, а из послов с таким-то папой и дедом еще выше... Въелась в Мишу песенка: «Все выше, и выше, и выше...» Жил он ей, его семьи эта песенка была, да вот выше не вышло. К потолку привесили. А песенку спетую осмеяли и забвению предали, как пережиток известной эпохи.

Лучший Мишин деловой дружок Боря Клейн умудрился в Америку съехать и теперь по надежному каналу, через одного из фирмачей, клиента Марины, перебрасывал оттуда Мише письма, призывая к контрабандным операциям и выражая готовность к любому совместному предприятию. Миша писал другу ответные депеши, однако свойства общего, ибо почвы для кооперации не видел. За границу Боря удирал в спешке, буквально из-под ареста, а потому остался Михаил хранителем его дензнаков, нескольких бриллиантов и дачи в Малаховке, записанной на чужое имя. Эти ценности Боря предназначал для реализации за твердую валюту, но указания покуда поступили лишь по поводу дачи, которую пожелал приобрести для себя фирмач-почтальон.

Миша остро Борису завидовал. И даже попытался однажды слукавить с милицейскими, выскользнуть из тисков, попросив сестру Марину свести его с невестой какой-нибудь заморской, и вроде нашлась шведка одна разбитная, и брала шведка за

фиктивный брак всего-то пять тысяч в «гривах», но — пронюхали. Незамедлительно появился Дробызгалов, сказав:

— Не шути, Мишуля, шуточек. С ножом в спине ходишь, парень. И всадят нож по рукоять. Устроишься легко, понял? И тот жук¹, кто всадит перо в стукача с превеликим своим блатным удовольствием, тут же, родной, на вышак и отправится. Все согласовано будет, рассчитано. Так что...

Вскоре Марина укорила брата:

— Чего ж ты? Струхнул? Зря! Такую телку тебе поставила... Глядишь, и любовь бы получилась потом большая и искренняя...

— Не, — сказал Миша. — Кто я там? Прикинул — не!

— Тогда набивай зелененьких, — сказала сестрица. — Чтобы там сразу в рантье... А шведок еще найдем. Правда, цены могут вырасти...

— Утроим усилия, — откликнулся Миша.

К полудню, когда Миша расправился с завтраком, пожаловал соратник по промыслу Гена, живущий в соседнем доме. Гена курировал «Березки», перекупая аппаратуру у ломщиков и кидал. Толстый, с золотыми фиксами, в простеганном пуховике, китайских сапожках с вывернутыми на мыски рифлеными подошвами, в лыжной шапочке, Гена привез видеодеки.

— Только две штуки товара оторвал, Мишенька, — оживленно заговорил он с порога. — Больше не смог. «Ломота» в грусти, перехватить у нее нечего, весь товар люберецкие по дешевке отбирают, рэкет — черный!

Миша был в курсе ситуации. Ломщики, перекупавшие у владельцев чековых книжек аппаратуру и, естественно, надувавшие своих клиентов при расчете, жестко контролировались бандитами, обязавшими продавать товар им и только им по самой низкой рыночной цене. Утаить что-либо от вездесущих рэкетиров было практически невозможно, мошенники, скрежеща зубами от бессилия, несли убытки, и Гена, ранее скулавший по двадцать — тридцать единиц аппаратуры в день, ныне, во времена расцвета рэкета, тоже удовлетворялся случайными гешефтами. Впрочем, не слишком унывая, поскольку переориентировался на «привоз». Его шестерки постоянно пасли публику возле таможни и в международном аэропорту, где ячея сетей мафии была попросторнее.

Провожая словоохотливого Геннадия в гостиную, Миша притворил дверь комнаты деда, мельком успев различить профиль старика, отрешенно сидевшего у окна и пусто взиравшего на стену, где мерно качался длинный бронзовый шток старых часов в застекленном футляре. Что видел дед и куда обращал свое зрение? В прошлое, отсчитанное этими часами, памятными ему еще с дет-

¹ Наемный убийца

ства — семейной реликвией, пришедшей в дом этот от предков неведомых внуку Мише и уже полузабытых им, дедом?..

— А я весь в делах, в ремонте, — докладывал между тем Геннадий, опуская коробки с деками на тахту. — Приходи, взгляни, какую себе ванную заделал... Бассейн, пол с подогревом... А то, знаешь, дети ночью пописать, к примеру... часто без тапочек, а кафель-то холодный... Ну, я трубы под него... Теплынь, красота... Кафель финский, как изразец...

— Это ты верно, — соглашался Миша, доставая из секретера целлофановый пакет с деньгами, рассортированными на тысячи. Каждая переложена согнутой пополам сторублевой купюрой. — Во какие бабки даю — одни стольники, — цедил озабоченно, вручая Геннадию десять пачек. — Опустился бы за такие бабки хоть на полтинник, а?

— Да какой такой полтинник? — грустно отвечал Гена, имевший, кстати, кличку Крокодил. — Я этот полтинник всего-то и наживаю... Я ж чего? Я ж только друзьям помогаю, я ж бедный... Это вы — ротшильды!

— Помогаешь... сука... — бурчал Миша беззлобно. — Аферюга. — Квартирку-то ремонтировать пора, — советовал Гена, скептически трогая пальцем выцветшие обои. — Быт все-таки он, брат... да! Я, хорошо, на первом этаже... вообще тут в подвал дома углубляться задумал... Кегельбан хочу там замонастырить, сауну, барчик... Да, Мишель, чуть из башки не вылетело: антиспидган мне нужен, выручай, — сменил он тему. — Поможешь?

— Триста пятьдесят.

— Чего так люто?

— Ну... триста, хрен с тобой.

— Беру. Когда?

Миша не ответил. Зазвонил телефон. Снимая трубку, он подумал, что производство антиспидганов — приборов, устанавливаемых в автомобилях, дабы фиксировать излучение радаров ГАИ и вовремя снижать скорость, — дело выгодное чрезвычайно. Умелец, инженериска из НИИ, прилежно собиравший приборчики из деталей с военной приемкой по сто рублей за единицу, трудился на Мишу не покладая рук, перейдя, так сказать, на конверсию. Спрос на продукцию возрстал, и просьба Гены служила тому лучшим доказательством. Прокатился на днях Гена на Мишиной машине по трассе, и вот — заело, понравилось. Да и помимо Гены от желающих нет отбоя, ведь импортный антирадар ничуть не лучше, а в четыре раза дороже.

— Три «кати»¹ на стол, и прибор твой, — говорит Миша Геннадию, включая громкую связь.

¹ Катя (жарг.) — сто рублей

— Михаил? — раздается голос. — Нужен экран, пятьдесят четыре по диагонали, желательна «Грюндик».

— Имеется, — откликается Миша. — Восемь с половиной, хоть сейчас...

— Позже, — отвечают. — Тачку найду, приеду.

Гена аккуратно отсчитывает деньги, кладет их на стол, как было велено.

— А твоя телега где? — спрашивает Миша телефонного собеседника. — Или... с бодуна?

— Чтоб тебе самому не просыхать! — отзывается голос злобно. — Ты знаешь, как подсуропил с антирадаром своим, гад? Тачку вчера мне в лом обратили...

Миша, кашлянув стесненно, оборачивается в сторону Гены. Глазки Гены прикованы к лежащим на столе трем коричневым кушорам. На лице же его — живейшая заинтересованность от разговора по громкой связи, зубы с золотыми фиксами оскалены, нос настороженно вытянулся...

— Еду по трассе вчера, — повествует голос, — вдруг запел прибор, замигал, хотя ментов — никаких... Ну я по тормозам инстинктивно. А сзади «Волга» шла, прилично так... Ну и в зад мне... Так что удружил, падла!

— Это не ко мне, — говорит Миша. — Сочувствую, но — не ко мне. Прибор же не соврал, где-то в кустах, а торчали менты... Точно ведь? Как выяснилось впоследствии?

— Ладно, — отвечает голос угрюмо, но мирно. — Где-то к трем буду. Так что никуда, понял?

— Понял, не горюй, — отзывается Миша. — Главное, прибор остался цел, а тачку к нему докупишь. Привет!

Гена заливается хриплым смехом, топая сапожком по паркету.

— Вот и сэкономил клиент на штрафах, — резюмирует он, не предпринимая, впрочем, попытки забрать свои деньги обратно.

— Н-да, — роняет невпопад Миша и крихтит двусмысленно, давая понять, что присутствие Гены его уже обременяет.

Данное крихтенье Гена понимает верно, встает с дивана, забирает антиспидган и, желая коллеге выгодно сплавить деки, выкатывается толстеньким в пуховике колобком прочь.

А Миша, оставшись в одиночестве, размышляет о Гене. Во-первых, крепнет мысль, что Гену пора сдать в лапы Дробызгалова. Слишком активно Гена суетится в районе. Вынюхал часть Мишиной клиентуры, перебивает заказы... Да, Гену надо сажать. Пусть дооборудует квартиру и отправляется в барак... По своей же натуре Гена — тип занятный. Прилежный семьянин, соблюдает диету, не пьет, не курит, и зачем ему такое количество средств при наличии двух машин и двух дач — загадка. А средств у Гены много, сие известно Мише доподлинно. Гена занят бизнесом прак-

тически круглосуточно, за четвертным наживы поедет ночью в любой конец города, поблажек себе не позволит никаких, а ради чего? Ради голого устремления к пачкам накапливаемой бумаги? Или ради обеспеченного будущего детей? Это для Миши загадка. А может, дело в разнице характеров и степени азарта? Миша куда более ленив, одинок и часто сознается себе, что занимается спекулятивным ремеслом уже чисто по инерции, бесцельно, ибо и заниматься-то больше нечем... Но — не бросить! Среда не выпустит, да и сам он из нее не уйдет, ибо чужим будет в ином мире, где считают каждую копейку, ходят на службу ради жалкой зарплаты, унижаются перед начальством и занимаются черт знает какой мелочевкой. У Миши своя компания вольных игроков, где его понимают с полуслова. А помимо компании существует еще Дробызгалов — тоже понятный и близкий, который никаких люфтов не потерпит и, если что, шкуру спустит.

Полная у Миши ясность и сытая бесперспективность. Завтрак, гешефты, обед, гешефты, вечером бардачок после ресторана и так до лета. Лето — сезон пустой, клиентура в разброде, доходы невелики, и можно, согласовав с Дробызгаловым свое отсутствие, смело подаваться на отдых в Сочи, благо дед еще себя обслужить в состоянии. Купить кефир и пожарить яичницу старик может.

Исподволь понимает Миша, что не жизнь у него, а существование в замкнутом круге противных до тошноты привычек, обязательств и вычисляемых за десять шагов вперед коллизий. Коллизий ли? Так, мелких приключений, а если и неприятностей — то типа венерической болезни или же возврата бракованной аппаратуры возмущенным клиентом, которая после ремонта снова пускается в реализацию... Здоровье у Миши крепкое, мафия и милиция хотя не союзники ему, но и не враги, а потому, полагает он, пусть не меняется порядок вещей, ибо не худший это порядок, а к лучшему стремиться — идеализм, и дорожить надо тем, что имеешь, и иметь больше и больше...

Так что сначала было «выше», а после это самое «больше». И второе представилось куда надежнее первого.

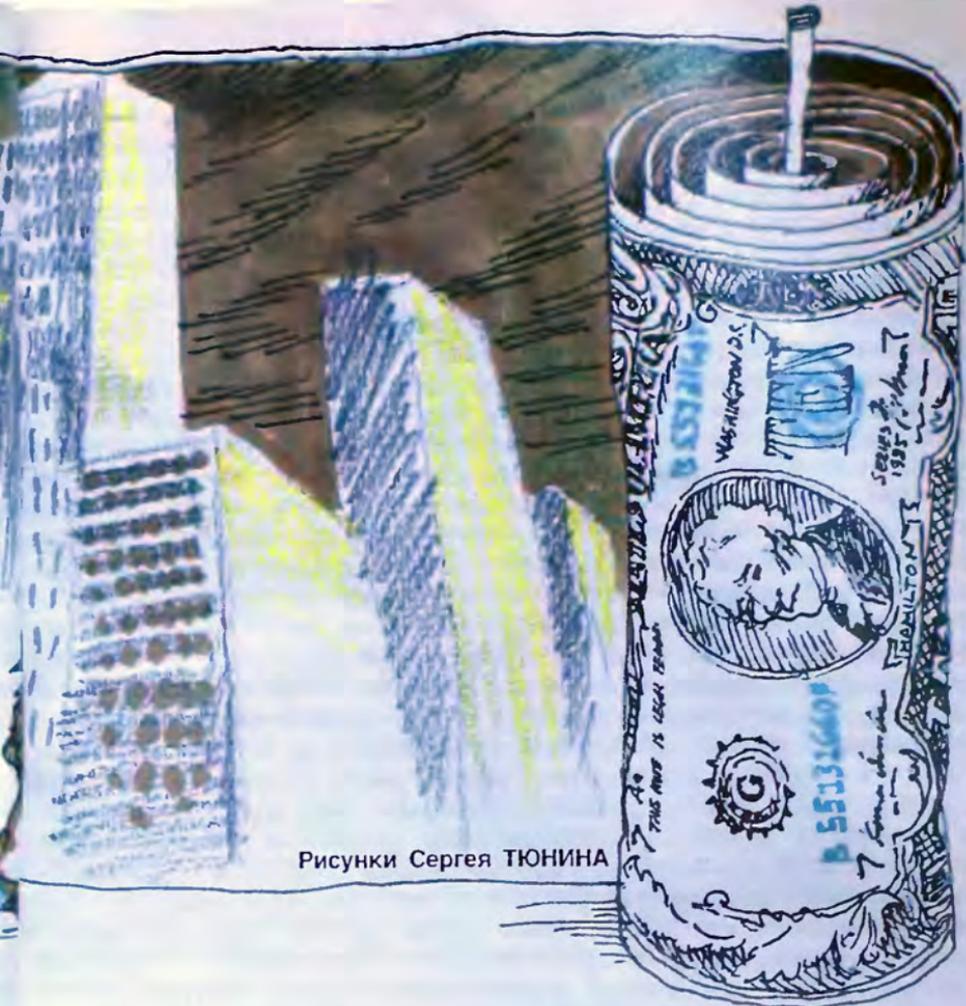
ДЕД

Настоящее и прошлое. Два мира, таких разных, но одинаково странных и отчужденных от него... Почему? Может, прошлое попросту отходило далеко, забывалось, уподоблялось сну, а настоящее? Оно тоже воспринималось словно бы сквозь мутное стекло, размывавшее ту суть жизни, что ощущалась когда-то резко, радостно и обнаженно. Механически вялым становилось и осознание такого отчуждения, а возникающие было удивление, смятение,

страх тут же меркли, как дотлевающий прах костра, задетый нечаянным ветром.

Старик не понимал, что угасает мозг, способность мыслить, подменяемая привычками, рефлексами и намертво усвоенными стереотипами. Он знал, что ложиться спать надо рано и вставать надо рано, обязательно умывшись и позавтракав. После завтрака он спускался вниз, к ячейкам почтовых ящиков, долго искал цифры номера квартиры, намалеванные краской на откидной крышке; наконец забирал газеты и отправлялся обратно домой, где усаживался у маленького столика на старом дубовом стуле, разворачивал свежие листы и читал... Читал ли? Текст воспринимался и не воспринимался. Но читать было надо, так он привык. Изредка, как бы сквозь пелену, обнаруживался смысл фраз — смысл, повергающий в изумление, если не в ужас... Изю дня в день в газетах поминался Сталин. Товарищ Сталин. Великий вождь.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

Идеал старика. Поминался как чудовище, выродок и убийца. Старик не мог взять в толк, как можно писать этакое об отце-хранителе страны, что произошло, не революция же какая-нибудь, она ведь одна, революция, и он, старик, когда-то участвовал в ней, но — что же тогда?! Или он читает какие-нибудь другие газеты, вражеские?.. Кто знает, что приходит по почте внуку? Или... подбросили? Врагов происки? Нет... газеты те самые — статьи в них другие. Да что газеты? Перевернулся мир, и ничего не понять в нем. Дома вырастают, телевизоры в каждой квартире, машины у людей личные, а работать вроде как меньше стали, если вообще работают... Внука хотя бы взять — целый день на диване лежит, по телефону болтает, а денег зарабатывает много — вон в холодильнике и балыки, и икра, и ветчина, разносолы иностранные, а в магазинах ничего, уксус да соль... Впрочем, знавал старик времена разные, когда и пусты были витрины, когда голод звер-

ствовал и когда ломились прилавки яствами... Все возвращается на круги своя, все повторяется... Трудно стало с водкой, вот что удручало старика всерьез. Внук не пил вовсе, разве изредка приносил пиво в неудобных железных банках, а старик любил побаловаться беленькой всю жизнь, в привычку вошло опрокинуть пару стопочек перед обедом — для аппетита, а тут, когда немощь пришла, исчезла водка, а очереди выстраивались за ней, дорогой до умопомрачения, дикие. Тяжко было старику в очередях маяться, да еще с большими ногами, на морозе, а приходилось. Редко какой жалостливый на подходе к прилавку примет стариковский червонец да и прикупит бутылочку из сострадания. Зол народ стал, зол. Криком кричит: мол, старый хрен, могила по тебе скучает, а туда же, зараза, за градусом! — а уж коли так — стой и не дергайся! И нет уважения, что ветеран партии, с восемнадцатого года в ней; что гражданскую прошел, финскую и отечественную... Стой, и все. А как устоишь — ноги не держат, в глазах плывет... И не стоял бы, да радость единственная — пара стопок... Закружится голова, легко станет на сердце, и... вроде тут-то приходит осознание жизни, того, что не мертв. Слабое зрение уже не тяготит, бездеятельность душу не точит, и одиночество проклятое отступает. Отрадно становится, безрассудно, и можно сидеть на стуле отрешенно и вспоминать... Много, долго и сладко. Отца, мать, братьев, жену... Всех родных покойных. Сын ныне остался, но и он уже из прошлого, в тюрьме сын, далеко, не добратся туда, а срок у него длинный, значит, не судьба свидеться...

Опьянение физическое или опьянение воспоминаниями испытывал старик? Или было связано одно с другим? Так или иначе, в эти минуты опьянения старик жил, и — удивительно — окостенелое мышление воскресало, разорванные мысли обретали законченность и четкость, и даже хотелось говорить, делиться с кем-то о пережитом — внезапно цветном, ясно воскрешенном из мрака забвения, и о нынешнем — грозно-непонятном. Старик пытался постичь несколько недосягаемых для его разума, поистине загадочных факторов: отчего, во-первых, такая чудовищно дорогая водка, а качеством куда хуже прежней; затем, откуда вдруг появился частный сектор, а уж как он его громил во времена изничтожения нэпа, как громил! Неясно с империализмом. С Америкой, оплотом реакции, дружба началась какая-то странная, из телевизора вопли иноязычные каждый вечер, а по радио чего говорят — да за это раньше к стенке без разговоров! Товарищ Сталин вроде как враг народа... И только ли он, все, оказывается. плохи были. Или он, старик, недопонимает чего? Рехнулся? Нет, не рехнулся, кажется... Тогда что? Вот посадили сына. За взятки, как внук объяснил. Ну, тут ясно. Спасибо, не расстреляли, раньше бы за такие дела... Горько, конечно, обидно, верил он в сына.

и ведь честным тот рос, политически выдержанным, в большие начальники вышел, в секретари райкома, видным стал коммунистом... А может, враги-то его в тюрьму и упрятали? А нынче власть взяли, отсюда и сектор нэпманский, и с Америкой вась-вась, и вообще разлад повсюду... Ясно, почему в магазинах ничего нет — народ-то больше по улицам болтается, митинги проводит, прохлаждается, а руководство и не приструнит, не употребит власть... А ведь не это мечтал увидеть старик в революционном семнадцатом, не такое... Что-то иное. А что? Вспоминал, как лежал с винтовкой в дозоре под Москвой, ожидая нашествия банды анархистов на склады продовольственные, вспоминал, как завод налаживал, собирал рабочих, про жизнь светлую им говорил, которую им же создать надо, и создали ведь жизнь эту! И какую жизнь! Хорошую, основательную! Слезы выступают у старика, когда ее вспоминает, и видится неизменно: темное зимнее утро, прорезанное воем гудка, заиндевелое оконце комнатки в коммуналке, своей комнатки, в настоящем кирпичном доме — одном из первых в деревянных еще Сокольниках; завтрак, пусть скудный: чаек морковный, хлеб черный с луком... А после — заснеженная дорога к заводу. А на заводе — рай! Свет электрический, станков шум ровный, масла машинного запах... Надежно все, дисциплинировано, уютно... И чтоб кто-нибудь к смене опоздал! Товарищ Сталин хоть крут был, да хозяин, порядок укрепил: прогулял — срок, опоздал — санкции. Строго было, но рука хозяйская чувствовалась, а потому надежно жили, с верой. А сейчас? Стоял портрет товарища Сталина в полках книжных — хороший портрет, на гладкой фотобумаге, долго стоял, и вот те на — внук едва в ведро помойное не выбросил, насилиу отобрал, насилиу упрямил оставить...

— Тогда, — заявил внук, — в комод себе положи этого гада, но чтоб меня перед людьми не позорил! Тоже, выставил мразь всякую вместо иконы...

Вот что внук сказал. Он, старик, и ответить не смог, оторопел. Этак о человеке, который богом был для страны, который и войну выиграл, и народ накормил, и цены снижал каждый год, и... Даже всплакнул старик. День себе места не мог найти. А потом понял: если в газетах такое, разве внук виноват? Образумить мальчишку надо, правду ему рассказать... Попытался. А внук и слушать не захотел, отмахнулся; а тут еще грузинцы пришли в дом — опять коробки с иностранными надписями выносили, а после другие приехали и новые коробки принесли... Вот коробкам-то этим иностранным внук и молится, а в них приборы тоже иностранные, непонятные, кино там какое-то показывается через них, и, чувствует старик, нехорошее кино, ихнее, империалистическое.. И предупреждал ведь внука: держись подальше! — а тот снова

отмахивается, мол, говорит, это при Сталине твоим такое кино не в почете было, а сейчас только такое и смотрят. А раз вошел старик в гостиную: внук спит, телевизор работает, а по телевизору — ох, да такой разврат, такой... И два голоса говорят. Один вроде по-русски, другой по-иностранному... Точно. Спелись с Америкой. И телевизор не выключить — ни кнопок нет, ни рычажков, тоже американский, видать. Окрутили молодежь капиталисты. Эх, внучок, внучок... Товарища Сталина в шкаф! А у самого, как у бабки-богомолки, иисусы на стенках и девы-марины, иззор-то! И опять, почему на работу не ходит? Говорит, на дому работает. Но не инвалид же! Насчет партии тоже... Все в семье партийные, а этот — ни в какую! Мне, заявляет, партвзносы — разорение, на моих партвзносах завод соорудить можно! Не удался внук. Всем парень хорош: и его, старика, не обижает, всегда еду принесет, белье сдаст в прачечную, в комнате приберет, а вот жизнь неясную ведет, неясную... Но и что скажешь, ведь понимается где-то, словно бы изнутри, что мир за окном в ладу с внуком его, ему принадлежит мир этот — странный, чужой мир. Смотрит на него старик из окна, долго и пристально смотрит. Что-то знакомое осталось: каланча пожарная стоит, как и прежде стояла, церковь... Но не те Сокольники стали, не те... А ведь родился он здесь, вырос, мальчишкой бегал среди улочек грязных с лепившимися друг к другу домишками деревянными... Нет домишек уже. И тот, первый кирпичный, в котором комнату получил свою, первую, тот тоже сломали. Теснятся теперь громады каменные, асфальт повсюду, если бы не каланча и не церковь — ничего бы и не узнать. Другим стал мир. Таким он его представлял, когда в революцию рабочих агитировал? Когда о коммунистическом будущем им говорил? Нет, такого и представить себе не мог. Эх, показать бы тогда тем работягам и солдатам гражданской мир сегодняшний — ахнули бы. Да только не их это мир все-таки оказался, другого в нем много, враждебного. И не коммунизмом этот мир зовется, нет. Хотя и райком партии есть, поздравления каждый год аккуратно оттуда приходят, и паек в магазине получить можно как ветерану партии — значит, есть партия, и ценит она его, но вот куда смотрит только? С Америкой этой опять-таки... А может, в Америке коммунисты верх взяли? Мирно как-то? Без революции? Неясно. Но на водку — чего цены подняли? Туда, в Америку, ее всю переправляют, оттого и так? А нам остается мало?

Эта мысль постепенно окрепла. Все, наверное, туда и идет. И не только водка. Продукты тоже туда. И машины, наверное... да. Внук вон что говорит — на машину нынче не один год в очереди стоять надо, много за границу отправляют... Но тогда что они нам за это? Кино, что ли, гадость ту, которая из коробок, всю квартиру заставивших? Иль одежду, что на внуке — не одежда, обноски

какие-то — разноцветно все, пятнисто, как в цирке клоун... Зачем такое кино и одежда нужны? Вот раньше... и костюм добротный недорого, и мясо, и балык в магазине, и рюмочные дешевые... С работы пришел, выпил, хозяйка стол накрыла, а там и телевизор поглядели — умный советский фильм. И песни красивые, и герои душевные... Сытый, по-хорошему усталый засыпаешь, а утром — гудок. И — цех, запах масла, станков гуд... Вот куда бы вернуться. А туда если что и возвращает — водка. А она в Америку, проклятая, идет, в Америку!

ИЗ ЖИЗНИ АДОЛЬФА БЕРНАЦКОГО

С Сан-Франциско для Алика Бернацкого начался его стабильный этап жизни по подвалам Америки. Земляки из Свердловска, арендовавшие дом, отвели в нем для Алика благоустроенное под-земелье, и стало оно первым в цепи иных, последующих. Согласно стажности выше Алик уже не забирался.

В Сан-Франциско Адольф прокрутил баранку такси около двух лет. Результат — пятнадцать тысяч сбережений, подержанный «Линкольн», сто сорок два контакта с разными дамами и всего лишь три случая гонореи, излеченной по карточке бесплатного медицинского обслуживания для неимущих.

Приятели Алика, в чьем доме он проживал, окончили курсы и колледжи, трудоустроились в фирмы, на твердые зарплаты и вскоре дом покинули, разъехавшись по иным штатам. Прибыли иные жильцы, заключившие новый договор с лэнд-лордом¹. Новые съемщики отнеслись к Бернацкому неприязненно, приказав в течение месяца подвал освободить. Алик пообещал, не особенно расстроившись. Конечно, причин для радости не было: приятелям он платил чепуху, пятьдесят баков² в неделю, снять приличное жилье за такие деньги — абсурд, однако существовали обеспеченные знакомые дамы, жаждавшие замужества, десяток обещаний впрок на данную тему Алик уже раздал, так что выбор бесплатного прибежища имелся обширный. А собрать два чемодана с барахлом — больше у него не прибавилось — пять минут. Наверное бы, и прожил Бернацкий свой месяц жилищной форы, взвешивая кандидатуры подруг и удобства их адресов, не случись непредвиденного... Хотя истины ради заметим: часто непредвиденное создается сознательно.

Сознательно действовал и Адольф, пригубивший немало сортов пива вкупе с крепкими напитками в одном из баров нижнего города и севший за руль автомобиля, дабы отправиться в родимый подвал на отдых.

¹ Домовладелец
² Доллары

Рулил он уверенно, но агрессивно, сразу же, только тронувшись с места, протаранив проезжавший мимо «Ниссан», каким-то образом перевернувшийся на крышу. Осознав тяжесть происшествия, Алик, загасив габаритные огни, попытался скрыться. Шансы, как ему казалось, для этого имелись. Водитель «Ниссана» не скоро выберется из машины, ставшей клеткой, а через два переулка — оживленная трасса, на которой легко затеряться. А там уж, пьян ты или нет, разницы никакой. Никогда не остановит тебя полиция даже для проверки документов; полицейский просто не имеет на это право, если водитель не нарушает правил движения. А их Алик более решил не нарушать.

Столкновение с «Ниссаном», в котором ехал, кстати, лейтенант конной полиции, незамеченным, однако, не осталось: свидетелями оказались два стража порядка, несущие патрульную службу пешим образом неподалеку от бара, и в эфир тотчас же полетели приметы разбойничьего «Линкольна». Алик еще не проехал и мили, а весь район уже замыкался в кольцо с планомерным прочесыванием примыкающих улиц и магистралей.

Бернацкий же давил носком модного ковбойского сапожка на акселератор, внимая цыганским напевам, гремевшим на всю мощь в четырех динамиках стереомагнитолы. Проехав шесть блоков, он вдруг узрел фиолетовые огни полицейских машин в зеркалах заднего вида и даже различил настырный вой сирен сквозь плотную разухабистую музыку. Заставить себя отрезветь? Оценить содеянное? Нет! Разгоряченный свободнoлюбивыми мелодиями и текущим в крови алкоголем, Адольф решил бесшабашно уйти от погони, вдавив педаль акселератора до упора в пол. Мощный как танк и стремительный как торпеда, «Линкольн», круша тяжелым бампером японские легковушки и раздвигая солидные американские кары, вылетел из сонного переулка под «кирпич» на одностороннюю улицу и с жутким ревом помчался по ней в неизвестном даже для таксиста Алика направлении, пытаясь уйти таким манером из сжимающегося кольца преследования.

Вой сирен уже слышался со всех сторон, властно перекрывая цыганские страдания и выкрики, но Алик бесстрашно гнал машину наперекор всем правилам и препятствиям.

Впоследствии капитан полиции, принимавший участие в задержании всеокрушающего «Линкольна», скажет, что такие гонки на протяжении всей своей жизни если и видел, то лишь в голливудских боевиках, равно как и остальные причастные к операции полицейские, свято убежденные, что от них пытаются уйти какой-то матерый гангстер, к которому при первой же возможности следует применить всю огневую мощь имеющегося оружия...

В какой-то миг, обретя чувство реальности, Алик попытался схитрить, встроившись на парковку в просвет между машинами.

однако в просвете этом находился гидрант¹, стоянка возле которого запрещалась категорически, и чугунную колонку гидранта Алик, наскочив колесом на тротуар, опрокинул, как кеглю. В воздух незамедлительно рванул столб воды, выброшенной из подземных труб, и Бернацкого полицейские обнаружили, как кита китобой, по фонтану. Стрелять, однако, не стали: гангстер, вывалившийся из двери, ползал на четвереньках возле «Линкольна», отыскивая потерянные очки, и являл зрелище смехотворно-беспомощное.

О дальнейших событиях помнилось Адольфу смутно, а были они таковы: уяснив, что разбирательство с задержанным бессмысленно, полицейские в порядке мести и в целях профилактики очень грамотно, не оставляя следов, Бернацкого отмузузили, после чего поместили в камеру, где, очухавшись, он начал грозить и ругаться, обзывая служителей закона оскорбительно и даже грязно, и, соответственно, нарвался на ответную реакцию в форме повторной экзекуции. Сознание померкло вновь. Очнувшись в очередной раз, Алик потребовал погасить свет, ибо тот мешал ему спать, однако свет не гасили, никто на зов не являлся, и тогда, разодрав рулон туалетной бумаги, висевший возле унитаза, Бернацкий занавесил решетку бумажными лоскутами, после чего погрузился в сон. Пробуждение, естественно, было безрадостным. По совокупности свершенного грозил Бернацкому немалый тюремный срок: пьяная езда, двенадцать поврежденных машин, оскорбление полиции, попытка скрыться... О своем будущем Бернацкий думал не без содрогания.

Молоденький полицейский надзиратель принес ему весьма приличный завтрак из ближайшего ресторана и даже две банки пива, последнее — внемля проникновенной мольбе мучившегося похмельем Адольфа.

Вскоре Алик стоял перед судьей, зачитывавшим ему перечень перипетий криминального инцидента. Интонация, равно как и выражение лица судьи, ничего хорошего не обещала.

«Боже,— подумалось тогда Алику,— проехать полмира, перенести незнано что и в итоге закончить жизнь в чужедальной тюрьме... Да никогда!»

— Господин судья. Сэр. Мистер,— произнес Адольф горько,— главное в любом преступлении — причина. Могу ли я изложить причину?

Судья выразил согласие.

И Алик, преодолевая языковой барьер, довольно складно поведал историю о смерти его больной одинокой мамы в Советском Союзе — империи зла, куда он, конечно же, не может выехать даже для того, чтобы проститься с трупом... Да, произошел есте-

¹ Уличный пожарный кран

ственный срыв, надлом... Господин судья, обратившись к компьютеру, без труда проверит: ни одного преступления не совершил честнейший Адольф Бернацкий до дня вчерашнего, ни одного... Он раскаивается, он молит о пощаде, он...

Американцы сентиментальны. Это явствует из дальнейшего разговора сторон.

— Что же с вами делать? — сказал судья. — Расходы по побитым машинам оплатит страховая компания, но вас я наказываю штрафом в триста тысяч долла...

— Я получаю пособие, — отозвался Бернацкий грустно. — Я слаб материально.

О пятнадцати тысячах наличными он распространяться не стал, равно как и о своей подпольной работе в такси.

— Я лишаю вас водительской лицензии...

— Но тогда... у меня нет возможности устроиться на работу, — парировал Бернацкий.

— Вы будете в течение полугода отмечаться в полицейском участке! — расвирепел судья и долбанул молотком по кафедре.

Вечером радостный Бернацкий пригласил к себе в подвал двух безнравственных женщин и устроил грандиозный праздник в честь избавления от темницы.

Проснулся утром с гудящей головой. Девицы испарились. Через некоторое время открылось, что испарились также часы, золотые цепочки, перстень с бриллиантом и все пятнадцать тысяч наличными, лежавшие под ковром.

Оцепенело анализируя такое открытие, горя желанием вызвать полицию, но одновременно опасаясь, что за поощрение проституции его опять поволокут в суд, Бернацкий расслышал наконец чей-то голос, и принадлежал голос новой ответственной сьемщице дома.

Голос поведал Бернацкому о всем нехорошем, что в Алике наличествовало, и ни о чем положительном не упомянул, подытожив: завтра к утру подвал освободить!

Опохмеляясь остатками из бутылок и дожевывая зачерствелую закуску, Алик, обратясь к потолку, матерно крыл Америку — жестокую, бессердечную, битком набитую жуликами, корыстолюбцами, насквозь прогнившую, лицемерную, очевидно зараженную скрытой юдофобией... И насчет юдофобии за примером далеко ходить не надо: новые жильцы пример ярчайший и убедительный! И почему он когда-то не согласился на эмиграцию в Израиль: все там свои в этой теплой фруктово-овощной республике, даже телевидение советское принимается, и жилье дается, и деньги... Или в ЮАР бы махнул... Эксплуатировал бы черное большинство, жил бы барином в собственном особняке... Заметим, что о достоинствах жизни в Израиле и в ЮАР Бернацкий знал со слов ему же

подобных неудачников, далее Брайтон-Бич авеню в своей американской эпопее не перемещавшихся, а ограничивающихся маршрутом: винный магазин — пляж — квартира и благотворительная контора.

В разгар критического нецензурного монолога, обращенного к потолку, раздался телефонный звонок. Звонили прежние соседи, ныне — жители Нью-Йорка. Тепло справлялись: как ты там, Алик?

— Плохо, — сознался Алик, всхлипнув. И поведал о злоключениях своих.

— А давай к нам! — предложили друзья. — У нас как раз подвал пустует. А испанцы здешние наверняка про тебя позабыли, так что не бойся.

И Алик сей же миг начал собирать чемоданы. Теперь его ждал новый подвал. Подвал Нью-Йорка. В штат Калифорния ныне возврата не было. За нарушение исполнения судебного приговора Алик регистрировался на компьютере как преступник, должный быть осужденным на тюремный срок, а потому появляться в этих краях представляло отныне значительную опасность. Да и зачем? Ему вполне хватит территории остальных Соединенных Штатов. И что Западное побережье, что Восточное...

У новых жильцов Алик из соображений скорее практических, нежели мстительных, позаимствовал цветной телевизор со встроенным видео и кое-что из гардероба, решив, что в Нью-Йорке это ему пригодится и многое сэкономит.

ДРОБЫЗГАЛОВ

Из прокуратуры оперуполномоченный Евгений Дробызгалов вышел задумчив и опустошенно, бессильно злобен. Плюнул рассеянно на ступени учреждения и, прищурившись досадливо, натянул на лоб козырек кожаной кепочки.

Сбылись худшие опасения, сбылись! Щенок, безусый мальчишка, сменивший вышедшего на пенсию прежнего покладистого прокурора из отдела надзора, оказался буквоедом, не склонным ни к каким компромиссам. Щенок в новом темно-синем мундирчике держался важно, подчеркнуто представлялся по имени-отчеству, попытки фамильярностей типа свойского «ты» надменно отклонял и рассуждал, как робот, запрограммированный исключительно на тему конкретного юридического вопроса. Впервые столкнувшись с этим типом, опытный сыщик Дробызгалов, мгновенно отметив излишнюю категоричность недавнего выпускника юрфака, подумал: ничего, пооботрется, пообтешется, затем же, столкнувшись с ним повторно и на сей раз слегка поконфликтовав, решил — уже со вскипающей злостью, что не сносить чинуше

головой, но да ошибся в таком пророчестве: ценка, напротив, повысили через год в звании, характер его не изменился, а к делу он стал относиться еще более дотошно и рьяно. Отношения между ним и Дробызгаловым накалялись до предела. Впрочем, в общении прокурор оставался корректен и ровен, взрывался Евгений. Прокурор мерно отчитывал оперуполномоченного за ошибки в работе, подробно разбирал поступившие жалобы и цеплялся за каждую неточность в деле, доводя Дробызгалова до немого исступления. В органах Евгений служил уже пятнадцать лет, придя в милицию сразу же из армии, опыт имел большой и всесторонний, и стояло за этим опытом многое: люди, судьбы, удачи и превратности, познание тонкостей работы и, конечно же, самые разнообразные объяснения в прокуратуре, вплоть до показаний о применении огнестрельного оружия, что повлекло смерть нападавшего на Дробызгалова преступника. Преступник, говоря по правде, был всего-навсего пьяным хулиганом, вооруженным ломом. Поначалу Дробызгалов решил договориться с бузотером по-мирному, однако не вышло: хулиган, занеся лом, целенаправленно двигался на Евгения, и потому пришлось пальнуть из «макарова». Впервые. В человека. Дробызгалов запомнил все отчетливо, в том числе свой лихорадочный испуг, смешанный с легким удивлением, ибо выстрел в грудь нападавшего показался словно бы холостым: хулиган даже не пошатнулся, продолжая упорное движение вперед с высоко занесенной железякой. И пришлось тогда Дробызгалову бежать прочь с единственной смятенной мыслью: патроны — брак! Но нет. Промчавшись вслед за ним метров двадцать, хулиган упал. И вот, нескоро и с опаской приблизившись к лежащему на тротуаре телу, различил Дробызгалов маленькую темную дырочку на свитере, липко набухающую кровью... Ох, и потаскали же его тогда в эту прокуратуру, и потаскали... Что, зачем, почему... Хорошо, прокурор еще нормальный был, вникал... А попадись этому молокососу...

Дробызгалов цыкнул сквозь зубы вязкой слюной досады и посмотрел на часы. Начальник райотдела наверняка на месте и наверняка ждет его... И предстоит объясниться с ним, ибо сопляк в прокурорском кителе допек сегодня Дробызгалова вконец и нарвался на откровенный разговор с нецензурными определениями в свой адрес, после чего побежал жаловаться своему начальству на милищейского хама. А прокурорское начальство, конечно же, наябедничало начальству Дробызгалова. Оперативно, убедительно, на повышенных тонах.

Суть же конфликта между Дробызгаловым и прокурором сводилась к следующему.

Мишка Аверин, он же Мордашка, осведомитель Дробызгалова, попал в долги к Груше — крупному квартирному вору, у которого

взял в долг на выкуп товара семьдесят тысяч рублей. Долг вернул, но протянул с деньгами три дня, за что Груша потребовал проценты. Однако — не деньгами.

— Мы люди свои,— мирно сказал Груша Мордашке,— так что бумаги не надо, а сдай богатого фрайера. Наколка на хату, и мы в расчете.

Информация о таком предложении пришла от Мордашки к Дробызгалову немедленно. И порешили: предложение принять. Начальству гуляющий на свободе Груша надоел, так что перспектива прихватить его на горяченьком да еще и с подручными представилась заманчивой. Оставалось лишь выбрать подходящую квартирку и продумать детали «отмаза» от подозрений со стороны уголовников для Мордашки. Кандидатуру для ограбления наметил он же, предложив в жертву некоего Петю-Кита, своего конкурента по бизнесу. Накануне Петя-Кит выкупил партию искусно подделанных часов «Ролекс». Часов было около тысячи штук, статья о спекуляции вполне проходила, а для воров такой товар тоже представлял немалый интерес. Так что в итоге операции Груша со своей командой привлекался бы к ответственности за кражу с проникновением в жилище, а Кит — уплывал бы за спекуляцию в дальние океаны... Наводка с «Ролексом» Грушу вдохновила, однако он потребовал, чтобы наводчик участвовал в деле. План «отмаза» такого поворота событий не предусматривал. Мордашка уперся, но под ножом бандитов согласился.

— Вдруг мы запамятовали чего, вдруг не то заберем,— дружелюбно объяснял ему Груша.— Боишься? Хорошо. Десять процентов товара — твои. Нет? Ладно, я добрый. Будешь в общей доле.

Вход в квартиру Пети-Кита преграждала стальная дверь с сейфовым замком. Вору пришлось спускаться с крыши на веревках на балкон девятого этажа. Квартиру ограбили, но на улице началась операция захвата, прошедшая крайне удачно. Грушу взяли с поличным, оперативники артистично, пусть и экспромтом, симитировали побег с места преступления наводчика Мордашки, но... кто знал, что на одном из воров висело дело об убийстве, расследуемое прокуратурой? Потянулись нити, началось копание в подробностях, и выплыл факт присутствия некоего Михаила Аверина при ограблении квартиры спекулянта... В этот факт и вцепился дотошный молодой прокурорчик — где, мол, соучастник?

— Не соучастник, наш человек,— терпеливо втолковывал чинущие Дробызгалов, с ненавистью впиваясь взглядом в его розовые, молочные щечки.— Внештатник, так сказать...

— Подследственный Кротов,— строго чеканил на это слуга закона, имея в виду Петю-Кита,— показал: ваш внештатник —

профессиональный спекулянт, вращающийся в среде организованной преступности, махровых бандитов...

— Выполняет работу,— корректировал Дробызгалов.

— Какая работа! Наживается под вашей опекой! — недоумевал молокосос.

Ну что скажешь! Тут-то Дробызгалов не выдержал. Обозвал прокурора индюком, ничего не смыслящим в оперативной работе, да и не только индюком, и тот, оскорбленный, ринулся плакаться в жилетку начальству. Впрочем, не сразу. Сначала все здоровые сосуды его физиономии налились кровью от гнева праведного, и он указал Дробызгалову на дверь.

Разговор же прокурора с начальством был Евгению известен, пусть и не присутствовал он при этом разговоре. Оперуполномоченный знал стереотипы прокурорского мышления. Наверняка поведаст молодой да ранний своему патрону о Дробызгалове как о грубияне и беспринципном типе, потакающем уголовникам, а начальство в ответ: э, дескать, у них в милиции темна вода, у них где закон начинается, а где криминал — не разобрать, а вообще-то... того, надо им хвост прищемить. Надо! И прищемим.

Им, прокурорам, плевать, какой кровью раскрытия даются, им — чтобы на бумаге порядок был, а там — солнце красное не всходи. Будь их воля, и осведомителей они упразднили, хотя без армии стукачей раскрываемость вообще бы на нулевой отметке застыла. Это обыватель полагает, с забавным детективчиком под абажуром нежась, что умный следователь все распутывает да отважный сыщик... Нет, всякие мордашки в основном... Пусть и праздная у некоторых из них жизнь, и аморальная... Но как по льду, из которого лезвия отточенные торчат, идут они каждый день, каждый час... Да и кто из нормальных людей согласится в стукачи?.. А он, Дробызгалов, он что от своей блестящей службы имеет? Вздрючки, четыре часа сна в сутки и голую зарплату, которую тот же Мордашка в самый свой неудачный день, лежа на диване, делает. И мысль, все более неотвязную и жгучую: когда же на пенсию? И выйду ли, дотяну? Чем завершится эта гонка сумасшедшая, где на любом метре — или колдобина или подножка? Вон вчера... Пришел человек по повестке, а вернее, жулик, знающий — несдобровать ему, а в кармане у жулика — тысяча. За дверью же — люди из ГУБХСС, которым он только что заявление о вымогательстве взятки накатал... Хорошо нутром учуял Дробызгалов неладное, да и у провокатора нервы сдали: нет, чтобы взятку куда-нибудь тихо между бумаг сунуть, когда Дробызгалов отвернется, попытался всучить по-наглому, нахрапом, чем и выдал себя, а проявил хитроумие и выдержку, плыл бы сейчас милицейский ворог

его к причалу спецзоны в тюремной ладье... И ведь не докажешь, что имел как оперуполномоченный слишком весомые аргументы против мошенника, оттого и затеял тот вероломную пакость... И так — каждый день. Эх, пенсия, ты как финишная ленточка для марафонца, но марафонцу что? — сошел с дистанции, и пусть, а ему куда? Ни специальности, ни образования стоящего, водительские права и то любительские...

Размышляя подобным образом, вошел Дробызгалов в кабинет полковника, сразу же уловив на себе со стены неодобрительный взгляд основоположника ЧК Дзержинского, рыцаря пролетарской революции.

Полковник тоже посмотрел на Дробызгалова без радушия. Полковник был назначен сюда несколько лет назад, но отношений с подчиненными наладить так и не сумел, ибо считали его дилетантом без шанса на перспективу. Раньше полковник служил в госбезопасности, откуда и был переведен с большой группой старших офицеров в МВД для очередного «укрепления» кадров, но укрепления не состоялось, поскольку специфика милицейской работы оказалась иной и требовала к тому же богатого, именно что милицейского опыта, и вот при следующей перетасовке руководства завис полковник в кадровом вакууме, откуда угодил в нижние слои — управлять Дробызгаловым и ему подобными, что тоже имели на своем невысоком районном уровне опять-таки неведомые полковнику стиль и методы работы. Сознывая личную некомпетентность, полковник гонора не выказывал, осторожничал, даже когда резкость произнести хотел, взгляд отворачивал и бубнил отчужденно, лишь в интонации подчеркивая неприязнь своего отношения к тому или иному факту.

— Ну так... зачем же вы себе позволяете оскорбления, а... в адрес работников прокуратуры? — промямлил полковник.

— Товарищ полковник... — Дробызгалов приложил руку к груди. — Этот прокурор... он же... — И последовала неслестная характеристика молодого прокурора.

Характеристику полковник выслушал бесстрастно, а вернее, как почувствовал Дробызгалов, пропустил ее мимо ушей. И еще уяснил оперуполномоченный благодаря изоциренному своему нюху: в затаенном молчании начальства кроется нечто большее, нежели личное нерасположение и служебное недовольство.

— Ставится вопрос о вашей профпригодности, — откликаясь на нехорошие предчувствия подчиненного, молвил бесцветно полковник. — Мне предложено подготовить материалы...

— Кем... ставится? — вырвалось у Дробызгалова невольно, хотя яснее ясного было, что инициатива по вопросу о пригодности строптивного оперуполномоченного к службе полковнику и принадлежит.

— Предложено,— повторил тот, как тупым топором рубанул.
— Но...
— Провалили этого вашего... Аверина...
— Да не провалил, обеспечил все что мог... Если бы не прокуратура...

— Ну, так или иначе... Потом — что-то у вас сплошные срывы...
Вчера вот... со взяткой...

— Да ведь провокация!
— Выговор у вас за пьянку...

Да, тут не отвертишься. Задержал Дробызгалов патруль, когда в форме, дурак, в метро ехал. Всего-то за запах, а пострадал. Но когда было! Четыре года назад, этот полковник еще шпионов ловил или настроениями интеллигенции занимался...

— В общем,— подытожил начальник иезуитски стеснительно,— подумайте: может, перейти...

— Куда? — спросил Дробызгалов с надеждой.

— Ну я не знаю... С оперативной работой что-то у вас не ладится... Смотрите.— Полковник как обычно прибегал к обтекаемым формулировкам.

Так. Конец. «Гражданка», сдача удостоверения.

— А с Авериным как? — спросил Дробызгалов по инерции.

— Очевидно, будут судить...

— Но мы же его сами... А потом — это же чепе...

— Чепе,— согласился полковник, вздохнув лицемерно.

Дробызгалов тоже вздохнул. Но от души. Полковник, конечно же, в случае чего оправдается: дескать, полезно зажавшемуся спекулянту Мордашке попариться в зоне — выйдет, большой авторитет иметь будет, да и страха прибавится, покорности. А виновного в провале оперуполномоченного он, полковник, накажет по всей строгости. А может, и не придется стеснительному полковнику никого наказывать: поймет Дробызгалов деликатный намек и сам чиркнет рапорт об увольнении из органов...

— Разрешите идти? — с ненавистью спросил Дробызгалов.

— Да, пожалуйста. И... проведите с Авериным этим... воспитательную работу.

— В смысле? — искренне удивился Дробызгалов.

— Чтобы... осознал положение...

Шагая по коридору и нащупывая в кармане ключи от кабинета, Дробызгалов оценивал сложившуюся ситуацию. Мямля-иезуит с прокуратурой ссориться не станет, не с руки ему, тем более сам еле на месте держится — пришел в милицию на большой волне, с начальством своим бывшим, а — нет начальства, схлынула волна, и висит он теперь между землей и небом, все отчетливее сознавая: чуть что, и предложат ему почетную пенсию. А она,

пенсия, хоть и полковничья, да по нынешним временам инфляции — курам на смех. У Мордашки только в неделю на сигареты такая пенсия уходит.

Опустившись в облезлое казенное кресло за своим письменным столом, Дробызгалов перевел мысли на личные перспективы. Итак. Предположим, распрощается он с органами. Куда идти? Просто некуда. А с жильем как? Так и застрянет на пятнадцати коммунальных метрах, где, помимо него, еще жена с ребенком. А детсад? Покуда в милиции, обещали подсобить с очередью, а уйди — ребенка куда? Выпить бы вот с горя... Тоже — закавыка! Сейчас пойдешь и возьмешь в любое время у тети Шуры из винного, потому как при удостоверении и власти... А завтра? В очередь? Хотя, с другой стороны, шатания по магазинам с черного хода стали небезопасны — ущемленные обэхээсники принялись в последнее время рьяно защищать монополию на сферы своего влияния. И та же тетя Шура в любое время им настучит: мол, шуганите участковых и уголовку, а то что за дела? — вас кормить не успеваем, а тут еще и они... А там такая сволота, в отделе борьбы этом...

Об отделе борьбы Дробызгалов вспомнил нехстати. Позвонил по внутреннему телефону полковник:

— Что у вас нового по Фридману?

— Работаем с ГУБХСС, — проямлил Дробызгалов. — В контакте...

— Результат?

— Ну... будет! Я, кстати, Аверина хотел подключить вплотную, он ведь имеет выход на него через сестру, я докладывал... А теперь даже не знаю... Если нарушу это... психологическое равновесие, какая работа?..

— Аверину пока ничего не говорите... С прокуратурой я свяжусь, арестовывать его не будем до поры... Н-да, звонили из министерства, дело Фридмана из ГУБХСС передано в КГБ...

«Вот оно что!» — понял Евгений.

— Поэтому так: решите задачу — будет... другой поворот отношения к вам, — закончил полковник.

Дробызгалов покосился с ненавистью на пищавшую короткими гудками трубку. Вот так. Результат любой ценой. Как понимать полковника, ясно: раскрутишь дело с Фридманом — поглядим, может, и милость проявим... А может, и нет, твердых обещаний не дается. Мордашке за помощь в данном вопросе — тоже милость — до суда сладко пожрать-попить и с девками всласть в простынях покувыркаться. Ну на Мордашку-то плевать, он заслужил, барыга, а ему, Дробызгалову, за что такой компот кислый? За что?!

Обэхээсникам и комитетчикам плевать и на Дробызгалова, и на Мордашку. Сливки в случае удачи снимут они, уголовный

розыск здесь не более чем подспорье, хотя он-то всю задачу и решает. Задачу сложнейшую, невыполнимую, потому и свалили дело в район, не сумев справиться даже своими, куда более могучими силами.

Валерий Фридман в свое время был причастен к деятельности цеховиков — севших, но его не выдавших. Ничего, кроме оперативных данных на Фридмана, не имелось, а, судя по оперданым, являлся он как бы банкиром тех, кто ныне находился за решеткой или уже отбыл в мир иной, не увидев свободы. Предполагалось финансирование Фридманом крупных преступных группировок, организация всяческой контрабанды, в том числе и промышленной, но доказательств тому не имелось никаких. Потому ставилась простая по сути задача: выявить тайники, где хранятся ценности. Но попробуй выяви! В уголовной среде Фридман пользовался немалым авторитетом, созданным ему воротилами теневой экономики, кровно заинтересованными в неприкосновенности своего банкира, а что касалось каких-либо милицейских провокаций, тут бы нашлись заступники из высоких административных сфер — в том числе и правоохранительных, связи у Фридмана были мощные. Вероятно, как Евгений догадывался, заступники эти быстро бы аннулировали все сегодняшние усилия органов в отношении Фридмана, если бы он сам не нарушил застойную оперативную ситуацию вокруг себя, пожелав эмигрировать из страны. Желание удовлетворили, одновременно приняв решение: вплотную заняться материальной базой кандидата в американские граждане. Воплотить это решение в арест Фридмана и изъятие у него ценностей надлежало обхээсникам и Дробызгалову. Однако люди из ГУБХСС, сознавая недостижимость цели, от работы под всякими предлогами отлынивали, и основной груз лег на плечи Евгения, в свою очередь также не ведавшего, каким образом осуществить намеченное руководством. Хотя в лени и оперативной несостоятельности упрекнуть себя Дробызгалов не мог. Квартиру Фридмана он исследовал до пылинки, затем — дачу, жилища всех близких «теневику» людей, трясясь при этом от страха, что застанут при незаконном производстве обыска, да ладно застанут — убьют! — однако ни одного тайника не обнаружил. В квартире, правда, нашел за шкафом около тридцати тысяч в бумажном засаленном пакете, но что это — крохи! И просто снился Евгению тот сладостный миг, когда берет он в руки заветную кубышку, целует ее страстно, а после мчит за постановлением о проведении обыска. А затем входит с понятыми, следует к заветному месту под гневные комментарии хозяина и — захлопывается рот Фридмана, а вернее, открывается в изумлении... А он, Дробызгалов, невозмутимо корректен и загадочен — мол, знай наших, все насквозь видим!

Существовал, однако, вопрос: а вдруг да уплыли уже за рубеж искомые ценности? Но визу Фридман получил недавно, с получением ее находился под контролем, а до этого момента, целиком завися от произвола властей, вряд ли стал бы предпринимать безоглядный маневр с капиталом... Хотя относительно эффективности контроля Дробызгалов весьма сомневался. Фридмана круглосуточно охранял едва ли не взвод боевых ребят спортивного сложения, имелись у него свои посыльные и связные, мощная автотранспортная база и личная радиосвязь; кроме того, Фридман как представитель фирмы США, чьим владельцем являлся его старший брат, встречался с приезжими коммерсантами, крутил дела с совместными предприятиями, и уследить за всей кутерьмой его контактов было задачей невероятной. Конечно, кое-что подслушивалось, записывалось, фирмачей проверяли таможенники, доверенных лиц Фридмана порой задерживали и обрабатывали, но толку?

— Дробызгалов? Ко мне, срочно! — потребовал полковник по селектору.

Матюкнувшись, Евгений подчинился.

— Звонили из КГБ, — сказал начальник. — По их данным, все деньги вложены Фридманом в очень серьезную партию бриллиантов старинной огранки. Вещи уникальные, дореволюционные. Готовится контрабанда, поняли? Если предотвратите...

— Будем стараться, — откликнулся Евгений не без издевки в интонации, подумав при этом не без удивления, что кого-то, видимо, из ближайшего окружения Фридмана удалось завербовать всерьез и прочно. Гебе работать умеет, не перевелись там таланты неумолимого сыска, машина проржавела, но мощь сохранила... Хотя, с другой стороны, на что-либо конкретное комитетчики все равно не вышли. Так, общая информашка...

Свой план работы по данному делу Дробызгалов связывал с Мордашкой, чья сестра Марина, женщина ослепительной красоты, дорогая валютная проститутка, крутила с Валерой Фридманом роман, и крутила не без оснований, надеясь на состояние жениха и на его эмиграцию. Жених между тем о профессии Марины не ведал, да и не стояла она у отелей, а имела солидную налаженную базу с многоопытной бандершей. Прищучить проститутку Дробызгалов не мог, имела она основательный «отмаз», в чем Евгений убедился еще год назад, когда сам положил на Марину глаз, познакомившись с ней у Мордашки — та как-то заглянула к братцу в гости.

Посидели, попили кофе, посмотрели какой-то фильм, и тут предложил Евгений Марине проводить ее до дома. Согласилась.

Мишка, взирая на кобеляж Дробызгалова, усмехался коварно, но тот поначалу не уяснил смысл его гаденьких улыбочек, смысл

открылся позже, когда вышел с Мариной из такси, дрожа в неумном желании от точеной гибкой фигуры, длинной ее шеи, маленькой головы, припухлых губ, одуряющего запаха духов — морозно-тонкого... И еще оттого, что уже знал: живет Марина одна, и достаточно подняться сейчас к ней на ту сакраментальную чашечку кофе...

Такси он отпустил. Сжал ее руку. Выдохнул сиплым дискантом: — Может... чаем напоишь?

Взгляд ее вдруг изменился. Приветливо-дружеский, он вдруг стал оценивающе-куражливый.

— Трахнуть тебя хочешь, опер?

Как обухом...

— Ну, чего молчишь?

— Н-ну... — протянул он из нутра. Удивленно и неуверенно, с каким-то стыдом даже.

— Сто долларов есть?

— Чего?

— Ничего. Любовь, ее большевики придумали, чтобы дамам не платить. Понял, оперок?

— Сто рублей есть, — процедил он, отвернувшись, все наконец уяснив.

— Ну и засунь их себе в одно место. — Она внезапно весело и очаровательно рассмеялась, чмокнув его в щеку, и впорхнула в подъезд — красивая, верткая птица — недосыгаемая.

А Дробызгалов так и остался на месте, словно бы оглушенный. А после подкатила к нему колкая ярость... Отомстить! Чего бы ни стоило! За унижение свое, за наглость ее, за недосыгаемость ту же...

У Мордашки он время от времени о Марине справлялся, однако вскользь, в канве общей болтовни на второстепенные жизненные темы. Кое-что полезное, в частности, информация о ее романе с Фридманом, в разговорах всплывало, но главные подробности Дробызгалов разведать самостоятельно: адрес бандерши, канал сбита валюты... А после, подкараулив ее, неспешно выложил свои козыри.

— Ну, — сказал в итоге, — сто зеленых, по крайней мере, наш разговор стоит, как считаешь?

— Сто зеленых отдать? — усмехнулась она.

— Не, — зевнул он, — предпочитаю натурой.

— Завтра получишь, — согласилась скучно.

И — получил Дробызгалов! С утра, выйдя из дома на службу, был он насильно втиснут в черную «Волгу» с частным номером и государственным радиотелефоном, где, помимо шофера, находились еще трое молодых людей с тренированной мускулатурой. Представившись, люди низкими голосами объяснили Дробызгало-

ву, что действия его мало того что мешают их работе, но и носят характер, порочащий работника милиции, который, впрочем, после их доклада по инстанциям в любой момент может стать обыкновенным гражданином...

С отдавленными боками — на заднем сиденье «Волги» было очень и очень тесно — Дробызгалов побрел на службу, вернее, поехал, ибо «Волга» за время содержательной беседы увезла его довольно далеко, к лесному массиву, откуда Евгений добирался часа полтора, получив в итоге бэмс за опоздание.

Со «старшими братьями», кому оказывались Мариной кое-какие услуги, не поспоришь, и новую обиду тоже пришлось переварить. Несмотря на упорную мысль: а не открыть ли Фридману глаза на занятия его невесты? Однако урезонил себя Дробызгалов. Ибо за его работой наблюдало много глаз, а стальные руки парней в «Волге» запомнились до дрожи.

Успокаивало Евгения, что пусть косвенно, а сквитается он с проституткой, посадив ее жениха, и не видать им обоим никаких америк. А поможет в том Мордашка. Никуда не денется. Выбора нет.

С такими размышлениями явился Дробызгалов домой. Открыл двухстворчатую входную дверь, перекосившуюся, с разболтанным замком, ремонтировать ни дверь, ни замок Дробызгалов даже не пытался: грабить тут было нечего, да и соседи толкались в квартире день и ночь.

Тотчас обрушился на Евгения гомон детский, пар от стирки и жирные кухонные ароматы. Соседка Валентина — незамужняя лимитчица, обремененная выводком пацанят — все от разных отцов, а рожала она, как кошка, — встретила Дробызгалова направленным визгом в лицо: мол, не дает покоя телефон!

— Безобразие! — орала она, перемешивая редкие пристойные слова с обилием отборного мата. — Замотали! День и ночь!

Дробызгалов всмотрелся в ее оплывшую физиономию. Хотел заметить, что, в отличие от нее, неизвестно на какие средства существующую, он работает день и ночь и звонят ему исключительно по делу, серьезные люди, а не сексуально озабоченные хахали, но промолчал, сил не нашлось. Свинцовая апатия. Учувя расслабленное состояние Дробызгалова, вторая соседка — старуха, вонявшая на всю квартиру какими-то полутрупными запахами, — скользнула в свою протухшую комнатенку, тоже позволив себе проскрипеть о телефоне и о соседе нечто гнусное.

— Пошли вы! — вяло выдохнул Дробызгалов в адрес соседей и открыл дверь своей комнаты. Жены с ребенком не было — уехали к теще. Уже легче!

С тоской он уселся на стул в маленькой комнате, забитой мебелью, с бельем на веревках, протянутых от стены к стене,—

жена боялась, что его закоптят коммунальным кухонным чадом; с ванночкой для ребенка, хранящейся наверху платяного шкафа, холодильником, втиснутым в угол...

Время подходило к обеду, но так не хотелось тащиться на кухню, где бегали разномастные Валентинины отпрыски и слышался ее голос, повествующий о нем, Дробызгалове, соседу Панину — хроническому алкоголику, дважды сидевшему и жутко Евгения ненавидевшему за принадлежность к милиции. Диалог Валентины и Панина сводился к тому, что всем Дробызгалов плох и в быту невыносим. На кухню же — убогую, ничейную, принадлежащую всем и никому кухню — Дробызгалов обычно выходил, как на казнь.

Евгений сделал бутерброд, сжевал его мрачно и запил прямо из горлышка бутылки остатками выдохшегося боржомом.

Сильный стук потряс хлипкую дверь.

— Телефон! — заорала соседка. — Опять, твою мать!

— Заткнись, стерва! — в приливе отчаянной ярости взревел Дробызгалов, выбегая в коридор и снимая трубку.

— Женька? — послышался голос одного из приятелей, клерка в аппарате больших милицейских властей. — Ты когда из норы своей наконец переселишься?

— Разве в другую нору, в могилу, — морщась и прикрывая ладонью ухо, дабы не слышать детского визга, молвил Дробызгалов. — Ты-то как? Хапнул квартиру? Дали?

— Нет... У нас все мимо... Как перетасовка штатов — из других городов кадры прибывают, и весь фонд — им... Тоже — кошмар! Теща, тесть, дети... Вшестером в двух комнатах.

— Но хоть все свои.

— Тебе бы таких своих... Ладно. Тут разговор я слышал... Я из автомата звоню, усекаешь?

— Та-ак... — похолодел Дробызгалов.

— Кушают тебя, Женя. Считай, съели. Шеф твой. Так что учи.

— Выход? — произнес Дробызгалов отрывисто.

— Какой еще выход?! Там... беда. Злоупотребления, подозрения на взяточничество, человека своего провалил... Держишься пока на «теневике» этом... В общем, или проявляй доблесть и находчивость, или подавай рапорт. Да решай срочно, а то вызовут к нам, и — привет. В комендатуре наручники и в кепезе... Система отработана. Думай, Женек, взвешивай.

Дробызгалов понуро застыл. Положил нетвердой рукой трубку. Затем, преисполнившись решимости, оделся и вышел на улицу. Он ехал к Мордашке.

Окончание следует

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

МИТХУН ЧАКРАБОРТИ

Кинокритик Юрий Корчагов — один из ведущих специалистов по индийскому кино, и неудивительно, что он близко знаком с популярнейшим и в Индии и у нас в стране киноактером Митхуном Чакраборти. Эта дружба началась еще в 1977 году, когда Юра Корчагов, молодой еще в ту пору журналист, сделал свое первое интервью с ним для «Экрана» и алма-атинского журнала «Новый фильм». С тех пор минуло уже немало лет, но интерес к творчеству замечательного актера постоянно растет.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

**СЧАСТЛИВЧИК
ИЗ КАЛЬКУТТЫ**

С первого же фильма «Танцор диско», в котором мы увидели его на экране, Митхун Чакраборти покорила сердца советских любителей кино. Эта лента появилась на экранах наших кинотеатров в смутное постбрежневское время, когда у зрителя, особенно молодого, выработалась устойчивая аллергия против нудного производственного кино и телевизионного лицемерия. Да, картина не проповедовала прописных истин, не призывала бороться за перевыполнение плана и повышение производительности труда. Она давала зрителю отдушину, повышала жизненный тонус и настроение. Неудивительно, что звучную музыку в стиле «диско» композитора Баппи Лахири, песни из кинофильма записывали прямо в зале на портативные магнитофоны. Они звучали с гибких пластинок журнала «Кругозор», в радиопередачах, в выносных динамиках приемных пунктов студий звукозаписи. А девочки, любительницы индийского кино, под фонограмму из фильма имитировали танцевальные движения своего кумира.

«Танцор диско» был режиссерским дебютом Баббара Субхаша, до этого работавшего ассистентом режиссера. Субхаш сделал ставку на плодовитого кинокомпозитора Баппи Лахири и начинающего актера М.Чакраборти. Ему удалось создать новый жанр в индийском кинематографе, который можно назвать индийским мюзиклом. Эксплуатируя достигнутый успех, разбавляя эксцентричные песенно-танцевальные

номера сценами драк, Субхаш стал выпускать один за другим стереотипные развлекательные фильмы. За «Танцором диско» последовали «Клятва именем отца» (где партнера Митхуна играла актриса — певица Салма Ага), «Танцуй, танцуй», «Жертва во имя любви» и «Коммандос» (с М. Чакраборти и Мандакини в главных ролях) и др.

Принято говорить, что Чакраборти «открыл» режиссер Мринал Сен. Он дебютировал в его фильме «Королевская охота», был признан лучшим актером 1975 г. на национальном кинофестивале, но знаменитостью, кинозвездой его сделал Баббар Субхаш.

Митхуну пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем он, как Радж Капур или Амитабх Баччан, стал живой легендой индийского кино. Он выучил хинди (его родной язык бенгали). Осваивая амплу танцора-драчуна, он занимался дзю-до и каратэ, научился танцевать самые модные западные танцы. В 80-х годах индийские кинокритики будут с тревогой писать об эскалации насилия на экране. Трудно что-либо изменить в мире коммерческого кинобизнеса, где продюсер навязывает режиссеру свою волю, а зрителям импонирует герой-супермен, расправляющийся с дюжиной злодеев сразу на месте преступления, который самолично вершит суд и закон, не обращаясь ни в полицию, ни к прокурору, ни в судебные органы. Таковы правила кинематографической игры, заставляю-

щие зрителя если не в жизни, то хотя бы на экране поверить в непреходящее торжество добра над злом, или, как сейчас говорят, в социальную справедливость. Конечно, не дело, когда положительный киногерой (это одинаковым образом относится и к «сердитому малому» Баччану, и к «бедному Баччану», как индийские кинокритики называют М. Чакраборти) зачастую выглядит более жестоким садистом, чем злодей.

Митхун Чакраборти родился в Калькутте. В этом городе прошли его юные годы. После окончания средней школы Митхун не мог найти работу. Это отсутствие какой-либо перспективы на будущее, острое ощущение социального беззакония, бесправия и неравенства, пожалуй, и привлекало юношу и его друзей в ряды левозэкстремистского движения наксалитов, решивших встать на путь вооруженного захвата власти.

Наксалиты выдвинули лозунги «народной войны», «вооруженной революции», «национально-освободительной войны». Эти «левые» псевдореволюционные лозунги, как верно заметил один из советских ученых-обществоведов, оказались хорошей приманкой для молодежи, особенно студенчества, которое стало активно участвовать в «боевых» действиях экстремистов — налетах на учреждения, учебные заведения, поджогах общественного транспорта и т. п.

В этих условиях власти начали репрессии против наксалитов

в Западной Бенгалии. Чакраборти повезло больше, чем другим. Он не был расстрелян прямо на улице и не угодил в тюрьму. Он убежал из Калькутты еще до того, как движение наксалитов практически прекратило свое существование.

В 1979 г. Х. А. Аббас по горячим следам снял фильм о наксалитах. «Однажды вечером, — вспоминает режиссер, — когда я работал над сценарием фильма «Наксалиты», ко мне домой пришел высокий, стройный юноша. «Вы, должно быть, слышали обо мне, — сказал он, краснея от смущения. — Меня зовут Митхун Чакраборти. Я снимался у Мринала Сена в «Королевской охоте». Прошу вас, дайте мне какую-нибудь роль в вашей будущей картине. Видите ли, это картина обо мне, о моей калькуттской юности, о ребятах, многих из которых сейчас уже нет в живых».

Чакраборти снялся в роли беспризорного Амар Каля, который нашел себе крышу над головой в кладбищенском склепе на окраине города. Амар Калю немногим более 20 лет. Он близко к сердцу принимает чужую боль. Однажды, заступившись на улице за девушку, попадает в полицейский участок, где его приговаривают к штрафу. Амар Каля выручает из беды журналист Аджой Басу. Он приглашает парня на просмотр старого фильма «Дети земли». При виде толпы голодных крестьян, направляющихся в Калькутту, у Амар Каля дрогнуло сердце — он почувствовал, что в этом фильме есть что-то из

биографии его родителей, из его собственной биографии. Амар Каль уезжает в родную деревню. Он видит красные флаги на рисовых полях, портреты Мао Цзэдуна и Че Гевары, крестьян, вооруженных винтовками и луками, стрелами и пиками, революционный суд над помещиком, сдающим свои земли в аренду...

Работа над образом Амар Калья помогла Чакраборти понять авантюрный характер экстремистских молодежных выступлений, всю трагедию лидеров накалистов, скатившихся на путь индивидуального террора, расправы с инакомыслящими.

Впоследствии Чакраборти будет неоднократно заявлять о своей симпатии к Коммунистической партии Индии (марксистской), к одному из ее видных руководителей Джьоти Басу, который долгие годы является главным министром штата Западная Бенгалия. Как известно, леводемократическое правительство Западной Бенгалии провело в штате комплексные аграрные реформы, улучшившие положение беднейших слоев общества.

Однако вернемся к нашему рассказу о Чакраборти. Покинув Калькутту, он перебрался в Бомбей, где у него не было ни родных, ни знакомых. Но Чакраборти везет на добрых людей. На какое-то время его приютил Гаутам Гуха, сын режиссера Дулала Гуха. В его фильме «Два незнакомца» он и появился впервые на экране в эпизодической роли. Еще одну небольшую роль Митхун сыграл в фильме «В твоём

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

МИТХУН ЧАКРАБОРТИ

цветнике распустились цветы». Опыт работы в самодеятельном школьном театре и первое прикосновение к кинематографу убедили юношу, что он сможет стать профессиональным актером. Однако прежде чем поступить на двухгодичный актерский факультет киноинститута в Пуне, ему пришлось целый год отработать коммивояжером...

Надо сказать, что лишь немногие выпускники киноинститута (Шабана Азми, Джаяя Бхадури, Шакти Капур, Ранджита) нашли свое место в кинематографе. Среди этих счастливиц оказался и Чакраборти. На него обратил внимание калькуттский режиссер Мринал Сен. Подыскивая актеров на главные роли в своем этнографическом фильме «Королевская охота», он вспомнил выразительное лицо Митхуна и отправил телеграмму оператору К. К. Махаджану с просьбой найти «высокого смуглого молодого бенгальца, имя которого начинается с буквы «М». Начинаящий актер весьма серьезно готовился к своей первой большой роли. Прежде чем сыграть Гхинуа, простодушного парня — охотника из племени санталов, он даже неко-

M. R. P. Productions Pvt. Ltd.
PRESENT

कमांडो

ы
но
пр
уб
та
О
е
ул
е
га
н
ул
ур
ил
ф
к
об
ре
ва
е
ос
ны
от
р
ий
го
и
о

MUSHIR-RIAZ'S

COMMANDO

торое время прожил среди представителей этого племени, ходил вместе с ними на охоту, участвовал в традиционных праздниках.

В 1976 году на всеиндийском кинофестивале «Королевская охота» была удостоена высшего приза, а Чакраборти признан лучшим актером года. Однако ни диплом об окончании солидного института, ни престижное признание на национальном, а затем и на международном кинофестивале («Королевская охота» была включена в конкурсную программу X Московского кинофестиваля, и Чакраборти в 1977 году приезжал в Москву в составе индийской делегации; впоследствии картина показывалась также в различных странах мира) отнюдь не гарантировали актеру постоянной занятости на съемочных площадках.

Бомбейских режиссеров, «делающих погоду» в индийском кинематографе, Чакраборти не устраивал по многим причинам: они, как правило, привыкли иметь дело либо со знающими себе цену кинозвездами, завоевавшими репутацию у массового зрителя, либо с подающими надежды непрофессиональными новичками. Митхун не был ни тем, ни другим. Сказалось и то, что Чакраборти начинал свою актерскую карьеру у всемирно известного режиссера, создающего фильмы реалистической направленности, не скрывающего своего неприязненного отношения к «песенно-танцевальным киноутопиям». Неожиданный актерский триумф студента киноинститута вызвал

у некоторых чувство зависти и недоброжелательности к этому «смуглокожему дикарю-санта-лу». Не надо забывать и того, что Митхун — уроженец Калькутты, бенгалец по национальности — тогда с акцентом говорил на хинди и весьма неуверенно чувствовал себя в окружении таких популярных в те годы актеров, как Амиабх Баччан или Зинат Аман. К тому же многие актрисы просто отказывались вместе с ним сниматься в кино.

Таким образом, Чакраборти с первых шагов в коммерческом кинематографе предстояло выдержать экзамен на профессиональную пригодность. Дело доходило до курьеза. Был период, когда лауреат национального кинофестиваля, лучший актер года снимался под псевдонимом Рана Рез в танцевальном эпизоде, соглашался на любую эпизодическую роль, дабы не утратить актерского мастерства, не испытывать мучительного состояния безнадёжного простоя.

В конце концов деятели коммерческого кино заметили одаренного актера, фанатически преданного кинематографу. Имя Чакраборти все чаще начало появляться в титрах sentimentальных мелодрам и приключенческих боевиков. Со временем Митхун нашел свою манеру актерской игры. Он мог заставить зрителя плакать, смеяться и танцевать одновременно.

Все же до «Танцора диско» (1982) в его послужном списке, пожалуй, нет ни одной картины, которая бы запомнилась массо-

вому зрителю. «Танцор диско» принес Чакраборти сенсационную популярность. За ним сразу же закрепилось амплуа лихого плясуна, которое он с небольшими вариациями и продолжает эксплуатировать в большинстве своих работ. За прошедшее десятилетие он стал первоклассным танцором, создал свой стиль эстрадного танца — индийский вариант диско, который впоследствии освоили Ами табх Баччан, Джитендра, Риши Капур, Говинда и другие актеры.

Но ведь художественный фильм — это не эстрадный концерт, состоящий из конференса и калейдоскопа песенно-танцевальных номеров, не карнавальное представление, а актерское мастерство — не работа ногами. Это и личное обаяние актера (в этом плане Митхуну сейчас, пожалуй, нет равных среди бомбейских актеров его поколения). У него очаровательная улыбка невинного младенца, удивительная мимика лица, пластика тела.

В личном общении Чакраборти абсолютно лишен гонора и высокомерия «звезды», настроен доброжелательно по отношению к своим поклонникам (мне кажется, что в Советском Союзе у него поклонниц намного больше, чем в Индии) и даже к кинокритикам, которые нередко подпускают справедливые шпильки в его адрес. Во всяком случае, такое впечатление он произвел на меня в июне 1990 года в Ташкенте на съемках совместного советско-индийского фильма «По закону джунглей» (режиссеры Ла-

тиф Файзиев и Умеш Мехра, в индийском варианте у фильма другое название — «Охотник»). В столицу Узбекистана Чакраборти приехал со всей семьей: с женой, бывшей киноактрисой Йогитой Бали (фильм «Незнакомка» с ее участием был у нас в прокате в конце 70-х годов) и двумя сыновьями. Здесь же в одном из ташкентских ресторанов Митхун и отметил юбилейную дату — свое сорокалетие.

В фильме «По закону джунглей» Чакраборти занят в довольно экзотической, с точки зрения советского, да, пожалуй, и индийского зрителя, роли — он играет простого деревенского парня, погонщика слона. Аналогичную роль «своего парня из деревни» — охотника на диких зверей — актер уже исполнял в фильме Мринала Сена «Королевская охота». Кстати, М. Сен намерен продолжить свое сотрудничество с Митхуну (об этом он мне говорил в Калькутте в апреле 1990 года). Режиссер собирается снять своего рода продолжение «Королевской охоты» — фильм «Игра на барабане».

Митхун Чакраборти — несомненно, талантливый актер. И если он сумеет преодолеть соблазны конъюнктурного, бездумно-развлекательного кинематографа (а ему это под силу, в чем можно убедиться, наблюдая, в частности, за его психологически убедительной игрой в фильме «Зеркало»), то этот божий дар не будет растрочен впустую.

Юрий КОРЧАГОВ

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

В последнее время стало модным составлять гороскопы. Не удержались от соблазна и «Мы», попросив московского астролога Олега Сельцова, директора малого предприятия «Трин», занимающегося машинной обработкой астрологической информации, рассказать о том, что же такое «Мы» с точки зрения науки о звездах и что нас ожидает в пока еще туманном для всех будущем. Рассуждения астролога, с которыми наши читатели смогут познакомиться в предлагаемой ниже статье, интересны и тем, что сам Сельцов, составляя гороскоп, даже не держал журнал в руках. И поэтому о какой-либо предвзятости или необъективности астролога по отношению к нам не может быть и речи. Ну а о том, насколько сбудутся его предсказания, мы с вами еще узнаем.

МЫ

В ЗНАКАХ ЗОДИАКА

Прежде чем прокомментировать гороскоп вашего журнала, я бы хотел напомнить читателям о некоторых весьма любопытных фактах. Бывший президент США Р. Рейган, составляя распорядок своего рабочего дня, пользовался при этом советами своего личного астролога. Более того, все подписанные за время пребывания Рейгана у власти договоры с СССР были подписаны в ситуациях, астрологически невыгодных для нашей страны. «Отец народов» И. В. Сталин, по свидетельству очевидцев, уделял в ссылке достаточно много внимания изучению оккультных наук. И даже в настольном календаре такого атеиста до мозга костей, каким был В. И. Ленин, найдены помеченные им фазы Луны. Случайно ли это? Думаю, что нет. Ведь влияние Луны на все процессы, происходящие на Земле, известно уже много тысяч лет. Примеры? Пожалуйста! Каждый более или менее грамотный врач скажет вам, что кризис у больных наступает в соответствии с семидневными фазами Луны. Замечено также, что глаз кошки сильно расширяется при «растущей» Луне и заметно сужается при «стареющей». Снежные барсы при лунном затмении закрывают глаза до тех пор, пока не «откроется» хотя бы самый

маленький краешек спутника нашей планеты. Ближе к полнолунию рождается больше девочек, а к новолунию — мальчиков. Сенека, Платон, Лобачевский и многие другие видные философы и ученые видели в астрологии важнейшую систему знаний, которая определяет влияние звезд на земную жизнь и раскрывает их связь с судьбами людей и всего человечества.

Правда, чтобы из опыта наблюдений вывести закономерность, потребовалось много веков, и астрология, не зная компьютеров, нашла один-единственный принцип — принцип научного тождества: «что наверху, то и внизу».

Есть двенадцать знаков Зодиака, зодиакальный круг — планеты и светила, перемещающиеся по нему. Определенные конфигурации планет и светил в процессе их движения создают космические влияния, отражающиеся в нашей жизни. Двенадцать знаков Зодиака — не что-то однородное и застывшее. Это живая система, каждая часть которой имеет свое звучание, свой цвет. Планеты и светила при прохождении через знак Зодиака сообщают ему свой тембр, свою окраску. Эта система постоянно движется во времени, изменяется, живет. Ее вибрации влияют на жизнь каждого человека, в значительной степени определяют его внешность, характер, способности и возможность их реализации.

Жизнь человека можно представить как сложную мелодию, состоящую из множества аккор-

дов. Первый аккорд звучит в момент рождения, он самый важен, так как заявляет миру о новой личности. Следующие аккорды, сливаясь с первым, показывают, насколько возможна самореализация, подсказывают пути, ведущие к финалу. Эта музыка никогда не кончается, за аккордом звучит аккорд — вечная мелодия Жизни. И так как знаков Зодиака двенадцать, планет (в том числе светил) — десять, получается достаточное разнообразие «аккордов» — индивидуальных характеристик жителей Земли. К сожалению, авторы распространившихся в последнее время гороскопов выделяют одну (и не самую важную) часть космического влияния, не учитывают времени и места рождения человека. Именно эти факторы имеют решающее значение, задают человеку программу жизни.

В отличие от психологов, рассматривающих характер человека в статике, с помощью тестов, астрология говорит о перспективах развития личности, о событиях, которые человек будет притягивать к себе благодаря своим свойствам. Можно прогнозировать время этих событий. Программа — это рок, судьба, которая написана в карте рождения (гороскопе), это события и время их свершения. Но, по словам Тихо Браге, «звезды склоняют, но не принуждают». Программа, записанная в гороскопе, является определяющей, но не жесткой. Древние признавали, что фатальность существует только для человека, не знающего своей программы.

В популярных астрологических изданиях описываются некоторые личностные характеристики исходя из даты рождения (т. е. положения Солнца). А для женщин, например, главным жизнедателем является чаще всего Луна. Поэтому описание свойств характера исходя из положения Солнца носит приблизительный характер. Для составления правильного гороскопа необходимо как можно точнее знать время своего рождения, желательно с точностью до двух минут.

Журнал «Мы» «родился» приблизительно в двенадцать часов дня 25 августа 1990 года в Москве. Что это означает для астролога? Многое. И в первую очередь то, что «Мы» «родился» под знаком Девы, что само по себе уже хорошо. Луна же в период «рождения» журнала находилась в зодиакальном знаке Близнецы. Но главная, я бы сказал, определяющая планета в гороскопе «Мы» — Меркурий, который является управителем Девы. А поскольку Меркурий отвечает за детей в возрасте от 7 до 14 лет, то, естественно, можно было предположить, что «Мы» будет или, во всяком случае, должен был быть подростковым журналом. Далее. Человеком с характерной «меркурианской» внешностью является Анатолий Карпов с его далеко не атлетическим сложением. Поэтому и размеры журнала должны были значительно уступать таким журналам, как, скажем, «Огонек», который, кстати, — типичный представитель Урана. Теперь — что каса-

ется самого названия журнала. И Дева, и Близнецы являются двойственными знаками и содержат в себе уже изначально некоторую двойственность, что и нашло свое отражение в названии «Мы».

Смотрим дальше. Меркурий, являясь планетой-подростком и, так сказать, вечно юной, находится ближе остальных планет к Солнцу, что позволило древним астрологам и ученым определить ее как планету-вестник. Ее задача — передача людям воли богов и в то же время своеобразная обратная связь, то есть передача богам информации о нуждах и желаниях людей. Как видим, Меркурий выступает здесь не только как вестник, но и как своеобразный посредник. Думаю, что точно такую же роль играет и журнал «Мы», связывая поколения и неся в себе значительную информацию. Нам также известно, что Меркурий являет собою, если так можно выразиться, весьма «внимательную» планету и практически не поддается ослеплению чувств. Какой можно сделать из этого вывод? Да тот, что и журнал, хочет он того или нет, несет постоянную заботу о тех, для кого он создан, и любая попытка вступить с ними в не совсем искренние отношения обречена на неудачу. Говоря же о творческом потенциале журнала, нельзя не заметить, что нахождение Меркурия просто необходимо для любого человека (или издания), избравшего своим занятием литературную деятельность. К тому же на творчество значительное влияние оказывает

и сама Дева. Посмотрите только, сколько артистов с мировыми именами родилось под этим знаком: Евгений Леонов и Зиновий Гердт, Софи Лорен и Грета Гарбо, Георгий Данелия и Валентин Гафт, Татьяна Доронина и Наталья Гундарева... Не правда ли, целое созвездие!

Отличительные черты Девы — милосердие, мягкость, спокойствие и привлекательность. А разве ваш журнал не будет заниматься милосердием, публикуя письма обиженных? Конечно, будет и уже, надеюсь, делает это. И еще. Под таким гороскопом, как у вашего журнала, родятся, как правило, цари, которые правят, но не руководят. Что это означает в данном случае? Только то, что журнал ни в коей мере не будет назидательно-дидактическим, навязчивым, связанным по рукам и ногам какой-то однобокой направленностью.

Конечно, есть в гороскопе журнала и не совсем приятные вещи, но, как показывает наша жизнь, без этого, к сожалению, тоже нельзя. Так, журнал ожидают определенные финансовые трудности, он должен быть весьма осторожным в выборе друзей.

Особенно в сложном положении журнал окажется в начале и середине марта, но пиком его трудностей станет день 19 апреля, от которого, возможно, будет зависеть даже сама судьба журнала. Впрочем, мелкие неприятности ждут журнал и в начале апреля, но затем дела пойдут намного лучше. Очередной спад ждет журнал в середине сентября и в нача-

ле года. А затем. Затем, как говорится, посмотрим.

Завершая данный комментарий, я хотел бы сказать, что никакой гороскоп не является раз и навсегда заданной моделью и относиться к нему надо творчески, понимая всю трудность таких бы то ни было прогнозов относительно нашей жизни.

Я думаю, что молодым читателям журнала, родившимся с 24 августа по 23 сентября, то есть под знаком Девы, будет интересно узнать некоторые подробности, характерные для этого знака Зодиака. Как правило, все Девы — и юноши и девушки — обладают хорошими природными способностями, правда, при этом все-таки считается, что большие успехи их ждут в точных науках. И в то же время эта склонность к точным наукам сочетается в них с врожденным артистизмом и любовью к литературе.

Часто Деву изображают с книгой в руке. Но главная способность Девы, на мой взгляд, заключается все же не в каком-то их расположении к той или иной науке, а в их способности чувствовать и сопереживать, что является воистину бесценным даром, особенно в наше жестокое время, когда нам в первую очередь если чего и не хватает, так это любви, духовности и милосердия. А именно милосердие — главная отличительная черта этого знака Зодиака и всех тех, кто родился под ним. Существует даже поговорка: если хочешь завлечь Деву в свои сети, попроси у нее помощи. Причем помощь эта оказывается Девами

без какого-то показного усердия или пышности.

Девы вообще не любят пышность и сопровождающую ее суету. Они любят больше оставаться в тени. Но это вовсе не по той простой причине, что если человек скромнен, то для этого у него есть все основания. В случае с Девой все как раз наоборот. Все Девы, как правило, очень мягкие, обходительные и симпатичные люди, а среди женщин часто встречаются настоящие красавицы, сильные и смелые в любви. Но только в настоящей любви! Дева часто служит символом целомудрия и чистоты. Причем это вовсе не означает, что она холодна и является синим чулком. Наоборот, в любви Девы обильны и страстны.

Кстати, лучшие браки Дева заключает со Скорпионом, да и вообще она расположена и к другим земным знакам. А вот, скажем, с Близнецами, родственным ей знаком, отношения у Девы складываются не всегда должным образом. Конечно, это вовсе не означает, что она находится с этим знаком в постоянной, как сейчас модно говорить, конфронтации. Надо сказать, что Девам конфронтация не свойственна вообще и Девы чаще всего самые «мирные» дети, с которыми у родителей намного меньше проблем, нежели, скажем, у родителей Скорпиона. Но это вовсе не говорит о какой-то сверхпокорности Дев. Отнюдь. Объясняется это тем, что Девы по своей природе труженицы, а те, кто любит и умеет по-настоящему работать, редко ко-

гда тратят свою энергию на бессмысленные споры и ссоры.

Да, что-то, а работать Девы умеют, причем работать беззаветно и самоотверженно. Правда, часто Девы, что бы они ни делали, наивно полагают, что все, чем они заняты, делается во имя какой-то великой цели. Хотя в этом ничего плохого нет, если это даже и так. Наверное, так надо работать и всем. А вот если вы затеяли какую-нибудь авантюру и пригласили для участия в ней Деву, то знайте: неуспех вам обеспечен! Не по душе Девам, любящим покой, авантюры. Но в то же время Девы довольно мужественны и часто улыбаются лишь только для того, чтобы скрыть беду. И еще они часто улыбаются, когда видят животных, и не только улыбаются, а даже умиляются при виде котенка, маленькой птички, хомячка. Больших животных Девы не то чтобы не любят, просто они испытывают при их виде некоторую тревогу. Девы вообще любят жизнь, и все те, кто вступает с ними в длительное и близкое общение, рано или поздно начинают ощущать на себе их мягкое и благотворное влияние, учатся сострадать и помогать. чего я от всей души советую и читателям «Мы». Ведь читая журнал, вы вступаете с ним в точно такую же обратную связь, попадая под благотворное влияние знака, представительницу которого чаще всего изображают с ветвью, пшеничным колосом или книгой в руке. И трудно представить себе что-либо более простое и прекрасное...

* * *

Мы — пустые глазницы сгоревшего дома.
В нас лишь пепел — страданий угасшая боль.
Ты проходишь, как будто со мной незнакома.
Что с тобой?

Мы беспечно сожгли надоевшие сказки
И присыпали раны остывшей золой.
А на лицах, как плесень, — радушные маски.
Что со мной?

Лера АВЕРБАХ, 16 лет
г. Челябинск

МОСКВА

1
В Москве осенний гололед.
От сырости темнеет штукатурка.
Чернеет в небе голубей полет,
А нищий тянется рукою за окурком.

Беззубый смех и детский плач,
И глаз случайно выраженье.
Сиюминутное «сейчас»
Мелькнет зеркальным отраженьем.

Иду сумбурною Москвой,
А ветви тянутся навстречу.
Спроси: «Ты кто?» — я не отвечу.
Сольюсь с звенящею толпой.

Голубозвонкий мир опять
Беспечен, как беспечна юность.
Держа соломинку в губах
Я пью мороженого лунность.

На Спасской башне звон часов —
Минут дрожание ресничье.
Старинный звон колоколов
И храма юное обличье.

2
Москва. Скворечьи пересуды,
Разноголосица дорог.
И от волнения и смуты
В коленях, на сердце озноб.

А дворники сухими метлами
Метут пред храмами листву,
А вечер гонит пыль под ветлами
К речному легкому мосту.

А мне сегодня все дозволено,
Чиста деревьев желтизна,
На привкус холодна и солона
Речная зыбкая вода.

У стен церковных суета:
То голубей седые хлопья,
То нищих древние лохмотья,
Как атрибуты ремесла.

Из церкви выйду. На меня
Обрушится всей синью воздух.
Моя лоскутница, Москва,
Во мне живет твой чистый отзвук.

Твой гулкий тон колоколов,
Листвы дыхание вечерней,
Скворечий гомон голосов
И свечки трепетной свеченья.

УХОДИТ ЛЕТО

*Луна, потерянная где-то
В пустынях воздуха, застыла,
И Ночь Прощанья наступила —
Уходит лето.*

*На лопухе роса — и это
Луна роняет тайные слезинки.
А в лужах
тают измороси льдинки —
Уходит лето.*

*Я поцелую корни сосен древних
В глубокие землистые морщины,
А по верхушкам их по синим
Уходит лето.*

*И в тишине, когда с рассветом
На небе звезды тускло дремлют,
Я закопаю сердце в Землю —
Уйду за летом.*

ОСЕНЬ

*О, моя синеглазая осень!
По российским полям
загрустившим,
По шумливым макушкам сосен
Распусти свои косы золотые.*

*Как дитя ты игрива, наивна,
И как старец — мудра и устала.
Обвяжись яркой лентой — с осины
Золотая нитка упала.*

*Ты с русалками песни водишь,
Что печали нездешней полны.
И по синей глади дрожащей
Вторят песням русалочьим волны.*

*И на желтых крестах колоколен
Ты, гадалка, язычница, плачешь.
И слезами-листьями болен
Мир деревьев, скорбно незрячих.*

В Москве в те дни было противно, слякотно, полутемно. И показалось, что окна школы-интерната на Усачевке горят вызывающе ярко. Что там? Карнавал? Бал? Пир! Пир общения — конференция юных историков. Они прибыли с Украины, Сахалина, из Якутии, Молдавии... Всего их было восемьдесят, и им сказали: «Можете задрать носы: ваши работы выбраны как лучшие из тысячи».

В объявлении о конкурсе были названы направления поиска и исследований: «Устная история», «История моей семьи в истории страны», «Краеведение», «Моя любимая тема в истории», «Если бы историю преподавал я...». Участвовать в конкурсе могли люди до семнадцати, но нижняя возрастная граница не была названа, и среди победителей — в основном старшеклассников — оказался десятилетний Алеша Муров из Йошкар-Олы. Он чувствовал себя здесь равным среди равных и в честь открытия конференции сочинил стихи:

*Да, в этом зале нам не тесно:
Ведь каждый рядом просто брат.*

«ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ МЫСЛЬ...»

*Нам вместе очень интересно.
Виват, история! Виват!*

Идея собрать их вместе родилась в Советской ассоциации молодых историков. САМИ — младенец, ей всего второй годик, но, как ни трудно вставать на ноги, тут решили, что прежде всего надо посмотреть, кто придет в историческую науку завтра, выявить талантливых, увлеченных историей ребят, помочь им.

Благие намерения всегда упираются в финансы. Спонсоров не нашлось, и тогда члены Ассоциации московских историков (это подразделение САМИ) все заботы по проведению конференции и все расходы взяли на себя, самостоятельно заработав деньги. (Есть люди в наше время!) Ребята были обеспечены кровом, хлебом и пищей духовной.

Встретились два поколения. Посмотрели друг другу в глаза.

НАУМОВ Евгений Юрьевич,
кандидат исторических наук,
сотрудник
Московского государственного
историко-архивного института:

— «Моя любимая тема в истории» — это и прошлое, и настоящее, и обретение себя. Ведь человек, который начал мыслить самостоятельно, взял на себя это нелегкое бремя, уже не может остановиться...

БЕЛЯВСКИЙ Виктор Сергеевич,
кандидат исторических наук,
председатель
совета Ассоциации
московских историков:

— Мы переживаем сложное время, преподаватели истории сегодня, когда без конца приходят новости из... прошлого, теряются. И хорошо, что среди вас оказались люди, которые взяли на себя смелость подумать и предложить, как лучше сейчас преподавать историю. Вы в своих работах высказали немало интересных идей. Все по притче: «Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко и мы ими обменяемся, то у каждого оста-

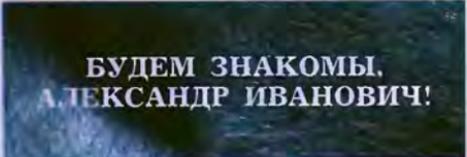
нется по яблоку. Если у тебя есть мысль и у меня есть мысль и мы ими обменяемся, то у каждого появится две мысли». После встречи мы станем намного богаче.

ВОЛОШИНА Ольга Игоревна,
депутат Моссовета,
учитель истории:

— Поднимите руки, только честно, кто может вспомнить имена своих прабабушек и прадедушек. Как вас мало... А кто может на-

звать какого-то своего предка из XIX века? Раз, два, три... Все?

А теперь посмотрите друг на друга. Вы любите, ненавидите, грустите, радуетесь... Пройдут годы, ваше место займут правнуки и не вспомнят даже вашего имени. Не обидно? А ведь человек, который дал начало вашему роду, тоже страдал, любил... И, может, вы во многом похожи на него, многое именно от него получили, но не знаете этого. Поиск корней многое дает и самому человеку и науке.

**БУДЕМ ЗНАКОМЫ,
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ!**

Я ничего никогда не узнала бы про своего прапрапрадеда, если бы... Во всяком случае, в семье уже не вспоминалось его имя.

Но однажды мы с мамой пошли в музей декабристов, и мама, остановившись перед портретом А. И. Сабурова, задумчиво сказала: «А ведь бабушка твоей бабушки — из Сабуровых, из старого дворянского рода...»

Мы узнали, что одного из сыновей Александра Ивановича звали Петр, что умер он в 1918 году. Отчество бабушкиной бабушки, моей прапрабабушки, — Петровна, Мария Петровна. Бабушка, когда хочет меня упрек-

нуть в том, что я слишком взбалмошная и упрямая, всегда говорит: «Ты как Мария Петровна!»

С именем Марии Петровны связана такая семейная легенда: она решила выйти замуж за своего учителя, обрусевшего англичанина Константина Томаса, но отец не дал на это согласия, считая, что разночинец не пара дворянке. Тогда она в знак протеста обрезала себе волосы. Делать было нечего, на стриженной не женился бы ни один уважающий себя дворянин.

Итак, Мария — дочь Петра. Но, может, тот Петр вовсе и не сын Александра Ивановича?

Домой мы вернулись взволнованными, все рассказали бабушке и она вспомнила, что ее тетка, Софья Константиновна, дочка Марии Петровны, вскоре после революции ездила из подмосковных Бронниц в столицу

хоронить своего деда Петра. В Москве она подхватила тиф, привезла его в Бронницы, и сама умерла, а вслед за ней — и другие заразившиеся от нее члены семьи... Но вот в каком году это случилось? Звоним бабушкиной сестре Елене, которая была близка с Софьей Константиновной, много общалась с ней. И Елена Сергеевна говорит, что все это произошло в восемнадцатом году (точно!), а отчество прадеда Петра — Александрович.

Что же выходит? Если Петр Александрович — бабушкин прадед, то Александр Иванович Сабуров, декабрист, — ее прапрадед. А мое родство с ним определяется уже четырьмя «пра». «Будем знакомы! — сказала я ему мысленно. — Только жаль, что вы уже ничего не узнаете обо мне».

Так я начала заниматься историей своей семьи, вернее, своего рода по маминой линии.

Когда прочла в газете про конкурс, объявленный Ассоциацией молодых историков, подпрыгнула до потолка — таким интересным он мне показался. Нетрадиционные исторические дисциплины — краеведение, генеалогия, устная история... Это совсем не похоже на обычные школьные олимпиады, в которых мне доводилось участвовать (ведь история — моя давняя страсть, с третьего класса). Ассоциация предлагала нам: не заучивайте известное, ищите сами, сами делайте выводы. И я села писать — хотя

писала очень и люблю! — свою раб...

К тому времени мне уже было известно, что отец Александра Ивановича — тамбовский помещик, что его сын Петр имел дом в Москве и, будучи человеком образованным, собрал коллекцию древностей, у него же хранились и семейные портреты. Говорят, его коллекция и портреты переданы в Исторический музей, но проверить этого мне пока не удалось — музей закрыт.

Больше всего, конечно, я разузнала о родителях моей бабушки Наташи — Юлии (она дочка Марии Петровны) и Сергее Африкановых. Они были народниками, жили в Бронницах. Там прабабушка Юлия Константиновна, окончившая высшие женские курсы, построила школу (собрала деньги по подписке, выбила разрешение на строительство...) и стала ее первым директором. До сих пор жива та школа! А с именем Сергея Николаевича Африканова связано строительство и открытие больницы.

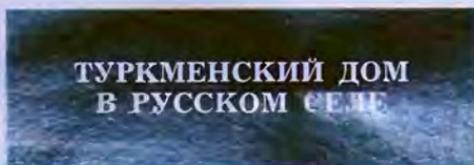
Я роюсь в библиотеках, пытаюсь найти следы рода Сабуровых. Ни в какие архивы мне, пока не исполнится восемнадцать, доступа нет, но это — впереди. Что-то я еще узнаю?!

История моего рода по отцовской линии тоже интересна, но я ее не трогаю, оставила Наташке, младшей сестре. Да и вообще я уверена, что неинтересных семей просто нет. Только копни...

В этом меня еще раз убедило все, что я услышала во время конференции на нашей секции «История моей семьи в истории страны». Артем Павлов, например, потрясающе рассказал про своего предка чеха Радцига, попавшего в Россию в XVIII веке. Все, примолкнув, его слушали, одна я не смогла усидеть на месте и сдержаться. Я закричала: «Артем! Мы же с тобой родственники! Мои двоюродные братья — Радциги, и я уже слышала эту историю!» И мы начали выяснять, кто из нас кому кем приходится...

А ведь бывает — работают или учатся вместе два человека с разными фамилиями и ведать не ведают, что у них была одна прапрабабка...

Лиза ТРИБУНСКАЯ, 14 лет

Строгино, где я живу, — обычный новый московский микрорайон с типовой безликой застройкой. Правда, он знаменит своим чистым воздухом и пляжами по берегам Москвы-реки. Рядом находится село Троицкое-Лыково. Село как село. «Мало ли таких», — думала я, когда мы сюда переехали. Но, попав в краеведческий кружок при районном Доме пионеров, я была потрясена тем, что услышала о непримечательной,

с моей тогдашней точки зрения, деревушке.

На маленьком пятачке Троицкого-Лыкова (кстати, это единственное село, сохранившееся в черте Москвы) можно «размотать» несколько веков Российского государства.

Первый владелец села, боярин Лыков, получил эти земли в вотчину от князя Шуйского за верную службу. Он был в числе семи бояр, управлявших Россией в Смутное время. Женившись на Анастасии Романовой, Лыков становится не только родственником, но и одним из ближайших друзей патриарха Филарета, ее брата. А Филарет, как известно, отец первого царя из рода Романовых — Михаила.

После Лыковых Троицким владели Нарышкины, и здесь часто бывала Наталья Кирилловна Нарышкина, жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I. По легенде, Петр заложил камень в фундамент строившейся здесь церкви.

В истории села множество интересных моментов, относящихся к разным временам. И в кружке кто-то изучает родословные боярских родов, кто-то, увлекшись архитектурой, исследует сохранившиеся постройки, кто-то выясняет роль Строгина в Великой Отечественной войне, а я...

Гуляя как-то по Троицкому-Лыкову, наткнулась на табличку «Туркменский проезд». Страшно удивилась: откуда бы здесь взяться такому назва-

нию? Заинтересовавшись, «попала» в двадцатые годы нашего века. В то время здесь находился Туркменский дом просвещения. Но почему учебное заведение для туркмен оказалось в древнем русском селе? И начался мой поиск.

Идея Туркменского дома просвещения принадлежала Н. Н. Йомудскому, человеку невероятной судьбы (жаль, всего не расскажешь). В 1923 году, в тяжелое для Туркменистана время басмаческих банд и разрухи, Н. Н. Йомудский задумал вывезти группу туркменских детей за границу для получения образования. Сам он был хорошо образован и понимал, что без грамотных людей, без национальной интеллигенции республике не подняться. С этим он приехал в Москву. Обратился к правительству, и дело решило проще: создали для туркмен Дом просвещения под Москвой, в Серебряном бору. Так Йомудский стал организатором школы-интерната и первым его заведующим.

Для занятий выделили часть здания, которое раньше принадлежало помещице Корзинкиной и находилось в ужасном состоянии. Начавшийся ремонт без конца останавливался из-за отсутствия денег.

И все-таки стараниями Йомудского и преподавателей дело налаживалось. Туркменские дети постепенно втягивались в учебу, хотя им было так непривычно на новом месте — и язык здешних жителей,

и природа. Их изумляло обилие питьевой воды — дом стоял над рекой, снег, в котором они первое время купались, как в реке. Страшила русская еда. Они не знали, что делать с ложками, вилкой, постельным бельем. Но довольно быстро освоились, потому что рядом были добрые чуткие педагоги, и воспитанники запомнили их на всю жизнь.

Ребята тут многое делали сами — рубили дрова, помогали на кухне, работали в саду, на огородах, на пасеке, в конюшне, на электростанции. Но оставалось и время для книг (многие пристрастились к чтению, благо сохранилась огромная библиотека Корзинкиных), для занятий в кружках.

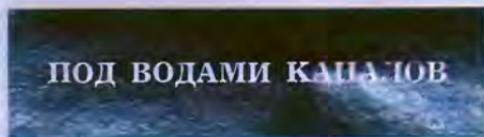
Вместе с жителями Троицко-го-Лыкова отмечали праздники, смотрели кино, устраивали концерты. Сельские девушки и парни приглашали туркмен на свои вечеринки. Впоследствии, окончив рабфаки, вузы, многие бывшие учащиеся Домпроса обзавелись русскими женами и остались в России, а некоторые русские девушки уехали в далекую Туркмению.

Пять лет просуществовал этот Дом. Зимой 1929 года пришла беда — страшный пожар. Всех ребят разобрали по домам жители села. Младших потом эвакуировали в Ашхабад, а старших, окончивших все-таки учебный год в Троицком-Лыкове, направили на рабфаки, в техникумы. Многие из тех, кто учился в Домпросе, стали хорошими специалистами, видными

деятелями науки, культуры. Первый в Туркменистане художник с высшим образованием, первый окулист из туркмен, первый гидролог, первый инженер-текстильщик...

Вот сколько связано с Туркменским проездом нашего Троицкого-Лыкова. Во время конференции в секции краеведения было рассказано много интересных сюжетов. Да ведь и сам поиск — это уже острый захватывающий сюжет. И я с некоторых пор не представляю, как можно жить, не зная, что рядом с тобой, когда и кто проложил твою улицу, почему она так называется, сколько лет твоему городу или поселку, какие события тут происходили и какие люди жили.

Даша СТЕПАШКИНА, 17 лет

Мне кажется, пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем ученые смогут разобраться во всех процессах, происходивших в Стране Советов с 1917 года. Откроются архивы, будут обнаружены новые документы, и какой-нибудь Карамзин грядущего века, проанализировав их, даст объективную картину нашей эпохи.

Я решил обратиться к периоду 30-х годов и, в частности, к документам, связанным со

строительством канала «Москва-Волга». Надеялся покопаться в бесценных, с моей точки зрения, материалах... Наивный! Человека в шестнадцать лет не подпустят не только к архиву, но и к Ленинской, Исторической библиотекам. Зато настезь двери видеотек, гляди «порнуху» — развлекайся...

Впору было бы отступить, найти что-нибудь подоступней, поразработанней, но я уже «заболел» каналом.

По ходатайству общества «Мемориал» мне все-таки удалось записаться в газетный зал «Ленинки». Не одну неделю я провел над высохшими, пыльными подшивками газет того времени. За официозом трудовых рапортов пытался увидеть живых людей. Надеялся потянуть ниточку, проследить их дальнейшую судьбу. Но фамилии на газетной полосе часто оказывались вымышленными.

И все-таки встречи, которых я искал, состоялась. Благодаря работе в обществе «Мемориал» я познакомился с разными людьми — очевидцами и жертвами тоталитарного режима. И вдруг совершенно ясно понял: они неотвратимо, стремительно уходят от нас, многие уже ушли навсегда, и я увидел свою задачу в том, чтобы успеть зафиксировать их воспоминания, их жизнь.

Памяти всех известных и безымянных каналармейцев я посвятил свою работу.

А. Солженицын, исследуя в «Архипелаге ГУЛАГ» трагическую хронику сооружения канала «Москва-Волга», начинает с Беломорстроя: «Говорят, за зиму с 1931 г. по 1932 г. вымерло около 100 тысяч человек». Это на Беломорстрое, а канал «Москва-Волга» строился в два раза дольше по сравнению с Беломорско-Балтийским каналом, и количество заключенных было в пять раз больше. Вот и попробуйте себе представить, сколько же наших соотечественников покоится на его берегах.

Героям моей работы удалось выжить.

Один из них — Анапов Григорий Александрович — был инженером по обслуживанию и наладке экскаваторов. Когда мы встретились, ему уже пошел девятый десяток, а осужден он был в двадцать пять, в 1934 году, за участие в несуществовавшей контрреволюционной организации и отправлен в лагерь под Дмитров. Другой каналармеец, с которым мне удалось побеседовать, — Крохин Александр Васильевич, работавший до ареста инженером на Урале. Та же статья, тот же лагерь...

Когда я записывал каналармейцев, мне предложили принять участие в конкурсе юных историков. Моя работа прошла по разделу «Устная история».

Устная история как метод исследования существует сравнительно недавно. Но с каждым годом находит все большее при-

менение. Могу судить об этом хотя бы по тому, что в нашей секции — все ее студент Историко-архивного института Олег Мосеев — оказались ребята из самых разных городов и поселков, и темы их работ были различны. Мы услышали доклады о судьбах репрессированных учителей, о голоде на Кубани в 1932—1934 годах... Иннокентий Павлов представил «Интервью с моей бабушкой». Смешно звучит? Нисколько! Кеша поднял очень серьезные вопросы: почему люди терпели сталинские репрессии, оплакивали смерть вождя? Почему и после Сталина, в застойные времена, мирились с бедностью, насилем над личностью? И на эти вопросы автор попытался ответить, анализируя записанные им рассказы бабушки, «простого советского обывателя» — не в обидном, естественно, а в прямом значении этого слова: жителя.

Конференция завершилась. Поговорили, отплясали на прощальном вечере, разъехались по домам — и все? Не прошло и месяца, как я стал вынимать из своего почтового ящика письма из Вильнюса, Челябинска, Якутска, Магнитогорска... Это уже необходимое общение. Мы почувствовали, как нам необходимо объединяться. Объединяться для того, чтобы не допустить повторения прошлого. И мы объединяемся, по-своему, как умеем, вокруг нашей истории.

Саша РАСКИН, 17 лет

Александр УШАКОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

В этом номере мы продолжаем рубрику «Что можно и что нельзя», в которой знакомим наших читателей с трактованием тех или иных положений права, рассказываем о судьбах молодых людей, по различным причинам перешагнувших черту закона, словом, обо всем, что имеет отношение к понятиям «право» и «закон». Кроме того, наши авторы, сотрудники Министерства внутренних дел, уголовного розыска, известные юристы и журналисты, ответят на все ваши вопросы, касающиеся сложных житейских ситуаций, в которых замешано право, осветят любые интересующие вас темы.

Комментарий к предлагаемому вашему вниманию очерку подготовил начальник отдела проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних ВНИИ МВД СССР кандидат юридических наук полковник милиции Евгений Павлович ПРИХОДЬКО.

И за толстыми тюремными стенами, и за колючей проволокой колоний всех режимов и типов независимо от места их нахождения отношения между их обитателями строятся строго в соответствии с тем местом, которое занимает каждый из них в тюремной иерархии. Понятно, что в ней, как и в иерархии любого общества, есть и свои «короли»,

облеченные всеми правами законодательной власти, и свои «шестерки», чьи права лишь слегка обозначены пунктиром, а обязанности выписаны самым крупным шрифтом. Но есть здесь и такие, кто пользуется, как правило, только одним правом — правом на презрение. И где бы ни находились эти люди — в следственном изоляторе, на этапе или в зоне, — повсюду они обречены на издевательства и унижения. Об одном из таких изгоев и пойдет речь в этом очерке. По понятным причинам мы не будем здесь называть его настоящего имени. Да в принципе в этом и нет особой необходимости, так как судьба Сергея, как мы будем называть нашего, с позволения сказать, «героя», за редким исключением типична для всех тех, кто когда-либо «проходил» по печально известной сто семнадцатой статье Уголовного кодекса.

Первая близость с женщиной разочаровала Сергея. Будучи в свои семнадцать лет умным и весьма начитанным парнем, он не мог не понимать, что таинство любви должно нести в себе куда больше прелести и очарования, нежели то, что испытал он в том сыром и пропахшем нечистотами подвале, который верой и правдой служил «местом свиданий» не для одного поколения их двора. Да к тому же и его «возлюбленную» — совсем еще соплывую девчонку, от которой пахло деше-

вым портвейном, — назвать женщиной можно было лишь с большой натяжкой. И когда на следующий день она снова предложила ему спуститься в подвал, Сергей, безглаголиво поморщившись, пробормотал нечто невразумительное и поспешил ретироваться.

Правда, потом, поскольку начало все-таки было положено, последовали и другие «возлюбленные», как правило, такие же неразборчивые девчонки из неблагополучных семей, от которых за версту несло глухой провинцией. И хотя в подвал он теперь ходил только в самых крайних случаях, радости у Сергея от всех этих кошачьих встреч не было. Он по-прежнему всем своим существом ощущал то, что в слове «любовь», пусть и затертым, и заезженным донельзя, все же должны стоять не мат и пошлые остроты, а нечто такое, чему он пока даже не мог подобрать определения. И в глубине души он все это время надеялся, что вот еще немного и он встретит ту, которая и поможет ему подобрать это определение.

И, надо сказать, довольно скоро он и встретил ее, ту самую Таньку, которая не так давно переехала в их дом. Да, это была та самая девушка, в которой он так нуждался и о встрече с которой так мечтал. Красивая, утонченная, ироничная и... недоступная. Нет, она не стояла часами у заплеванных батарей, слушая убогие речи матерящихся сверстников

и сверстниц и вдыхая полной грудью вековой запах мочи, этого неотъемлемого атрибута наших грязных подъездов. У нее были другие интересы. Справедливости ради надо сказать, что Сергей отнюдь не выглядел рядом с ней ни белой вороной, ни провинциалом. Что-то, а поговорить о поэзии, спорте и музыке он мог, и довольно интересно. Беда заключалась для него в другом: место, на которое он претендовал, оказалось занятым. И, судя по тому спокойному равнодушию, с которым Таня воспринимала все попытки Сергея изменить статус-кво, это место было занято надолго и всерьез. А после того как она случайно наткнулась на него, когда он со своей «пассией», изо рта которой торчал огрызок «Беломорканала», выходил из подвала, девушка, казалось, перестала вообще замечать его. И тогда с Сергеем произошло самое страшное, что вообще может произойти с человеком: он озлобился. Причем озлобился на весь мир сразу. А на Татьяну особенно, как будто это она была виновата в том, что он никак не мог подняться выше того подвала, выходящим из которого она увидела его. Озлобление — вещь сама по себе опасная, но то же самое озлобление, смешанное и подогретое алкоголем, опасно вдвойне. И когда один из местных «вождей», некто Кныш, непомерно гордящийся тем, что его отец и брат пребывают на особом режиме, вызывая тем самым дешевое уважение у подъездной братии, в один пре-

красный вечер сказал, провожая Таньку злыми глазами, залитыми какой-то дикой смесью одеколона и вина, что «хорошо бы прокатиться на этой машинке», Сергей не стал возражать.

Как выяснилось, Кныш оказался достойным наследником своих славных родственников и слов на ветер не бросал. И когда задержавшаяся где-то Танька шла от остановки автобуса к своему подъезду, Кныш, Сергей и еще один парень, предварительно подогрев себя хмельным, словно стая волков набросились на девушку. Ничего не ожидавшая Танька даже не успела раскрыть рта, который ей тут же заткнули каким-то грязным платком, как ее затащили в кусты. Дальнейшее слилось для Сергея в один сплошной кошмар. Он помнил только, как они по очереди подходили к девушке, ее молодое, красивое тело... Потом... потом Кныш, показав на прощание Таньке нож и горячо дыша ей в лицо парфюмерно-винной смесью, предупредил о том, что дело сделано и ей лучше помалкивать, а не то...

Но Таня не испугалась угроз, и Сергей убедился в этом уже через два часа, когда в его квартире появились участковый инспектор и еще двое молодых людей в штатском. Впрочем, штатская одежда вовсе не ввела Сергея в заблуждение, и когда один из них предложил ему рассказать все, что произошло с ним и его приятелями во дворе, он довольно подробно описал совершенное ими преступление к великому

ужасу матери и не менее великому негодованию отца. Сам же он, кроме страшной усталости, навалившейся на него с приходом этих людей, не чувствовал пока ничего, даже страха перед неотвратимым наказанием. И даже о себе он рассказывал, как о совершенно постороннем человеке, а в ответ на вопрос участкового — зачем он это сделал? — только недоуменно пожал плечами...

У всех молодых и не очень молодых людей, которые выходят из своего дома в таком сопровождении, в каком вышел из него Сергей, впереди одна и, надо сказать, к сожалению, хорошо накатанная дорога: следственный изолятор — суд — колония. Вот только в эту дорогу к казенному дому никто из родных Сергея не провожал. Мать лежала в глубоком обмороке, а отец, много повидавший на своем веку человек, не пожелал проводить своего преступника-сына в не столь отдаленные, как это почему-то принято говорить, места. Он только окинул его на прощание таким брезгливым взглядом, которого Сергей не смог позабыть и по сей день.

После ночи, проведенной в «сборке» — камере, где находились все те, кого еще надлежало поселить в основные камеры, или, как здесь говорили, «хаты», знаменитой тюрьмы на Матросской тишине, испокон веков называемой «Матросской», — Сергею выдали тюфяк, миску, кружку, ложку и длинными коридорами повели с несколькими ребята-

ми в «вертуху», где им предстояло ждать до суда. Надо сказать, что Сергей не без тревоги ждал того момента, когда за ним захлопнется железная дверь и он останется один на один с далеко не мирными обитателями этой «хаты». В «сборке» его успели «просветить», и он знал, что проходящих по таким делам, по какому проходил он, в тюрьме ничего хорошего не ждет. И он решил воспользоваться советами одного из камерных благодетелей и «обмануть» тюрьму, сказав, что он проходит по другой статье. Если бы он только знал, что в тюрьме практически нет ничего тайного, что бы рано или поздно не стало явным!

В великому удивлению Сергея, никто особенно и не заинтересовался вновь пришедшими в «хату». И когда за «вертухами», как здесь называли обслуживающий персонал, захлопнулась дверь, обитатели камеры продолжали заниматься своими делами. Одни что-то вполголоса обсуждали, другие снова улеглись на свои кровати, которые здесь называли «шконками», а третьи возобновили карточную игру. Казалось, ни один человек не обратил внимания на то, что их полку прибыло.

Наконец к новичкам, робко переминавшимся с ноги на ногу у двери и нерешительно осматривавшимся по сторонам, развинченной походкой подошел невысокий парень лет шестнадцати, который, как потом узнал Сергей, был в этой камере «шнырем» — своеобразным секрета-

рем самой сильной камерной семьи. Презрительно окинув взглядом вновь прибывших, шнырь предложил им пока расположиться... на полу до тех пор, пока после знакомства с каждым из них в отдельности тому не будет отведено соответствующее его положению место.

Часа через полтора Сергей предстал перед предводителем старшей семьи, здоровым парнем с татуированными руками и холодным взглядом, которого все почитательно называли Графом. И когда этот Граф, впившись в Сергея своим внимательным взглядом, спросил его «по какой статье он чалится», Сергей, не долго думая, назвал сто сорок четвертую. В тюрьме не принято расспрашивать о подробностях, и Граф вовсе не выразил неудовольствия, когда на вопрос о том, что именно Сергей сделал, получил в ответ гордое «мои дела — это мои дела». Более того, он даже понимающе кивнул головой, прекрасно зная, что о делах в камере болтать нельзя: стены тоже имеют уши. После «знакомства» Сергея отвели одно из самых лучших мест среди шконок, в чем, собственно, и не было ничего удивительного. Ведь вор в тюрьме — уважаемый человек, и неважно, сколько этому вору лет: семнадцать или сорок. Сто сорок четвертая статья, карающая за воровство, сама по себе является залогом определенного авторитета проходящего по ней человека. И если бы Сергей только знал, ловя на себе завистливые взгляды других но-

вичков, чем для него обернется «самочинка»...

Вечером всю камеру построили на поверку, и прапорщик тусклым голосом принялся выкрикивать фамилии подсудимых. Услышав свою фамилию, каждый должен был назвать имя и отчество, а также статью и ее часть, по которой проходил. И когда очередь дошла до Сергея, он негромко назвал номер присвоенной себе статьи. «Какая?» — изумленно изогнул брови прапорщик, всматриваясь в того идиота, который так нелепо и опасно для себя пытался обмануть его, а вместе с ним и всех находившихся в камере. Сергей неуверенно повторил. «Так, — криво усмехнулся прапорщик, — хочешь пойти за вора?» Не дождавись ответа, он дал волю своему острожному остроумию: «Ха-ха, не пойди б за петуха!»

Когда поверка закончилась и все разошлись по своим местам, в камере повисла грозная тишина. И хотя Сергею никто не сказал ни единого слова осуждения или порицания, он прекрасно понимал, что наказание не заставит себя долго ждать.

Минут через двадцать шнырь снова пригласил Сергея к Графу, только на этот раз уже на «разбор». «Значит, говоришь, по сто сорок четвертой чалишься?» — презрительно глядя на Сергея, процедил Граф сквозь зубы. Сергей, чувствуя, что сейчас должно произойти что-то ужасное, молча переминался с ноги на ногу, не зная, что отвечать. Да и что он мог ответить? За него «отвеча-

ла» теперь его статья... Он даже не заметил, как к нему со спины подошли двое здоровых ребят с полотенцами в руках. Он только почувствовал, как что-то затянуло ему горло и сильным рывком наклонило вперед. В следующее мгновение с него сорвали брюки. С ужасом думая о том, что сейчас произойдет, он попытался было сопротивляться. Но стоило ему сделать даже небольшое усилие, как полотенца сильнее затянулись на его шее. И ему не осталось ничего другого, как покориться...

Потом он долго лежал на полу и рыдал. Подумать только! Он, здоровый и сильный парень, уже больше не парень! Отныне у него нет пола! Теперь он — «петух», он — «опущенный»... Отныне у него даже нет его гордого и красивого имени, в чем он убедился уже минут через десять, когда один из воров, которому осточертели его всхлипывания, сильно ткнул его ногой в бок и презрительно приказал: «Ну, ты, Стешка, заткнись!» В первое мгновение Сергей даже не понял, что обращаются так именно к нему, но, поняв, зарыдал еще сильнее, за что тут же получил еще несколько ударов ногой.

В эту ночь, как, впрочем, и во все последующие в следственном изоляторе, Сергей спал рядом с парашей на полу, ибо по закону он не мог лежать рядом даже с самым последним бичом. Проводивший утреннюю поверку вчерашний прапорщик, войдя в камеру, первым делом посмотрел, где стоял несостоявшийся

«вор». И удивившись в том, что тот стоит рядом с парашей и зло таким образом «наказано», довольно хмыкнул. Он не был злым человеком, но сам того не сознавая, уже давно жил по законам тех мест, которые обслуживал и охранял...

Последующие четыре месяца, которые Сергей провел в следственном изоляторе в ожидании суда, слились для него в один нескончаемый кошмар. Над ним издевались как только могли, а он не мог ответить своим обидчикам даже дерзким взглядом, ибо даже за один такой взгляд его могли бы просто-напросто убить. Ему, которому в огромной камере было отведено всего несколько квадратных метров рядом с парашей, пришлось испытать полную чашу всей той злости и ненависти, на которую только оказались способны «малолетки». Хотя все эти ребята назывались «малолетками», их изощренности и жестокости мог бы позавидовать любой взрослый.

Но самое страшное для Сергея заключалось в том, что он не мог найти покоя не только днем, когда над ним издевались все, кому было не лень, но и ночью, когда он лежал рядом с парашей с открытыми глазами и, вдыхая затхлый воздух камеры, думал о том, что с ним произошло. Неужели в мире есть хоть что-нибудь, за что стоило бы платить такую страшную цену! А ведь ему еще платить и платить по счету почти целых восемь лет: именно столько обещал ему его адвокат.

И сейчас, лежа на полу вонючей камеры, он без всякого сожаления отдал бы десять лет своей будущей жизни, чтобы только вырваться отсюда на свежий и чистый воздух! Но как нельзя два раза войти в одну и ту же реку, так и нельзя вернуть того, что уже сделано.. Да разве все дело было только в восьми годах колонии общего режима? А дальше-то как он будет жить? Ведь восемь лет рано или поздно, но все-таки пройдут, но вот пройдет ли та боль, которую он носил в своей душе?

Сразу же после суда Сергея перевели во взрослую колонию, ибо по злой иронии судьбы именно в день суда ему исполнилось восемнадцать лет. Изменился его статус, но ни в коей мере его положение. То же полное бесправие, те же издевательства, то же презрительное отношение обслуживающего персонала... Он, словно прокаженный, не мог даже никому дать закурить, не

предупредив, «что у него брать нельзя». Да что там закурить! Полуголодные, а зачастую и совсем голодные люди не могли взять у него даже куска хлеба из посылки, ибо сделай они подобное, им бы не поздоровилось. Ему, как и другим «опущенным», «доверяли» самую грязную работу вне барака, но если бы кто-нибудь из них решил вдруг вымыть или хотя бы подмести пол в самом бараке, его просто-напросто бы убили. У них все было особое: особый стол в столовой, особый угол в бараке, особое время для бани. И имена: Стешка, Глашка, Дашка...

Когда же он снова стал Сергеем, домой он не вернулся. Написав родителям, что уезжает работать на одну из самых отдаленных строек, Сергей просил их не волноваться и обещал вернуться тогда, когда почувствует, что сможет это сделать. Что ж, от людей ему убежать удалось. А вот от самого себя?

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

Что же произошло с Сергеем с точки зрения права? Он с соучастниками совершил изнасилование — одно из наиболее тяжких посягательств на неприкосновенность человека. Ответственность за изнасилование предусмотрена статьей 117 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов всех союзных республик. В законе дано следующее понятие

этого преступления: половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. То есть во всех случаях изнасилование представляет собой действие, осуществленное мужчиной вопреки воле и без согласия женщины.

Санкции за совершение этого преступления предусматривают наказания — от трех до

пятнадцати лет лишения свободы. И это реально осуществляется: около 70% виновных в изнасиловании были приговорены судами к лишению свободы от 7 до 15 лет, а более 30% — от 3 до 7 лет. Такова статистическая оценка. Осужденные с ней, как правило, незнакомы. У них другие оценки. В конце концов каждый из них с болью задает себе такой же, как и Сергей, вопрос: «Неужели в мире есть хоть что-нибудь, за что стоило бы платить такую страшную цену?»

Закон краток, статья 117 УК РСФСР — всего-навсего несколько строк. Конкретные жизненные ситуации, связанные с изнасилованием, бесконечно многообразны. Опыт расследования таких преступлений показывает, что дело это сложное, тонкое и очень ответственное, особенно в тех случаях, когда касается несовершеннолетних — как обвиняемых юношей, так и потерпевших девушек. Нередко в начале расследования обвиняемый заявляет: «Мы же давно знали друг друга», «с первой же встречи она пошла со мной в кафе, пила вино», «она так одета», «она сама завела разговор на сексуальную тему» и т. п. В общем: «она сама». О каком изнасиловании при таком поведении девушки может идти речь? Оказывается, может. Наряду с изнасилованиями уличного типа, для которых характерно применение

физического насилия со стороны преступника и отчаянное сопротивление потерпевшей, которая вырывается, зовет на помощь, большая часть этих преступлений в отношении несовершеннолетних и с участием несовершеннолетних развивается по другому сценарию.

Нередко такое предкриминальное общение начинается и продолжается во время вечеранок молодежи, особенно если это сопровождается распитием спиртных напитков.

Для рассматриваемых ситуаций характерно, что изнасилование может быть результатом конфликта сексуальных норм поведения девушки и юноши: последний ошибочно расценивает ее поведение (манера одеваться, держаться, поддержание сексуально окрашенной беседы, употребление спиртного, внешние знаки внимания, «заигрывание» и т. п.) как свидетельство ее доступности. Она же в силу небольшого жизненного опыта или других причин (любопытство, желание самоутвердиться таким способом и т. д.) либо не осознает до конца провоцирующего характера своего поведения, либо намеренно игнорирует его, полагая, что не дает никаких поводов мужчине. При этом отдельные потерпевшие, как показывает судебная практика, позволяли завлечь себя в уединенное место. Естественно, что у мужчин, расценивающих такое поведение де-

вушки как естественное, в подобной ситуации создавалось представление о совпадении интересов и полной доступности потерпевшей. «Внезапный», с его точки зрения, отказ вступить в интимную связь расценивался как притворство, которое следует преодолеть. В таких ситуациях часть представителей сильного пола разрешает вопрос или пытается его разрешить насильственным путем, т. е. физическим или психическим насилием. Такое развитие событий характерно для изнасилований, совершаемых подростками в отношении несовершеннолетних девушек. Кстати, в числе всех потерпевших несовершеннолетние составляют более половины.

Возвращаясь к положениям статьи 117 УК РСФСР, хотелось бы обратить внимание на следующее: что же понимается в законе и следственной практике под физическим насилием, угрозой и беспомощным состоянием потерпевшей?

Физическое насилие состоит в причинении любого вида насилия, начиная с побоев и кончая телесными повреждениями. Физическое насилие будет и тогда, когда им создана невозможность сопротивления потерпевшей (например нанесение удара, лишившего пострадавшую сознания), и тогда, когда им преодолевается оказываемое женщиной сопротивление.

Под угрозой понимается психическое насилие с целью сломать сопротивление потерпевшей. Угроза может выражаться в применении физического насилия к самой потерпевшей или к ее близким. Однако не всякая угроза может считаться психическим насилием. Она должна быть действительной, реализуемой в самом ближайшем будущем и, наконец, по своему содержанию настолько серьезной, чтобы могла парализовать свободу действий потерпевшей и сломить ее сопротивление (угроза убийства, нанесения тяжкого телесного повреждения). То есть это изнасилование без интенсивного физического принуждения. Например, грубое физическое насилие при групповом изнасиловании обычно теряет смысл, так как группа сама по себе достаточно сильное средство принуждения.

В случаях изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей не применяется ни физическое, ни психическое насилие. Это происходит при бессознательном состоянии потерпевшей или при ее физической беспомощности. Например, когда пострадавшая приведена в беспомощное состояние действиями самого виновного (путем снывания, одурманивания, гипнотизирования и т. д.) либо когда он воспользовался беспомощным состоянием потерпевшей (физические недостатки, малолетний воз-

раст, расстройство душевной деятельности или иное болезненное или бессознательное состояние и т. п.). Сильное опьянение является наиболее распространенной причиной беспомощного состояния потерпевшей.

Иногда юноши задают такой вопрос: наказываются ли действия, непосредственно направленные на изнасилование, если насильнику не удалось полностью осуществить свой замысел? Да, наказываются как покушение на изнасилование, но только в том случае, если преступление не доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли насильника (например, помешали, подоспела помощь, потерпевшая убежала и др.). Причем закон не устанавливает обязательного смягчения наказания за покушение, однако предписывает суду при назначении конкретного наказания учитывать степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца. Наказания не будут в случае добровольного отказа от завершения преступления, т. е. добровольного и окончательного прекращения действий, направленных на изнасилование, при сознании, что оно может быть завершено. Мотивы отказа от доведения преступления до конца могут быть различные (чувство жалости, раскаяние, стыд и др.). Добровольный отказ полно-

стью исключает уголовную ответственность за начатое преступление, от продолжения и окончания которого лицо добровольно отказалось, за одним исключением: оно тем не менее несет уголовную ответственность, если фактически совершенные им действия образуют состав другого оконченного преступления (хулиганство, оскорбление, нанесение побоев и др.).

В статье 117 УК РСФСР названы обстоятельства,отягчающие ответственность лиц, виновных в изнасиловании. К ним, в частности, относятся преступления, совершенные группой, в отношении несовершеннолетних или малолетних (когда потерпевшая не достигла 14 лет), сопряженные с угрозой убийства или повлекшие особо тяжкие последствия и ряд других. Эти обстоятельства вызывают, как правило, более суровый приговор суда. При назначении судом наказания лицам, виновным в изнасиловании, которые до совершения преступления не достигли восемнадцатилетнего возраста, срок лишения свободы не может превышать десяти лет. Однако с учетом того, что изнасилование по Советскому уголовному праву относится к тяжким преступлениям, уголовной ответственности за его совершение подлежат лица, достигшие до совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

**НЛО
с подмосковной
пропиской**

Сегодня, пожалуй, любой мало-мальски смысленный парнишка знает, что такое уфология. Термин «УФО» (неопознанный летающий объект) дал название новой, неведомой природе науке о НЛО. И если кто и усмехнется с недоверием, когда речь идет об этом пока еще не изученном явлении, то вряд ли найдется человек, который возьмется всерьез утверждать, что уфология — занятие несерьезное и ненужное. Не случайно в марте прошлого года в Советском Союзе образована первая государственная организация по изучению НЛО — Всесоюзный межотраслевой уфологический научно-координационный центр при Академии наук СССР, который возглавил известный энтузиаст-уфолог В. Г. Ажажа. Он же был и одним из инициаторов создания первой уфологической школы. Специалисты читают лекции, раскрывающие философские аспекты уфологии, рассказывают об истории науки, объясняют, как наблюдать НЛО, как фиксировать, предупреждают о мерах безопасности при встречах с ними. Да, это тоже необходимо знать. Ведь известны случаи травматизма, не исключено даже и то, что среди исчезнувших людей могли быть и похищенные НЛО. Впрочем, давайте предоставим слово юным московским уфологам. Саше Лаптеву, Диме Воронцову и Толе Топорищеву сейчас чуть больше двадцати, и, как вы догадываетесь, их страсть — охота за НЛО.

Александр ЛАПТЕВ

Быть может, это началось с романов Казанцева, Ефремова или Беляева, а вполне возможно, что и с той самой удивительной лекции В. Г. Ажажи, которую мне удалось услышать в 1977 году в одном из столичных НИИ, где работали мои родители (лекции тогда читались почти полупульгально — их не запрещали, но и не разрешали). Словом, уфологией я «заболел» по-настоящему. Еще в школе. Может быть, потому и поступил потом в Институт гражданской авиации. Как-никак ближе к небу. Правда, ближе, возможно, будет, когда закончу институт, а сейчас, на третьем курсе, у меня экзаменов и зачетов больше, чем всех неопознан-

ных объектов, зарегистрированных учеными...

Наша уфологическая группа сложилась в июле прошлого года. Дима Воронцов — студент Московского института инженеров транспорта, Толя Топорищев учится в техникуме, но уфология для нас — не хобби, не развлечение. Это всерьез и надолго. Мы собрали и проанализировали всю доступную нам уфологическую информацию, познакомились с работами таких ведущих уфологов страны, как Зигель, Кузовкин и Мильхикер, прошли подготовку и получили фундаментальные уфологические знания в школе «Базис» при Союзуфоцентре. Одним словом, к своей

первой экспедиции мы готовились очень тщательно.

Самым удивительным было то, что нам не пришлось отправляться за тридевять земель. Рядом с Москвой, недалеко от города Пушкино, вот уже в течение полугода стали периодически появляться неопознанные летающие объекты. Возможно, нам и повезло, но 30 июня в 23.40 мы заметили низко плывущий над шоссе загадочный объект. Две яркие белые «фары», зависшие в небе, были совершенно не похожи на «летающие тарелки». НЛО медленно двигался вдоль старого, заброшенного шоссе и вскоре исчез из виду, опустившись в лес. Мы долго еще стояли на пустынном шоссе, завороченно вглядываясь в начавший стремительно темнеть горизонт. Но объект больше не появлялся. Потянулись долгие часы томительного ожидания, в течение которых мы «прочесали» биолокационными рамками все окрестности в поисках геопатогенных зон, составили карту местности, еще раз повторили знаменитое заклинание «Дибиди-дидебе...», своеобразный словесный код, который рекомендуется авторами первого номера популярной уфологической газеты «Московский треугольник» как один из способов вызова представителей иных цивилизаций, и неожиданно обнаружили еще одного исследователя, от которого мы узнали о полной траектории движения «нашего» НЛО. Как мы и предполагали, загадочные «фары», прежде чем попасться нам на глаза, соверши-

ли стремительный бросок над самой кромкой леса, окружавшего Ярославское шоссе, и поэтому в течение долгого времени не были видны с нашего НП, расположенного слишком близко к деревьям.

НЛО появился вновь около половины первого ночи, и мы несколько растерялись, увидев его на фоне мерцающих звезд. Наш новый «гость» мало чем отличался от своего предшественника, разве что его «фары» были расположены горизонтально и между ними «бегали» два маленьких огонька — белый и красный, напоминавшие милицейскую мигалку.

Прошло еще минут двадцать, и из того места, где исчез второй, появился третий НЛО (хотя это мог быть один и тот же объект). Не обращая на нас внимания, хотя мы всюду светили ему галогенными фарами «Жигулей», объект поплыл в сторону от Москвы и, пройдя параллельно Ярославскому шоссе километров десять, растворился за линией горизонта. Но уже через час с небольшим над старым шоссе появилась светлая точка, она росла, росла и превратилась в уже известные нам две горизонтальные «фары», но уже с красным, как бы подвешенным на тонкой нити шариком. НЛО минут десять висел над шоссе, как бы приглашая нас приблизиться к его таинственному силуэту.

Этот НЛО был похож на огромный матовый диск длиной около 50 метров, в противоположных концах которого размещены две

очень мощные «фары» белого цвета, между ними целая цепочка светящихся прямоугольничков, похожих на иллюминаторы; в верхней части овала пульсировали, как бы пробегая по окружности, три огонька: белый, зеленый и красный. Прежде чем окончательно опуститься в густые кроны сосен и елей, НЛО сбросил красный шарик, который оставил в воздухе «метеоритный след». Но и на этом наши приключения не кончились. Около 4 часов утра из-за леса выглянул красно-белый шарик нашего последнего в этой экспедиции НЛО. Попрыгав над лесом минуты три, он ярко вспыхнул белым пламенем и опустился назад в лес. А мы по дороге в Москву заехали на одну из тех загадочных полян, куда «садились» НЛО. Она представляла собой неправильный круг, деревья были сломаны и закручены в одну сторону. Биолокационная рамка на месте лесоповала упрямо описывала полную окружность.

Наша следующая встреча с НЛО произошла на том же самом сорок седьмом километре Ярославского шоссе. Ровно в 23 часа над густым черным лесом вспыхнули две мощные «фары», красная и белая, одна над другой. НЛО медленно поплыл над верхушками елей параллельно шоссе в сторону Москвы и вскоре опустился в лес. Через двадцать минут недалеко от этого места в воздухе запылали «фары» нового объекта, и то, что мы увидели и пережили, превзошло все наши ожидания.

Над чернеющим вдалеке лесом «плыли» все те же две красно-белые «фары», но на этот раз НЛО почему-то изменил свой привычный маршрут и, все более ускоряясь, летел прямо на нас. На этот раз судьба нам уготовила встречу с «иностранным» гостем, так называемым «бельгийским треугольником», впервые описанным бельгийскими уфологами в конце 1989 года.

«Бельгийский гость» представлял собой некую треугольную схему: средней мощности белый и зеленый огни в двух его вершинах и две очень мощные белые «фары»-прожекторы в третьей, «носовой» вершине. Причем «фары» были расположены очень близко друг от друга, но не сливались в одну. Две мощные светящиеся окружности в передней части аппарата вращались в разные стороны; одна светила прямо, другая — под острым углом влево, создавая мощный световой конус на значительном расстоянии. Все это наводило на мысль о том, что НЛО «осматривался» в воздухе.

Когда треугольник находился над нами, мощный луч неизвестной природы ударил в нашу сторону. Надо сказать, что я испытал в этот момент, пожалуй, не самые лучшие минуты в своей жизни. Хотя НЛО был относительно далеко, в 500—800 метрах от нас, у меня по спине побежали мурашки.

Мы были в нерешительности: то ли все бросить и обратиться в позорное бегство, то ли продолжать съемки. К счастью, мы

остановились на втором. И не пожалели, хотя на фоне звездного неба три характерных огня «бельгийского гостя» получились не очень-то выразительно.

Через месяц наша группа вновь оказалась на сорок седьмом километре Ярославского шоссе, рядом с деревней Нагорная. Первым необычную «беспокойную» звездочку заметил Дима Воронцов. В отличие от своих соседей она упорно не хотела стоять на месте, все время перемещалась, меняя свою яркость и размеры, и мы никак не могли ее поймать в окуляр переносного телескопа.

Увлечшись обсуждением странной звезды, мы на минуту упустили ее из виду, а когда посмотрели вновь, то тут же пришли к единодушному выводу: это был НЛО.

Да, это был он — наш «старый знакомый» овал с двумя мощными белыми «фарами». НЛО двигался в сторону Москвы параллельно Ярославскому шоссе. Он проплыл над лесом в сторону города и опустился в лес где-то недалеко от Клязьминского водохранилища.

Что же нам удалось установить в процессе наших уфологических поисков? Прежде всего, в районе сорок седьмого километра Ярославского шоссе в течение всего 1990 года многочисленными очевидцами наблюдалось периодическое появление НЛО, причем о основном ночью. Объекты — а в экспедициях нашей группы мы наблюдали НЛО типа «диск» («летающая тарел-

ка») и «бельгийский треугольник» — появлялись на самых разных расстояниях от наблюдателей, от 100 метров до трех и более километров, зависали над проезжей частью, лесом, водой. Работники ГАИ даже рассказывали случай, когда «летающая тарелка» ночью совершила посадку прямо на шоссе. Но так как это произошло на старом, почти не используемом шоссе и водитель, ставший свидетелем этого явления, упорно не хотел в него верить и слишком поздно сообщил о нем инспектору ГАИ, то объект улетел до приезда Госавтоинспекции.

Все эти факты, а также то, что НЛО способен передвигаться с огромной скоростью, позволяют предполагать о полетах в Подмосковье высокоманевренных летательных аппаратов, управляемых представителями неизвестной цивилизации. Возможно, управление кораблями было возложено на обычных роботов или автоматику. Думаю, именно этим объясняется отсутствие какого-либо интереса со стороны НЛО к наблюдателям, а также довольно жесткие маршруты движения объектов и редкие посадки с исследовательскими целями.

Конечно, это всего лишь гипотезы... Но кто знает? Нужны факты, много фактов. И тем, кто стал очевидцем появления НЛО, мы даем адрес, по которому они смогут сообщить о своих наблюдениях: 103055, г. Москва, абонентный ящик 6, Союзуфоцентр.

Роберт А. ХАЙНЛАЙН

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с английского Илана ПОЛОЦКА

ЛУММОКС

Луммокс был в унынии. Кроме того, он хотел есть. Это было его нормальным состоянием; такое существо, как Луммокс, всегда готово слегка закусить. Уныние было свойственно ему куда меньше и шло лишь от того, что его ближайший товарищ Джон Томас Стюарт не показывался уже целый день, куда-то исчезнув со своей подружкой Бетти.

Луммокс вздохнул. Он понимал, в чем дело. Джон Томас вырос. Он уже достиг того возраста, когда ему хочется проводить все больше и больше времени с девушкой Бетти и все меньше с ним, Луммоксом. Затем наступит долгий период, когда Джон Томас практически не будет уделять времени Луммоксу, а несколько позже появится новый Джон Томас, который подрастет и с ним станет интересно играть.

Опыт научил Луммокса, что от этого неизбежного круговорота вещей никуда не деться; тем не менее ближайшее будущее представлялось ему мучительно тоскливым. В апатии он бродил по заднему двору дома Стюартов в поисках кузнечика или малиновки — словом, любого, с кем можно было бы пообщаться. Наткнувшись на муравейник, он уставился на него. Похоже, что муравьи куда-то переселялись: бесконечная вереница его обитателей тащила белые личинки, а навстречу ей спешила за новым грузом толпа муравьев. Наблюдая за ними, он убил полчаса.

Устав от суеты муравьев, он побрел к своему обиталищу. Его semifутовые лапы наступили на муравейник, раздавив его, но это не

привлекло внимания Луммокса. Его собственный дом был достаточно велик, завершая целый ряд постепенно увеличивающихся помещений: первое из них могло вместить разве что крохотную собачку чихуахуа.

На крыше дома сохло сено. Луммокс выдернул немного пахучей, слегка подсохшей травки и стал жевать, растягивая удовольствие. От второй порции он отказался, потому что не хотел, чтобы исчезновение целой охапки сена было замечено. Он мог, не моргнув глазом, сжевать, но его останавливало сознание, что Джон Томас будет ругать его и даже, может быть, целую неделю, а то и больше не станет чесать его граблями. По правилам, давно установленным для него, Луммокс не должен был есть ничего, кроме того, что ему дает хозяин, и обычно он подчинялся этому закону, потому что не любил ссор: когда его ругали, чувствовал себя просто ужасно. Еще бы чего пожевать?.. Он прошелся вдоль низкой загородки, которая отделяла несколько акров заднего двора от садика миссис Стюарт, положил голову на штакетник и с вожделием посмотрел на розы. Загородка была символической линией, за которую он не должен был заходить. Как-то, несколько лет назад, он пересек ее и попробовал несколько роз... просто так, для аппетита, но миссис Стюарт подняла такой крик, что он не хотел даже и думать о том, чтобы повторить попытку. Содрогнувшись при этих воспоминаниях, он поспешно отвернулся от роз.

И тут в его памяти всплыли несколько розовых кустов, которые не принадлежали миссис Стюарт и, следовательно, по мнению Луммокса, не принадлежали вообще никому. Они росли в соседнем садике семейства Донахью. И Луммокс прикинул, что у него есть шанс добраться до этих «ничейных» роз...

Усадьба Стюартов была обнесена бетонной стеной вышиной в десять футов. Луммокс никогда не помышлял перебраться за нее, хотя время от времени обкусывал ее верхушку. С тыла в ней был небольшой проем, где дождевые и подпочвенные воды промыли овражек, пересекавший линию владений Стюартов. Проем этот был заделан массивными брусьями, скрепленными не менее массивными болтами. Брусья уходили своими концами в ложе ручейка, и подрядчик, ставивший их, заверил миссис Стюарт, что они смогут остановить не только Луммокса, но целое стадо слонов. Луммокс знал, что подрядчик ошибался, но его мнения никто не спрашивал, и он оставил его при себе. Впрочем, Джон Томас, похоже, подозревал правду, во всяком случае, он строго-настрого приказал Луммоксу не болтаться возле загородки. Луммокс послушался. К тому же деревянные брусья были отвратительны на вкус, и он оставил их в покое.

Но за естественный ход вещей он не отвечал. Месяца три тому назад он заметил, что весенние дожди размыли ложе овражка и теперь два вертикальных бруса не были утоплены в его дно,

а просто упирались в землю. Луммокс думал об этом несколько недель и наконец пришел к выводу, что легкий случайный толчок может изменить положение брусьев. А если толкнуть чуть посильнее, брусья разойдутся пошире, хотя заграждение фактически останется нетронутым...

Луммокс побрел на разведку. Он обнаружил, что последний дождь настолько размыл проем, что один из вертикальных брусьев просто висел в нескольких дюймах над землей, а другой слегка упирался в песок. Луммокс растянул физиономию в улыбку и осторожно просунул голову меж брусьев. Голова прошла легко.

Он услышал треск ломающегося дерева и почувствовал себя совершенно свободно. Удивившись, Луммокс вытащил голову и посмотрел наверх, откуда раздался звук. Верхний конец одного из могучих брусьев был вырван из скрепляющих его болтов. Луммокс вздохнул. Ох, как плохо... Спору нет, Джон Томас будет сердиться. Но тут уж ничего не поделаешь. Луммокс был не из тех, кого может смутить такой промах. Наклонив голову, как зверь, готовящийся к атаке, Луммокс присел и рванулся вперед. Раздались протестующие звуки ломающегося дерева, острые концы выломанных болтов оцарапали кожу, но Луммокс не обращал внимания на эти мелочи: наконец он был на свободе.

Вдыхая свежий воздух, он продолжал озираться, когда внезапно на него набросился огромный мастиф, обросший могучими мускулами. Луммокс не имел ничего против собак; за долгое время своей жизни в семье Стюартов он был знаком с некоторыми и неплохо проводил с ними время, особенно в отсутствие Джона Томаса. Но у этого мастифа был совершенно невыносимый характер. Он считал себя хозяином всех окрестностей, оскорблял других собак, терроризировал кошек и то и дело предлагал Луммоксу выйти и принять бой.

Луммокс улыбнулся, открыл пошире пасть и шепелявым тоненьким, как у девочки, голоском обозвал мастифа очень плохим словом. Тот онемел от изумления. Он не понял, что именно сказал Луммокс, но догадался, что его оскорбили, и снова кинулся в атаку.

Наблюдая за псом, Луммокс оставался недвижим: это привело мастифа в полное неистовство. Во время очередной вылазки мастиф оказался слишком близко от Луммокса, и Луммокс, сделав неуправляемое движение головой, слизнул мастифа. Его пасть открылась и захлопнулась, как дверцы шкафа, за которыми мастиф исчез навсегда.

Неплохо, решил Луммокс и облизнулся. Совсем неплохо... хотя ошейник мог быть и помягче. Он прикинул, не стоит ли ему вернуться обратно, поскольку он уже закусил и повод для прогулки исчез. Но еще остались те «ничейные» розы... Он потрусил вдоль задней стены дома Стюартов и, обогнув его, оказался рядом с сараем Донахью.

Джон Томас Стюарт XI-й вернулся к обеду, проводив Бетти Соренсен почти до дома. Приземляясь, он заметил, что Луммокса не видно,

но решил, что его питомец сидит в своем доме. Мысли его были заняты отнюдь не Луммоксом, а недавним спором с Бетти, в результате которого он выяснил, что женщинам совершенно чужда логика.

Он собирался поступать в Вестерн-Тех, в Западный Технологический институт; Бетти же хотела, чтобы они учились в университете штата. Он возразил, что необходимые ему знания он не может получить в этом университете, что там не преподают интересующие его дисциплины. «А я тебя не интересую?» — спросила Бетти, и спор зашел в тупик.

Размышляя о своеобразии женского мышления, он рассеянно снял ремни подвесной системы своего мини-геликоптера и бросил их в прихожей, где был встречен своею матерью с изрядной долей раздражения:

— Джон Томас! ГДЕ ТЫ БЫЛ?

С опозданием он подумал, что ему надо было проскользнуть в дом незамеченным. Когда она обращалась к нему «Джон Томас», это был плохой знак. Обычно она называла его «Джон», «Джонни» или «Джонни-бой», и такое обращение свидетельствовало о том, что все в порядке. Но «Джон Томас» означало, что она устала, возмущена или чем-то серьезно раздражена.

— А? Мам, так я же говорил тебе за завтраком. Я подскочил к Бетти. Мы летали к...

— Меня это не интересует! Ты знаешь, что наделало это животное?

Значит, он все-таки вляпался. Луммокс. Остается надеяться, что речь идет не о садике матери. Может быть, Лум снова перевернул свой дом. Если дело только в этом, мать быстро успокоится. Может быть, ему придется выстроить Луммоксу новый дом, побольше.

— В чем дело? — осторожно спросил он.

— В чем дело? И ты еще спрашиваешь? Джон Томас! Настало время, чтобы в нашем доме был покой! Ты должен избавиться от него!

— Успокойся, мама, — торопливо сказал Джон Томас. — Мы не можем избавиться от Лума. Ты обещала папе.

Проигнорировав его упоминание об отце, она продолжала:

— Когда полиция звонит каждые десять минут, и это огромное страшное животное свирепствует вокруг, и...

— Что? Подожди, мама. Лум совершенно неопасен, он ласков как котенок. Что случилось?

Постепенно он вытянул из нее все детали происшедшего. Луммокс отправился прогуляться. Этого сообщения было достаточно, чтобы Джон Томас всерьез встревожился. Луммокс не мог не встретить во время путешествия железные или стальные изделия, которые оказывают взрывоподобное действие на его обмен веществ. Джон Томас помнил, что произошло, когда Луммокс съел его подержанный бьюик...

В его размышления ворвался голос матери.

— ...Миссис Донахью просто вне себя! Она в ярости! И у нее есть основания! Ее выставочные розы!..

Ох, черт возьми, вот это уже плохо. Он попытался припомнить, сколько денег лежит на его счету. Ему придется извиняться и думать о том, как умаслить старую ворчунью. Ну, он надерет Луммоксу уши!

— Слушай, мам, я ужасно извиняюсь. Сейчас я пойду и вколочу в его толстую башку, как надо себя вести. Со мной он даже чихнуть не смеет без разрешения.

Джон Томас вскочил.

— Куда ты собрался? — спросила мать.

— Как куда? Поговорить с Луммоксом, вот куда. Когда я до него доберусь...

— Не дури. Его здесь нет, — твердо сказала мать.

— Что? А где же он? — Предчувствие, что Луммоксу и ему самому грозят серьезные неприятности, сжало сердце.

— Понятия не имею, где он сейчас. Шериф Дрейзер сказал...

— Луммоксом занимается полиция?

— Именно так, Джон Томас. Патрули идут за ним по пятам. Дрейзер сказал, чтобы я спустилась в город и забрала его, но я ответила, что только ты можешь справиться с этим чудовищем.

— Мама, Луммокс послушался бы тебя. Но каким образом Луммокс очутился в городе? Город пугает Лума. Бедный малыш очень робок, и он не любит...

— Вот уж действительно бедный малыш, — иронически заметила мать. — Это я бедная, а не он. И не перебивай меня, я расскажу тебе, что случилось...

...Итак, миссис Донахью была, мягко говоря, удивлена, увидев, как Луммокс поедает пятый или шестой куст ее роз. Нимало не раздумывая, вооружившись веником, с большим мужеством она накинулась на Луммокса и стала хлестать его веником по голове, сопровождая каждый удар воплями. Луммокс от обиды чуть было не проглотил разъяренную женщину, но он понимал, что люди — это не еда. Почти всегда люди относились к нему по-дружески.

Луммокс был оскорблен в своих лучших чувствах. Скорчив недовольную гримасу, он поспешил убраться.

Следующее сообщение о похождениях Луммокса поступило с фермы мистера Ито, расположенной в двух милях отсюда. По всей видимости, мистер Ито по-настоящему не представлял, с кем он столкнулся, когда увидел нечто, поедающее его капусту. Существование Луммокса не было ни для кого секретом, но мистер Ито не интересовался делами других людей и никогда не видел Луммокса.

Но так же, как миссис Донахью, он не медлил ни мгновения. Он кинулся в свой домик и выскочил из него с оружием, которое досталось ему от деда, — реликвия Четвертой мировой войны, изве-

стная под названием «убийца танков». Мистер Ито установил оружие на опрокинутом горшке и навел его на Луммокса. Грохот выстрела оглушил мистера Ито (он никогда не слышал его ранее), а вспышка ослепила. Когда он проморгался и огляделся, существо уже исчезло.

Установить, в каком направлении оно исчезло, было нетрудно.

Луммокс пролетел насквозь садовый домик, прежде чем успел его заметить, пробив в нем отверстие, в которое свободно мог проехать грузовик средних размеров, и выскочил на скоростную автотрассу, которая вела в город.

Достигнув, наконец, Вествилла, Луммокс стал двигаться медленно и с остановками; оживленное движение и большое количество людей смущали его. С улицы он свернул в переулок. Многочисленные пешеходы, которые в это самое оживленное время дня наполняли торговый квартал, кинулись в разные стороны в смятении. Женщины визжали, дети и собаки бесновались от восторга, полицейские пытались восстановить порядок, и бедный Луммокс, который не собирался никого пугать и обижать, совершил еще одну грубую ошибку... Большое окно витрины магазина Бон Марше выглядело как спасительное убежище. Витрина была закрыта непробиваемым металлизированным стеклом, но архитектор не предполагал, что тому придется выдержать столкновение с Луммоксом. Луммокс вошел через стекло и попытался укрыться в модной, элегантной спальне. Попытка его не увенчалась успехом.

Миссис Стюарт как раз успела закончить этот драматический рассказ, когда послышался шум на крыше: кто-то совершил посадку.

— Ты кого-нибудь ждешь, мама?

— Наверно, это полиция. Они сказали, что должны...

— Полиция? Ох, черт побери!

— Не удирай. Тебе надо увидеться с ними.

— Я никуда не удираю,— жалобно сказал он и нажал кнопку, открывающую вход.

Зажужжал ползущий с крыши лифт, и дверь открылась, в комнату вошел сержант Мендоза.

— Миссис Стюарт? — официально обратился сержант. — Я к вашим услугам, мадам. Мы... — И тут он увидел Джона Томаса, который старался стать как можно более незаметным. — Ты Джон Т. Стюарт?

Джон сглотнул комок в горле.

— Ага, сэр.

— Тогда давай с нами. Прошу прощения, мэм. Пошли, парень. У нас немного времени.

Он взял Джона Томаса за руку. Джон попытался освободиться.

— В чем дело? А у вас есть ордер или что-то такое?..

Сержант остановился и, закатив глаза, мысленно сосчитал про себя до десяти, а затем раздельно произнес:

— Сынок, ордера у меня нет. Но если ты не хочешь, чтобы с этой штукой, которая свалилась на нас из какого-то глубокого космоса и которую ты приютил, не случилось неприятностей, перестань выкаблучиваться и поехали с нами.

— Иду, — поспешно сказал Джон Томас.

— Отлично. И постарайся не доставлять мне никаких неприятностей.

Джон Томас замолчал и двинулся вместе с полицейским. За те три минуты, что потребовались полицейскому вертолету, чтобы долететь до города, он представлял себе разные ужасы.

— Мистер патрульный офицер, — спросил он. — Кто-нибудь пострадал?

— Меня зовут сержант Мендоза. Надеюсь, что все целы. Хотя точно не знаю.

Джон Томас обдумал этот неопределенный ответ.

— А... Луммокс все еще в Бон Марше?

— Так его зовут Луммокс? Нет, мы его выставили оттуда. Теперь он под виадуком Вест-Арройо... Надеюсь, что он еще там.

От этого ответа Джон Томас похолодел.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, первым делом мы заблокировали улицы Мейн и Гамильтон, а затем выгнали его из магазина с помощью огнетушителей. Ничто другое не годилось: самые тяжелые пули просто отскакивали от него. Что за шкуру носит этот зверь? Из десятидюймовой стали?

— Ну, не совсем...

Ироническое предположение сержанта Мендозы было настолько близко к истине, что Джону Томасу не хотелось обсуждать эту тему; куда больше его волновал вопрос, не подкрепился ли Луммокс железом. После недоразумения со съеденным бьюиком, Луммокс стал стремительно расти; за две недели он из гиппопотама среднего размера превратился в то, что он представляет собой сегодня. Он очень исхудал, и шкура обвисала на нем складками, напоминая ковер, сквозь который выпирали странного очертания кости.

Потребовалось три года держать его на высококалорийной диете, чтобы он снова округлился. С этого времени Джон Томас старался держать металл подальше от Луммокса, особенно железа, хотя в свое время отец и дедушка Джона Томаса постоянно подкидывали Луммоксу лакомые кусочки металлолома.

— Ну-с, вот так, — продолжал сержант Мендоза. — Когда огнетушители выковырили его оттуда, он чихнул и сшиб с ног двух человек. После этого мы пустили их в ход во всю мощь, стараясь направить его по Гамильтон-стрит, где было побольше места и где он никому не угрожал бы. Все прошло вроде как нельзя лучше, если не считать одного вывернутого фонарного столба да опрокинутой машины, когда мы собирались завернуть его по Хилл-стрит, откуда прямая дорога

к вам. Но он удрал от нас, сшиб шлагбаум и забился под виадук, где... словом, увидишь сам. Вот мы и на месте.

С полдюжины полицейских машин крутились в воздухе над выходом из виадука. В окружающем пространстве было много частных аэропланов и даже парочка пассажирских; патрульные машины то и дело отгоняли их. Тут же вертелись и кувыркались несколько сот летунов на своих мини-коптерах. Они то и дело пикировали вниз и шныряли между машинами, затрудняя и без того нелегкую работу полиции. На земле несколько полицейских, возглавляемые офицерами с нарукавными повязками, пытались оттеснить толпу подальше от виадука и направить движение по другой дороге. Пилот в машине сержанта Мендозы прокладывал свой путь через царящую в воздухе сумятицу, одновременно докладывая что-то в микрофончик, висящий на груди. Красный аппарат шерифа Дрейзера вынырнул из скопления машин и приблизился к ним.

Обе машины, разделенные несколькими ярдами, зависли в ста футах над виадуком. Джон Томас видел большой пролом в ограде, сквозь который прорвался Луммокс, но самого Луммокса он не мог поймать взглядом, поскольку тот скрывался под виадуком. Дверца машины шерифа открылась, и шериф Дрейзер высунулся наружу; он казался раздраженным, и его лысая голова была покрыта каплями пота.

— Где этот мальчишка Стюарт?

Джон Томас опустил окно и высунул голову:

— Я здесь, сэр!

— Эй, парень, ты справишься с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Хочу надеяться. Мендоза! Высади его. Пусть он попробует.

— Есть, шеф. — Мендоза сказал несколько слов пилоту, который, снижаясь, повел свой аппарат над виадуком.

Наконец Луммокс стал виден. Он забился под мост, стараясь стать как можно меньше. Джон Томас едва не вывалился из иллюминатора.

— Лум! Лумми! Иди к папе!

Беглец заволновался, и покрытие виадука задребезжало. Наружу высунулось примерно двенадцать футов его туловища. Луммокс растерянно озирался по сторонам.

— Я здесь, Лум! Наверху!

Луммокс наконец увидел своего друга, и его физиономия расплылась в блаженной улыбке. Сержант Мендоза фыркнул и хлопнул пилота по плечу.

— Спускайся, Слэт. А ты, Джонни, на выход.

Пилот несколько снизился, но обернулся в замешательстве.

— Хватит, сержант. А то как бы это создание нас не достало...

— Ладно, ладно. — Сержант Мендоза открыл дверцу и выкинул наружу легкую веревочную лестницу, применяющуюся при спасательных работах. — Ты сможешь спуститься, сынок?

— Конечно.

Придерживаясь за руку Мендозы, Джон Томас вцепился в лестницу. Но, достигнув последней ступеньки, он все еще продолжал висеть в шести футах над головой Луммокса. Он посмотрел вниз.

— Подними голову, малыш,— сказал Луммоксу.— И спусти меня.

Луммокс поднялся с земли еще на одну пару ног и подставил свой широкий череп под висающие ноги Джона Томаса. Слегка пошатнувшись, Джон Томас встал на его голову, и Луммокс осторожно опустил его на землю.

Джон Томас спрыгнул и тут же повернулся к Луммоксу. Похоже, что все неприятности не причинили Луммоксу заметного вреда; он вздохнул с облегчением. Теперь осталось только доставить его домой, а там уж он его осмотрит дюйм за дюймом.

Тем временем Луммокс делал вид, что внимательно изучает собственные ноги, издавая звуки, напоминающие смущенное мурлыканье. Джон сурово посмотрел на него.

— Лумми, ты плохой! Ты очень плохой! Просто тупица — понимаешь?

Луммокс был в страшном смущении. Он опустил голову почти до земли, глядя на своего друга снизу вверх, и открыл пасть.

— Я не хотел,— возразил он тоненьким детским голоском.

— Ах, вот как! Ты не хотел! Я запихаю тебе в пасть твои собственные ноги! И попробуй только мне возразить! Я тебя вытряхну из твоей шкуры и сделаю из нее коврик на стенку. Обеда тебе сегодня не видать! Он не хотел!

Над ними завис красный вертолет.

— Все в порядке? — осведомился шериф Дрейзер.

— Конечно.

— Отлично. Будем действовать следующим образом. Я убираю барьеры. Ты ведешь его по Хилл-стрит, где вас будет ждать эскорт; вы пристраиваетесь за ним, и он проводит вас до дому. Все понятно?

— Ясно.

Джон Томас увидел, что оба выхода из виадука заблокированы тяжелыми бульдозерами с опущенными ножами, а над ними в небе царил та же кутерьма. Джон Томас не мог припомнить ничего подобного в Вествилле, и он начал понимать, что день, когда Луммокс вышел в город прогуляться, не скоро изгладится из памяти горожан.

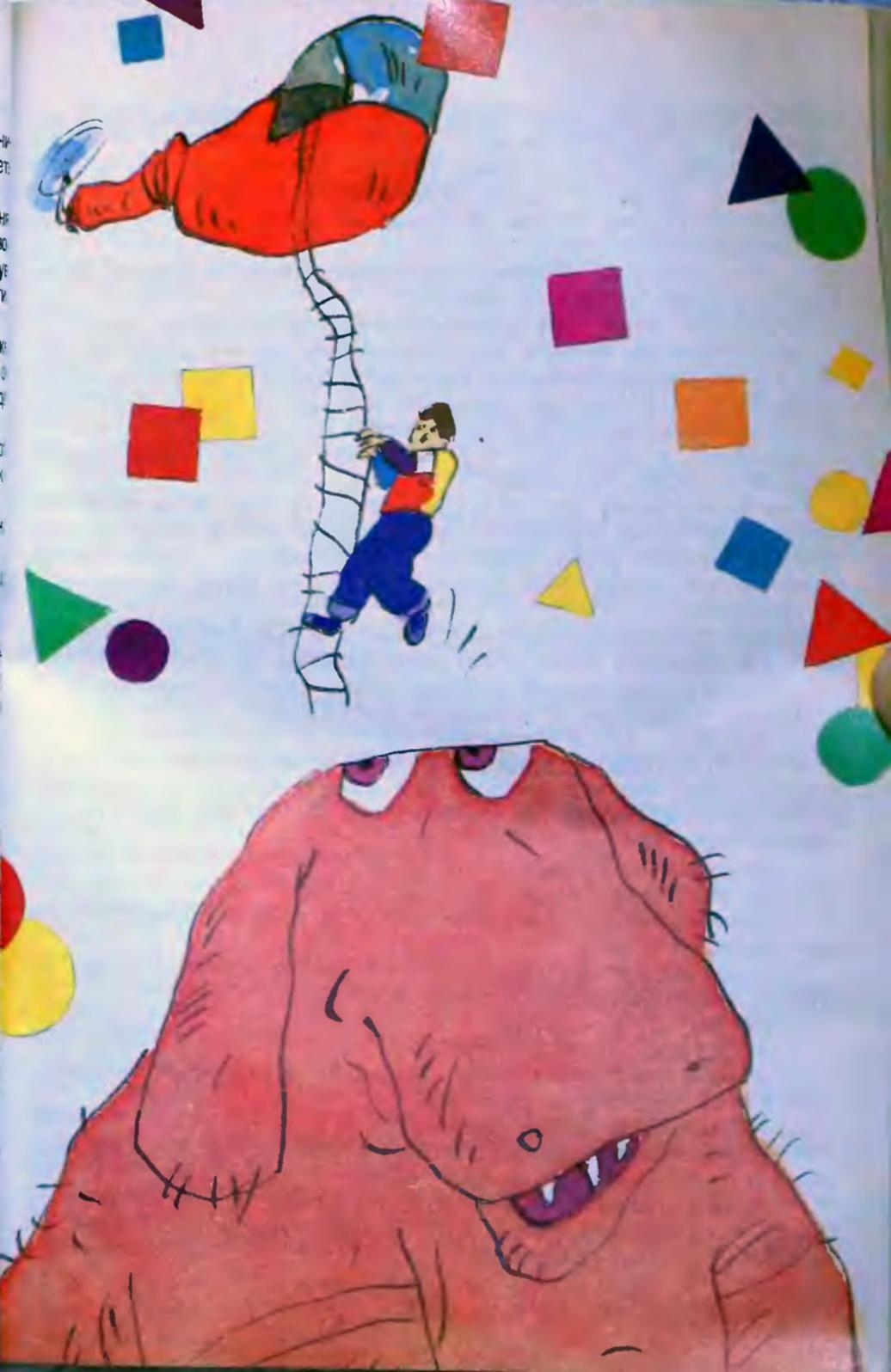
Но он был счастлив: Луммокс оказался настолько перепуганным, что не попытался пожевать железа или попробовать какой-нибудь ржавый обломок. Он повернулся к нему:

— Ну ладно, ты, чудовище, вытаскивай свой скелет из этой дыры. Пошли домой.

Луммокс с готовностью выпрямился, и виадук снова задрожал.

— Подсади меня.

Середина туловища Луммокса преобразовалась в нечто вроде

седла. Луммокс был полон радостного желания повиноваться и нетерпеливо топтался на месте.

— Успокойся, — сказал Джон Томас. — Ты отставишь мне ноги.

Луммокс застыл, и парень вскарабкался на него, цепляясь за складки его шкуры. Верхом на Луммоксе он напоминал раджу, управляющегося на охоту.

— Все в порядке. А теперь не торопясь вверх по дороге. Да не туда, олух царя небесного! Вверх!

Сообразив, что к чему, Луммокс огляделся и зарысился прочь.

Две патрульные машины прокладывали ему дорогу, две прикрывали с тыла. Помидорно-красный вертолет шерифа Дрейзера держался поодаль на безопасной дистанции. Джон Томас несколько расслабился, размышляя, как он, во-первых, будет воспитывать Луммокса по возвращении, а во-вторых, что он скажет матери. Первая задача была куда проще, чем вторая...

Они были уже на полпути к дому, когда им чуть ли не на голову свалился летун, не обращавший никакого внимания на красные полицейские мигалки. Джон Томас догадался, что так, очертя голову, может летать только Бетти, и поймал ее за ноги, когда она выключила двигатель.

Шериф Дрейзер распахнул иллюминатор и высунул наружу голову, но Бетти прервала поток возмущения, который он обрушил на них.

— Что я слышу, шериф Дрейзер! Какие ужасные выражения!

Шериф поперхнулся и взгляделся пристальнее.

— Это кто — Бетти Соренсен?

— А кто же еще? И должна вам сказать, шериф, что никогда не предполагала, что вы, столько лет преподававший в воскресной школе, можете употреблять такие слова! И если вы считаете, что подаете хороший пример...

— Молодая леди, придержите язык.

— Я? Но это вам надо...

— Цыц! На сегодня с меня хватит! Здесь дело серьезное, и посему — марш отсюда!

Взглянув на Джона Томаса, Бетти подмигнула ему, а затем строила ангельски невинное выражение.

— Но шериф, я не могу.

— А? Почему это не можете?

— У меня кончилось горючее. Я пошла на аварийную посадку.

— Бетти, перестаньте сочинять.

— Я? Чего ради, декан Дрейзер?

— Я вам покажу декана! Если бак у тебя пустой, слезай с этого зверя и отправляйся домой. Он опасен.

— Лумми опасен? Да он и мухи не обидит. И, кроме того, вы хотите, чтобы я пошла домой одна? По этой глухой дороге? Когда уже темнеет? Вы меня удивляете.

Дрейзер сплюнул и захлопнул иллюминатор. Бетти мигом высвободилась из подвесной системы и устроилась поудобнее в сиденье, которое Луммокс без напоминания соорудил и для нее на своей обширной спине. Джон Томас посмотрел на нее.

— Привет, Бет.

— Привет, Джонни.

— А я и не знал, что ты знакома с шерифом.

— Я знакома со всеми. Я помчалась сюда изо всех сил и сломя голову, как только услышала новости по ящику. Вы вместе с Луммоксом никогда не додумаетесь, как выпутаться из этой истории, поэтому я здесь. А теперь расскажи мне все, даже самое ужасное. Не скрывай ничего от мамочки. Может быть, это наш последний шанс поговорить с глазу на глаз перед тем, как тебя начнут тягать в разные стороны, поэтому давай быстрее к делу.

— Что? Ты думаешь, что в самом деле... Но если обратиться к юристу?

— Я лучше любого юриста, потому что мой мозг не забит разными историями, которые случались раньше. Я все вижу свежим глазом.

— Ну... — Честно говоря, он почувствовал себя куда лучше с появлением Бетти. Теперь он и Луммокс не одиноки в этом недружелюбном мире. Он выложил всю историю, а Бетти спокойно слушала его.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила она.

— Не думаю. Они бы мне сказали об этом.

— Это верно. — Она выпрямилась. — Значит, нам не о чем беспокоиться.

— Что? Да Луммокс наломал дров на сотни долларов, а то и на тысячи... Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что «не о чем беспокоиться»?

— То, что никто не пострадал, — ответила Бетти. — Все остальное можно представить так, что Луммокс окажется пострадавшей стороной.

— Ну, ты даешь! Полная чушь!

— Я уверена, что он испытал сильнейшее душевное потрясение. И исходя из этого, он не несет ответственности за все, что произошло. А теперь помолчи и дай мне подумать.

— Я тоже подумаю.

— Но не очень напрягайся, а то услышу, как у тебя шестеренки трещат.

До дома Стюартов они двигались в молчании. И перед тем, как они прибыли, Бетти дала ему один совет:

— Ничего не признавай. Ничего. И ничего не подписывай. Чуть что — зови меня.

Миссис Стюарт не вышла встречать их. Шериф Дрейзер вместе

с Джоном Томасом отправился осмотреть пролом в ограждении. Луммокс плелся за ними. Шериф молча смотрел, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек прохода.

— Вот так. Теперь он не сможет выйти.

Дрейзер открыл рот.

— Сынок, у тебя, видно, не все дома.

— Вы не понимаете, сэр. Самый крепкий забор его не остановит, если он захочет выйти. Его ничто не остановит. Кроме этого шнурка. Луммокс!

— Да, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Если порвешь его, я надеру тебе уши. Понятно?

— Да, Джонни.

— И пока я не разрешу тебе, со двора ни ногой.

— Хорошо, Джонни.

— Обещаешь? Лопни мое сердце?

— Лопни мое сердце.

— Вообще-то сердца в нашем понимании у него нет,— сказал Джонни.— У него все устроено по другому принципу... что-то вроде центробежного насоса.

— Пусть у него будет какой угодно насос, лишь бы сидел дома.

— Так и будет. Эту клятву он никогда не нарушит.

Дрейзер вытер руки о штанины.

— Отлично. На ночь я по соседству оставлю человека с портативным передатчиком. А завтра мы вгоним сюда стальные брусья вместо этих деревянных.

Джонни уже открыл рот, собираясь сказать: «Только не стальные», но решил лучше промолчать.

— В чем дело? — увидев его замешательство, спросил Дрейзер.

— Да нет, ничего.

— И ты тоже не спускай с него глаз.

— Он никуда не денется.

— И все же... Ты понимаешь, что вы оба находитесь под арестом? Но я не представляю, в какую камеру можно запереть этого молодчика.

Джон Томас не ответил. Он обдумывал слова шерифа. Дрейзер смягчил тон.

— Особенно не волнуйся. Ты хороший парень, и твоего отца все вспоминают добрым словом... Побудь здесь, пока не явится мой человек, познакомь его с этим созданием,— он глазами указал на Луммокса.

Джон Томас стоял недвижим, пока шериф не скрылся в доме. Теперь-то он мог всыпать Луммоксу по первое число, но у него уже не было сил. Как-нибудь потом.

ДЕЛА МЕЖЗВЕЗДНОГО ДЕПАРТАМЕНТА

Тревоги и заботы, обрушившиеся на головы Джона Томаса XI-го и Луммокса, казались им ужасными и в своем роде уникальными, но, конечно же, не у них одних были неразрешимые проблемы — например, мистер Ито страдал от болезни, для которой еще не придумано лекарств, — от старости. В скором времени она одержала над ним верх... Миссис Донахью страдала от одиночества... Да и у многих других жителей Вествилла были свои беды, которые каждому отдельному человеку представлялись огромными...

...А далеко отсюда, в столице штата, губернатор в отчаянии смотрел на груды бумаг — они неопровержимо доказывали, что он обязан отправить в тюрьму своего самого старого и преданного друга. А за миллионы километров от столицы, на Марсе, изыскатель покинул свой сломавшийся песчаный вездеход и двинулся в далекий путь к Форпосту. Он никогда не достигнет его.

...А в не представимом для глаз расстоянии в двадцать семь световых лет звездный корабль «Боливар» вошел в подпространство. Маленькая неисправность в одном крохотном реле привела к тому, что оно сработало на десятую секунды позже, чем следовало бы. Теперь «Боливар» обречен долгие годы скитаться меж звезд, он никогда не найдет дороги домой...

В непостижимой дали от Земли, на полпути к расположенной в этом районе звездной туманности, раса древолазающих ракообразных медленно отступала под натиском более молодой и агрессивной расы амфибий. Пройдет еще несколько земных тысячелетий, пока ракообразные окончательно не вымрут, этот исход не вызывал сомнений. Ситуация эта могла бы вызвать глубочайшее сожаление, потому что раса ракообразных придерживалась системы ценностей, близкой к человеческой, что позволяло в будущем надеяться на сотрудничество двух рас. Но когда через одиннадцать тысяч лет на этой планете совершит посадку корабль с Земли, ракообразные уже давно вымрут и от них не останется и следа.

...Но если снова вернуться на Землю, то мы увидим, что в столице Федерации Его превосходительство, Досточтимый Генри Гладстон Кику, магистр искусств (Оксон), доктор гонорис кауза (Кейптаун), Постоянный Секретарь Межзвездного Департамента, отнюдь не был обеспокоен горестной судьбой расы ракообразных, потому что ничего не знал о них. Не тревожился он и о судьбе «Боливара», и об изыскателе на Марсе — сведения о них еще не поступили.

В круг ответственности и забот мистера Кику входило все и вся вне ионосферы Земли. Он отвечал и за все, что касалось взаимоотношений между Землей и остальной частью исследованного Космоса. Даже те дела, которые лишь боком касались Земли, находились в поле

его зрения, если они тем или иным путем были связаны с внеземными, межпланетными или межзвездными проблемами, — словом, круг дел, которыми он вынужден был заниматься, был достаточно широк.

К ним относились, например, такие, как импорт травы с Марса, великолепно мутирующей на песчаных почвах, которая должна была покрыть Тибетское плато. Служба мистера Кику пока еще не дала своего согласия на эту операцию — до тех пор, пока не будет тщательно изучено ее влияние на овцеводческую индустрию Австралии и на добрую дюжину других факторов. Такие вещи надо было проводить очень осмотрительно, потому что перед глазами постоянно стоял страшный пример Мадагаскара, где был высажен марсианский лимонник, размножавшийся с бешеной скоростью. Некоторые проблемы порой не давали мистеру Кику заснуть по ночам: такие, как решение не давать полицейского эскорта для студентов с Проциона VII, направляющихся по обмену в Годдард; он принял это решение, несмотря на вполне реальную опасность, угрожающую гостям со стороны провинциалов, придерживающихся предрассудков относительно существ с щупальцами или им подобных, — а с другой стороны, цефалоподы с этой планеты — весьма ранимые существа, и вряд ли были бы в восторге от полицейского эскорта, который на их собственной планете служит наказанием за преступления.

Сегодня ему предстояла встреча, которая не слишком радовала его. Дело в том, что доктор Фтаемл, которого он ждал, чистокровный раригиллианин, был медузоподобным гуманоидом... Конечно, Кику знал, что щупальцы, шевелящиеся на головах раригиллиан, не имеют ничего общего со змеями, но он ничего не мог поделать с собой. Отвращение к пресмыкающимся было заложено в генах господина Секретаря.

Вздохнув, он включил тумблеры. Корзина для входящих бумаг стала стремительно наполняться, а цепочка сигнальных лампочек замигала разноцветными огоньками. Но так как тревожных красных огней среди них не было, он не обратил на них внимания и потянулся за бумагами. Большинство из них носило чисто информативный характер, а по некоторым его помощники или их подчиненные должны были принимать те или иные решения. Мистер Кику ставил свою подпись закорючкой, иногда набрасывал несколько слов сверху и бросал бумаги в разверстную пасть корзинки для исходящих документов.

Поползла лента телекса, что случалось довольно редко; обычно она сообщала о существах неземного происхождения, вид и происхождение которых не удавалось установить. История, о которой шла речь, была малоинтересной — какая-то ерунда в одном из маленьких городков на западе континента. Но, поскольку она имела отношение к существу неземного происхождения, местная полиция добросовестно пересылала сообщение в Межзвездный Департамент.

Мистер Кику никогда не видел Луммокса и не проявил к нему особого интереса. Но мистер Кику знал, что каждый контакт с подобным существом был в своем роде уникальным. Космос бесконечен в своем разнообразии. Принимать решения без точного знания, действовать, основываясь на аналогиях и прецедентах, закрывать глаза на неизвестное — значило подвергаться большой опасности.

Мистер Кику пробежал список сотрудников в поисках свободного человека, который мог бы заняться этим делом. Все без исключения его офицеры могли выступать в судах любого подчинения, когда шла речь о существах внеземного происхождения, но кто из них сейчас на Земле и достаточно свободен? Хм-м-м...

Сол Гринберг — вот кто ему нужен. День-другой Системоразведка обойдется без своего шефа. Он нажал кнопку.

— Сол?

— Да, шеф.

— Ты занят?

— Весьма. Я полирую ногти и пытаюсь понять, чего ради налогоплательщики платят мне зарплату.

— Прерви свое занятие. Высылаю тебе копии кое-каких бумаг.

Мистер Кику вложил их в щель «исходящих», нажал на телекес тумблер с фамилией Гринберга и подождал несколько секунд, пока бумаги не появились перед Гринбергом.

— Прочти их.

Гринберг просмотрел бумаги.

— Итак, шеф?

— Свяжись с местными законниками, сообщи им, что мы займемся этим делом, затем отправляйся туда и посмотри, что там такое.

— Слушаю и повинуюсь, шеф.

— Посмотри, нет ли там какой-то «особой ситуации», мы должны быть в курсе дела.

— А где эта деревушка? Как ее — Вествилл?

— Откуда я знаю? Бумаги перед тобой.

Гринберг пошуршал бумагами.

— Ого! Это же в горах! История может занять две-три недели...

— Попробуй задержаться больше чем на три дня, и я вычту их из твоего отпуска.

Мистер Кику отключился и вернулся к другим делам. Он ответил на дюжину вызовов, опустошил до дна корзину входящих бумаг, которая тут же наполнилась снова, и заметил, что подходит время встречи с раригллианином. Он почувствовал, как спина покрывается гусиной кожей, и поспешно вытащил из ящика стола таблетки, относительно которых доктор предупредил его, чтобы он не злоупотреблял ими. Он едва успел проглотить их, как из динамика раздался голос его секретаря.

— Сэр! Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси его. — Мистер Кику пробормотал несколько слов, которые его предки использовали, заклиная змей. Дверь широко распахнулась, и на его лице появилось выражение, приличествующее для встречи высокопоставленных гостей.

«ВОПРОС ПОСТАВЛЕН НЕКОРРЕКТНО»

Вмешательство Межзвездного Департамента в историю с Луммоксом вызвало к ней дополнительный интерес, усилило слухи, ходившие по городу. Гринберг позвонил окружному судье, попросил его, чтобы все свидетели и участники были в зале судебных заседаний завтра к десяти часам утра. Включая, конечно, и внеземное существо, которое и было причиной всей этой суматохи. Судья О'Фаррел переспросил:

— И существо... оно вам тоже необходимо?

Гринберг ответил, что именно оно и нужно ему больше всего.

— Судья, мы в Межзвездном не любим совать нос в ваши дела, — добавил он. — После того как я взгляну на это создание и задам пару дюжин вопросов, я, скорее всего, поспешу откланяться... Итак, я могу надеяться, что оно будет на месте?

— Э-э-э... видите ли, оно слишком велико, чтобы его можно было доставить в суд. Не могли бы вы ознакомиться с ним в том месте, где оно пребывает, у своего владельца? У них небольшой домик за городом, в нескольких милях.

Гринберг был человеком, который не задумывается, что он ест и где спит, когда находится при исполнении служебных обязанностей. Он предпочитал, чтобы и все остальные исправно исполняли свои обязанности и придерживались некоторых правил, в число которых входил осмотр и решение судеб внеземных существ в присутствии суда в полном его составе.

— Я предпочел бы избежать этой поездки за город, так как я предполагаю завтра к полудню быть обратно в столице, где меня ждет безотлагательное дело... связанное с марсианской нотой. — Когда Гринберг хотел поторопить кого-либо, он прибегал к этому обычному приему.

Судья О'Фаррел почтительно сказал, что примет это к сведению.

— Мы постараемся возвести временную постройку на лужайке у суда.

Шериф Дрейзер решил переселять Луммокса еще до рассвета, пока улицы будут относительно пустынной. Шериф был мрачен и неразговорчив; он был типичная «сова» — один из тех, у кого по утрам низкое содержание сахара в крови и которые ни к чему не пригодны, пока не позавтракают. Об этом он в настоящее время и мечтал. Поэтому он обрадовался, хоть и не подал вида, когда Джон Стюарт,

которого он вытащил из постели, тоже невыспавшийся и поэтому особенно угрюмый, сказал матери:

— Я хочу позавтракать. И Луммокс тоже.

— Молодой человек,— сказал Дрейзер на всякий случай,— вы неправильно ведете себя. Вы слишком категоричны. Сперва следует спросить, могу ли я подождать, пока вы позавтракаете. Вы можете это сделать в городе.

Но Джон Томас упрямо мотнул головой.

— Джон Томас! — резко сказала мать. — Ты слышал, что тебе сказали? Ты становишься таким же трудным, как твой отец.

Такое сравнение с отцом поразило сына.

— Почему ты не защищаешь меня, мама? — резко спросил он. — В школе меня учили: любой человек не может быть выведен полицией из своего дома без предъявления ордера. Но похоже, что ты стараешься помочь им, а не мне. На чьей ты стороне?

Миссис Стюарт изумленно посмотрела на сына.

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать со своей матерью!

— Это верно,— согласился Дрейзер. — Будь вежлив с матерью, а то я влеплю тебе затрещину — неофициально, конечно. В этой истории есть единственное, чего невозможно оспорить: это мальчик, который грубит старшим. — Он расстегнул мундир и вынул сложенную бумагу. — Сержант Мендоза доложил мне, что ты уже требовал ордер, так что я подготовился. Вот он. Теперь ты пойдешь? Или мне придется тащить тебя?

— А где предписание суда,— сказал Джон Томас,— в котором сказано, что я должен явиться и доставить Луммокса?

— И оно есть. Пожалуйста.

— Но здесь же написано: к десяти часам. Здесь не сказано, что я должен тащиться в суд на голодный желудок.

Шериф раздулся и издал глубокий вздох. Его обычно розовое лицо обрело багровый оттенок, но он промолчал.

— Мама! — сказал Джон Томас. — Я хотел бы поесть! А вы не присядете с нами?

Мать посмотрела на Дрейзера, потом перевела взгляд на сына и закусила губу.

— Ладно,— наконец сказала она. — Сейчас я приготовлю завтрак. Мистер Дрейзер, не хотите ли кофе?

— Ну что ж, очень любезно с вашей стороны, мадам. Не откажусь, раз уж этот молодой человек настаивает на своем завтраке.

Джон Томас приподнялся.

— Я сбегая взглянуть на Луммокса. — Помедлив, он добавил: — Я сожалею, что был груб с тобой, мама.

— Не будем говорить об этом,— холодно сказала она.

Джон Томас хотел добавить еще кое-что в свое оправдание, но

благоразумно сдержался и вышел. Луммокс мирно посапывал, наполовину вывалившись из своего укрытия. Его центральный глаз, как обычно во время сна, был обращен к шее; когда Джон Томас подошел к нему, он повернулся в орбите и осмотрел его: та часть существа Луммокса, которая бодрствовала, узнала мальчика, но само звездное создание не проснулось. Удовлетворенный, Джон Томас вернулся домой.

Во время завтрака атмосфера смягчилась; когда Джон Томас умял две порции омлета, до крошки подобрал гренки и влил в себя pintу какао, он уже был готов признать, что шериф Дрейзер не так уж формально выполняет свои обязанности и что он не из тех, кто ради удовольствия может пнуть собаку ногой. Что же касается шерифа, то и он, размягченный завтраком, решил, что мальчишка не такой уж грубиян и что омлет с гренками был очень кстати. Он тоже аккуратно подобрал с тарелки остатки омлета кусочком хлеба и сказал:

— Честное слово, миссис Стюарт, я чувствую себя куда бодрее.

Луммокса удалось доставить в его временное убежище позади здания суда лишь после девяти. Луммокс с наслаждением вдохнул запах стали и выразил желание остановиться и попробовать ее. Джон Томас вынужден был проявить твердость. Он вошел внутрь вместе с Луммоксом, лаская его и уговаривая не волноваться, и оставался вместе с ним, пока накрепко приваривали дверь. Он встревожился, увидев, сколько стали пошло на клетку для Луммокса, потому что у него не было возможности объяснить шерифу Дрейзеру, что для Луммокса нет ничего более лакомого, чем сталь.

Теперь говорить об этом было поздно, тем более что шериф не скрывал гордости при виде клетки для Луммокса. Времени для рытья фундамента не было, поэтому помещение для Луммокса представляло собой ящик, стенки и потолок состояли из стальных брусьев.

Ладно, подумал Джон Томас, поскольку они все знают лучше и не сочли нужным даже обратиться ко мне, придется внушить Луммоксу, чтобы тот не пытался под страхом наказания полакомиться своей тюрьмой — и остается надеяться на лучшее.

Луммокс попытался уклониться от обещания. С его точки зрения, это было так же глупо, как попытка заключить голодного мальчишку в тюрьму из шоколада и бисквитных пирожных. Один из рабочих прислушался, опустил свою горелку и сказал:

— Похоже, что гора заговорила.

Человеческая речь, которую можно было услышать от внеземных существ, была не в новинку, особенно часто она звучала в стереопрограммах; и человек, похоже, воспринял ее как должное. Но вскоре он снова заметил:

— Вообще-то это никуда не годится, чтобы животное разговаривало.

Джон Томас промолчал: это были не те слова, на которые стоило отвечать.

Наконец у него появилось время тщательнее осмотреть Луммокса. Впервые он заметил тревожащие его симптомы в то утро злосчастной прогулки Луммокса: две припухлости, расположенные где-то в районе плеч. Теперь они увеличились, что обеспокоило Джона Томаса.

Похоже, что Луммокс как-то случайно поранился во время своей пробежки. Выстрел из базуки мистера Ито не принес ему никакого вреда; взрыв, который мог бы уничтожить танк, был для Луммокса не больше чем легкий пинок.

Луммокс мог поранить себя, прорываясь сквозь садовый домик, но и это выглядело неправдоподобно. Скорее всего, он пострадал, когда обвалился виадук. Джон Томас знал, что такая катастрофа могла убить любое земное животное, способное поместиться под сводами виадука, например слона. Конечно, телосложение Луммокса было далеко не столь хрупким, как у слона, и все же он мог пострадать при этом обвале.

Черт возьми! Припухлости были большие, настоящие опухоли, и поверхности их были мягче и тоньше, ничем не напоминая броню, в которую Луммокс был закован с головы до ног. Насколько Джон Томас помнил, Луммокс никогда не болел; отец тоже никогда не упоминал, чтобы с Луммоксом что-то было не в порядке. Слава Богу, с ним ничего такого не происходило, исключая того, что он все рос и рос.

Надо бы просмотреть дневник дедушки и записки прадедушки. Может быть, Джон Томас в чем-то ошибается...

Он попытался вдавить свой палец внутрь одной из опухолей; Луммокс слегка дернулся. Джон Томас остановился.

— Болит?

— Нет,— ответил детский голосок.— Щекотно.

Ответ ничего не дал ему. Он знал, что Луммокс боится щекотки, но чтобы он ее почувствовал, требовалось что-то вроде лома или мотыги. Значит, опухоль очень чувствительна. Он уже был готов продолжать дальнейшее исследование, как его остановил голос из-за спины.

— Джон! Джонни!

Он повернулся. С той стороны клетки на него смотрела Бетти Соренсен.

— Здорово, Бет,— сказал он ей.

— Здравствуй, Джонни. Привет, Луммокс! Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Отлично,— сказал Луммокс.

— Чушь какая-то,— сказал Джон Томас.— Эти идиоты-полицейские вытряхнули меня из постели еще до рассвета.

— Наконец-то ты увидел рассвет. Но из-за чего вся суматоха? Я думала, что слушание будет только на будущей неделе.

— Дело в том, что явился какой-то столичный сундук из Межзвездного Департамента. Он и потребовал ускорить слушание дела.

Бетти взглянула на башенные часы на старинном здании суда.

— Да, понятно. Тогда нам нужно двигаться побыстрее. Первым делом нам надо зарегистрировать Луммокса как движимое имущество.

— Это ни к чему. Мы не можем считать его имуществом. Он не кусок земли.

— Человек может зарегистрировать корову, лошадей, дюжину свиней. Плотник — свои инструменты. А актриса может объявить своим имуществом гардероб.

— Ну, ты и проныра, Бетти. — Он проскользнул сквозь загородку, обернулся и сказал: — Лумми, я буду через минуту. Ты оставайся здесь.

— Почему? — спросил Луммокс.

— Не спрашивай почему. Просто жди меня здесь.

— Хорошо.

На лужайке перед зданием суда уже собралась толпа; люди глазели на Луммокса в его новых владениях. Шериф Дрейзер отдал приказ обнести этот участок канатами, и пара его людей следила, чтобы соблюдался порядок. Двое молодых людей поднырнули под ограждение и пробились сквозь толпу к ступенькам суда. Нотариальная контора была на втором этаже; в ней они обнаружили сухопарую старую деву, которая выразила ту точку зрения на факт регистрации Луммокса, что и предполагал Джон Томас. Но Бетти уверенно возразила, что в функции провинциального чиновника не входит определять, что именно человек волен определять как свое движимое имущество, и тут же поведала совершенно фантастическую историю, как один человек потребовал зарегистрировать как свое движимое имущество двойное эхо. Сухопарая мисс неохотно заполнила соответствующие бумаги, получила причитающийся налог и вручила им заверенную копию.

Было уже почти десять часов. Джон Томас выскочил и торопливо побежал вниз. Он остановился, когда увидел, что Бетти вытащила из сумки косметичку.

— Поторопись, Бетти, — попросил он. — У нас для этого нет времени.

— Мне надо привести в порядок макияж, — сказала Бетти, разглядывая себя в зеркале. — Я должна выглядеть как можно лучше.

— Ты и так прекрасно выглядишь.

— О, Джонни, никак это комплимент!

Она разгладила брови, придала векам окраску по модели «мадам Сатана» и нарумянила щеки. Наконец они выскочили наружу.

Несколько минут было потрачено на то, чтобы убедить полисмена, что у них есть право оказаться по ту сторону загородки. Джонни

Межд
дела
уда
овы
луче

н н
жи
вни

од
ай

лю,

тд

ми

п

са

ру

щ

зо

де

мс

и

е

вс

е

д

е

я

и

и

и

и

и

и

и

увидел, что у клетки Луммокса стоят двое мужчин. Он прибавил шагу. Это были судья О'Фаррел и Сол Гринберг. Судья представил молодых людей Гринбергу.

— Я просто ошеломлен,— сказал Гринберг после того, как они с Джоном и Бетти обменялись приветствиями.— Кто он и откуда явился?

— Это всего лишь Луммокс. Так мы его зовем. Мой прапрадедушка привез его на «Летающем Лезвии»... Это был его второй рейс.

— Так давно? Ну что ж, это кое-что проясняет во всей этой таинственной истории; полет состоялся еще до того, как наш Департамент стал вести свои записи... точнее, еще до того, как появился сам Департамент. Но я все еще не могу понять, как это милое создание не оставило ни малейшего следа даже в исторических книгах. Я читал о рейсе «Летающего Лезвия» и помню, что они привезли много экзотики. Но такого я не припомню. А ведь все вземные существа в те дни были большой новинкой.

— Видите ли, даже капитан не знал, что Луммокс на борту. Прапрадедушка пронес его на корабль в своей сумке и так же вынес.

— В своей сумке? — Гринберг не мог оторвать глаз от необъятной фигуры Луммокса.

— Да, сэр. Конечно, Луммокс был тогда куда меньше, ростом со щенка колли.

— Мда... Сейчас он напоминает скорее мамонта, чем колли. Не дорого ли вам обходится его кормежка?

— О, нет. Лумми ест все,— сказал Джон Томас, бросив опасливый взгляд на стальные брусья.— Он вообще может долго обходиться без еды. Да, Лумми?

Луммокс лежал, вытянув все свои ноги и демонстрируя бесконечное терпение. Поглядывая на Бетти и на судью, он слушал болтовню своего друга и мистера Гринберга. Услышав вопрос, он открыл свою огромную пасть.

— Да, только мне это не нравится.

Мистер Гринберг поднял брови.

— О, он относится к типу с развитым речевым центром.

— Что? О, конечно. Лумми прекрасно болтает. Да, надо же вас познакомить. Эй, Лумми... Я хочу представить тебе мистера Гринберга.

Луммокс посмотрел на Гринберга без всякого интереса и сказал:

— Как поживаете, мистер Гринберг?

— Здравствуйте, Луммокс,— вежливо ответил Гринберг и снова обернулся к Джону Томасу.— В этом расследовании меня интересует еще один аспект. Мистер Стюарт, каков относительный коэффициент интеллектуальности Луммокса?

— Я не знаю,— растерянно сказал Джон Томас.

— Неужели никто не пытался его установить?

— В общем-то нет, сэр... Кто-то пытался предлагать ему какие-то тесты во времена моего дедушки, но дедушке не понравилось, как они обращались с Луммоксом, и он прогнал всех. С тех пор мы стараемся, чтобы посторонние не общались с Луммоксом. Но он очень сообразительный. Можете сами убедиться.

— А писать он умеет?

— Каким образом, сэр? У него же нет рук.

— Мда, верно. Ну, что ж, могу ручаться, что относительный индекс у него не ниже сорока. Ксенологи считают, что высокоразвитые типы, которых можно сравнивать с хомо сапиенс, должны обладать тремя характеристиками: центром речи, способностью к манипулированию предметами и определенным уровнем письменности. Мы должны признать, что Луммокс остановился на первой. Вы изучали ксенологию?

— Немного, сэр, — смутившись, признался Джон Томас, — не считая книг, которые я мог найти в библиотеке.

— Я не случайно задал этот вопрос: как вы знаете, наш Департамент оказался вынужденным вмешаться в это дело. Из-за него, — Гринберг показал на Луммокса. — Не исключено, что ваш воспитанник принадлежит к расе, которая связана с нами договором о взаимных обязательствах. Несколько раз, как это ни странно, посетителей с других планет по ошибке принимали за диких животных, и результаты таких заблуждений были довольно печальными.

Гринберг невольно нахмурился, припомнив тщательно скрываемую историю, как член семьи посла с Лладора был найден мертвым и выпотрошенным в виде чучела в лавке древностей на Виргинских островах.

— Дело в шляпе, — прошептала Бетти на ухо Джону Томасу. — Ему нравишься ты, ему нравится Луммокс.

Гринберг продолжал:

— Исходя из того, что вы мне рассказали, я уверен, что в данном случае нет необходимости рассматривать все случившееся как нарушение ксенополитики Федерации, хотя в центре ситуации внеземное существо и таким образом, если необходимо, есть формальный повод для вмешательства. Департамент обладает достаточными средствами воздействия, они используются лишь в том случае, если надо избежать осложнения отношений с другими планетами. На Земле сотни и тысячи внеземных существ; здесь действуют более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, не говоря уж о резидентах или посетителях, имеющих в связи с договорами легальный статус «человека», хотя совершенно ясно, они не имеют ничего общего с этим термином. Ксенофобия, неприязнь к инопланетянам еще имеет место в нашем обществе, ибо многие люди рассматривают всех инопланетян как потенциальный источник опасности.

— Да, да, — подхватил О'Фаррел. — До моего слуха дошли сведения, что шеф полиции предполагает обратиться в суд с просьбой вынести определение об уничтожении этого зверя в качестве меры общественной безопасности. Правда, эта информация получена из неофициальных источников.

Мистер Гринберг не мог скрыть своего волнения.

— Дела так плохи? Скажите, судья, а что вы думаете обо всем этом? Склонны ли вы к уничтожению этого животного?

Судья О'Фаррел посуровел.

— Сэр, этот вопрос некорректен. К тому же нам пора, — взглянув на часы, сказал он более мягким тоном.

Джон Томас хотел предупредить Луммокса, чтобы тот вел себя тихо и спокойно, оставался на месте, но его опередила Бетти:

— Луммокс! Жди нас! Мы скоро вернемся!

Луммокс остался стоять, глядя им вслед и размышляя над сказанным. Указание от Бетти в общем-то не было для него приказом. Но он снова улегся.

ПЛЕННИК СТАЛЬНОЙ КЛЕТКИ

Как только О'Фаррел и Гринберг вошли в зал суда, прозвучало: «Встать! Суд идет!» — и говор стих, посетители стали занимать места. Молодой человек в шляпе, увешанный фотоаппаратурой, преградил путь судье и Посланнику.

— Минуту! — сказал он и щелкнул затвором. — Улыбнитесь нам, судья, сделайте вид, будто господин Посланник сказал вам что-то смешное. Еще разок...

— Хватит и одного раза. И снимите свою шляпу. — О'Фаррел прошел мимо. Молодой человек пожал плечами, но шляпы не снял.

Секретарь суда привстал, когда они заняли свои места. У него было красное и потное лицо. По всему судейскому столу были разбросаны бумаги.

— Извиняюсь, судья. Подождите полсекунды...

Секретарь суда придвинул к себе микрофон и забубнил в него:

— Проверка... один, два, три, четыре... Цинциннати... шестьдесят шесть... Ну, и намучился я с этим микрофоном сегодня.

— Надо было раньше проверить его, — раздраженно сказал О'Фаррел.

— Будь я проклят, судья, если что-то окажется не в порядке. Я с ним целый час провозился, устраняя неисправность.

— Хорошо, хорошо, — примиряюще ответил судья, смущенный присутствием высокопоставленного гостя. — Освободите нам место.

— Если вам все равно, — торопливо сказал Гринберг, — я бы предпочел не занимать места судьи. Мы могли бы сесть все вместе за большой стол. Я думаю, это ускорит ход дела.

О'Фаррел выглядел донельзя расстроенным.

— Я всегда стараюсь соблюдать древние традиции суда. Я думаю, они имеют смысл.

— Вполне возможно. Безусловно, зачастую те из нас, которым приходится рассматривать самые разнообразные дела и в самых разных условиях, приобретают некоторую неряшливость в привычках. Но сейчас случай особый.

— Ну что ж, как угодно,— пробормотал судья.

— Благодарю вас, что вы откликнулись на мою просьбу.

Гринберг кивнул служителям суда, которые тут же начали составлять вместе столы, превращая их в один большой.

Техник взял микрофон, четко назвал время, место и дату суда, изложил суть рассматриваемого дела и подчиненность суда, затем он назвал имя и звание Специального Посланника.

Гринберг вышел на середину зала:

— Данный суд собрался на предварительное слушание, в ходе которого предстоит разобрать все аспекты события, имевшего место в прошлый понедельник, причиной которых оказалось вземное существо, постоянно проживающее здесь и известное под именем Луммокс. Я имею в виду то огромное животное, которое в данный момент находится в клетке позади здания суда. Итак, перед нами гражданское дело. «Торговая корпорация «Бон Марше» против Луммокса, Джона Томаса Стюарта XI и Мэри Брендли Стюарт. Интересы «Бон Марше» представляет Западная страховая компания. Здесь есть еще один иск, предъявленный мистером К. Ито и его страховой компанией, и еще один от города Вествилла... а также иск от миссис Изабеллы Донахью. А также несколько обвинений уголовного характера... одно за содержание опасного животного, другое за халатность в присмотре за ним и еще одно за создание общественных беспорядков. Далее. Лига «Сохраним Землю для Человечества» — против вышеназванных лиц. Пожалуй, с нее и начнем.

Джон Томас был мертвенно бледен. Бетти сжала ему пальцы.

В стопке была еще одна бумага; Гринберг, не зачитывая, сунул ее в карман. Это было прошение от имени жителей Вествилла, подписанное шефом полиции, взывающее к суду о необходимости уничтожения «опасного животного, именуемого Луммокс». Вместо этого Гринберг оглядел собравшихся и сказал:

— Итак, слово предоставлено представителю Лиги.

Представитель Лиги приподнялся. Он был одет в строгий пиджак, полосатые брюки и держал себя с сознанием собственного достоинства.

— Имею честь предстать перед высоким судом... мое имя, сэр, Т. Омар Эсклунд, доктор философии.

— Обращение в свой адрес суд не воспринимает ни как честь, ни наоборот, доктор. Имеете ли вы отношение к данному делу?

— Да, сэр. Я представляю здесь нашу Лигу. Я друг суда.

О'Фаррел нахмурился.

— Суд предпочитает сам выбирать себе друзей. Изложите сущность своего дела, доктор.

— С вашего разрешения, сэр. Я исполнительный секретарь Лиги «Сохраним Землю для Человечества». Как хорошо известно, начало безбожной практики космических путешествий, обрушившихся на нашу родную Землю, данную нам божьим соизволением, привело к тому, что нас стали теснить существа... точнее говоря, животные... чье происхождение весьма сомнительно. И тлетворные последствия данной развратной практики ныне видны каждому. Лига, которая, если можно так выразиться, выражает интересы всего человечества, просит... нет, настаивает, чтобы сие исчадие ада, которое своей яростью чуть не уничтожило сей райский уголок, было умертвлено.

— Минутку. Вы употребили слово «настаивает»; имеется ли оно в вашем заявлении?

— Нет, ваша честь, оно вырвалось из моего сердца, от полноты возмущения...

— Ваше сердце полно неуважения к суду. Желаете ли вы изменить формулировку?

Представитель Лиги помолчал, а затем сказал с явной неохотой:

— Я беру назад свои слова. У меня не было намерения оскорбить суд.

— Ваше заявление получено и приобщено к делу, — произнес Гринберг. — Прошу вас сесть...

...В это время сам герой, Луммокс, размышлял над непростым вопросом: имеет ли Бетти право приказывать ему, но не мог прийти к определенному решению. Он снова лег и погрузился в сон; бодрствовал лишь сторожевой глаз.

Сон его был тревожен, поскольку его мучительно терзал ароматный запах стали. Спустя какое-то время он проснулся и потянулся, отчего клетка затрещала по швам. Ему пришла в голову мысль, что столь долгое отсутствие Джона Томаса не вызвано необходимостью. Он лизнул один из брусьев клетки, попробовал его на вкус. Слегка суховато, решил он, но неплохо.

...В суде шериф Дрейзер закончил свое выступление и уступил место Мендозе. За ним выступил представитель «Бон Марше», наконец, дело дошло до миссис Донахью.

— Ваша честь, друзья, уважаемые сограждане, хоть я и не привыкла к публичным выступлениям, тем не менее мой безупречный образ жизни служит порукой тому...

— Миссис Донахью, пожалуйста, только факты. Итак, в полдень прошлого понедельника...

— ...Я прилегла на несколько минут отдохнуть, ибо я изнемогаю от своих обязанностей: клуб, благотворительный комитет... И тут я услышала ужасный шум за окном, я выглянула и увидела это огромное свирепое животное, которое самым наглým образом поедало мои замечательные розовые кусты!

— И что сделали вы?

— Я не раздумывала ни секунды: схватила первое, что попало мне под руку, — это была метла — и бросилась на него. Оно тут же обратилось в бег, это трусливое животное, но мой любимый садик — о, если бы видели, как он выглядел после посещения этого чудовища! Я умоляю вас, господин судья, это опаснейшее, кровожадное животное должно быть уничтожено!

Бетти вскочила со своего места, как подброшенная.

— Эй, подождите минутку! Все, что вменяется Луммоксу в вину, — это несколько паршивых, вялых цветков! Ваша честь, — обратилась она к О'Фаррелу, — вообразите себе маленького ребенка, который тянется за лакомым куском, и в этот момент кто-то бьет его метлой по голове. Лумми — он ведь как ребенок, а розовый куст для него вроде пирожного. Представляете, как был он испуган, когда на него посыпался град ударов? А ведь Лумми полон дружелюбия. Все вокруг знают об этом. Но пытался ли кто-нибудь, — тут свидетельница метнула ядовитый взгляд в сторону миссис Донахью, — заговорить с ним, успокоить его? Нет и еще раз нет! Вместо этого на Лумми неожиданно кинулись с метлой, запугали его до смерти и наконец загнали под мост. Да-да, это он из-за этой почтенной миссис наделал шуму в городе.

Бетти остановилась, сглатывая слезы, которые двумя потоками струились из ее глаз. Искусству в нужный момент обливаться слезами она научилась в школьном драматическом кружке. Джон Томас мысленно аплодировал ей. Речь Бетти произвела впечатление: в зале послышались одобрителльные возгласы, а миссис Донахью растерянно проговорила:

— Что-о? Выходит, я же еще и виновата?

— Вне всякого сомнения, — отрезала Бетти, — но не только вы, но и мистер Ито, который вздумал стрелять в Лумми, в это нежное, кроткое существо.

— Ничего себе кроткое, — подал голос мистер Ито, — вы бы видели, как оно, сорвавшись с места, проломило стены в моем доме.

— Эту досадную оплошность Лумми совершил, будучи смертельно напуганным вашим выстрелом, — тут же нашлась Бетти. — Итак, господин судья, эти двое людей спровоцировали все дальнейшие события, и это понятно даже младенцу.

В зале захлопали, и тогда Джон Томас перевел дыхание. Слава Богу, Бетти удалось выиграть этот раунд! Теперь симпатии граждан явно на их стороне. Он посмотрел на Гринберга, и тот подмигнул

Джону Томасу. Довольная Бетти села на место. Видно было, что и она вздохнула с облегчением.

Увы, слишком рано они предались радости!

...Луммокс ждал Джона Томаса дольше, чем ему хотелось бы. Наконец он решил, что пришло время выяснить, куда делся Джон Томас, и отправляться домой. Он понимал, что придется нарушить приказ Бетти; но ведь Бетти — это не Джон Томас.

Он настроил все свои органы чувств на «поиск» и начал разыскивать Джонни. Слушал он долго, несколько раз слышал голос Бетти, донесшийся до него из большого дома, — но она его не интересовала. Он продолжал прислушиваться.

Наконец объявился и Джонни! Луммокс напряг свой слух до предела. Хозяин находился в том же большом доме, что и Бетти, с ним все было в порядке. Но Джонни говорил точно так, будто он спорил со своей матерью. Луммокс повернулся в ту сторону и попытался понять, что происходит.

Они говорили о вещах, в которых он не разбирался. Но одно было ясно: кто-то спорил с Джонни. Кто? Его мать? Да, он слышал ее голос... он знал, что у нее есть право спорить с Джонни, так же как Джонни мог спорить с ним — так что все это было не важно. Но здесь был кто-то другой... точнее, другие, и ни у кого из них не было такого права.

Луммокс решил, что пришло время действовать. Он поднялся на ноги.

Едва Джон Томас, взявший слово после Бетти, дошел в своей речи до слов «Бедняга, он...», как снаружи раздался скрип и скрежет; все присутствующие в зале поспешно повернулись. Звуки стремительно приближались, и Гринберг уже собирался послать служащего выяснить, что там произошло, как дверь, ведущая в суд, крякнула и сорвалась с петель. Передняя часть туловища Луммокса вдвинулась в помещение, таща на себе часть стены, а дверной косяк украшал ее как воротничок. От открыл рот и радостно пискнул: «Джонни!»

— Луммокс! — закричал его друг. — Стой на месте! Стой там, где ты стоишь! Не двигайся!

Выражение лиц всех присутствующих, включая Специального Посланника Гринберга, было непередаваемо.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Мистер Кику сидел за своим рабочим столом, рассеянно просматривая бумаги: мысли его были заняты доктором Фтаемлом.

Он знал, что не может позволить себе никаких расовых предрассудков, во всяком случае, на этой работе. Интуиция подсказывала

ему, что и доктор Фтаемл свободен от предубеждений, которые могут возникнуть из-за разницы цвета кожи, формы глаз или контуров лица, возможно, по той причине, что для такого загадочного существа, каковым он являлся, различия в человеческих особях могут показаться совершенно несущественными.

И все же от этого никуда не деться... В глубине души он испытывал к Фтаемлу смутную неприязнь. И тут он был бессилен.

Куда ни шло, если бы раргиллианин носил тюрбан вместо того, чтобы разгуливать с шевелящимся клубком змей на голове. Но нет! Чувствовалось, что для раргиллиан прическа была предметом гордости. Во всех их манерах сквозило убеждение, что никто, кроме них, раргиллиан, не достоин звания разумного существа.

Хотя... в общем-то Фтаемл неплохой парень. Он черкнул себе, что надо, не откладывая, пригласить Фтаемла на обед. Кроме того, он, Кику, может подвергнуться глубокой гипнотической обработке, что сделает обед не таким уж трудным мероприятием. Но при одной мысли о нем изжога снова дала знать о себе.

Представив себе доктора Фтаемла, причesanного «а ля лорд Честерфилд», мистер Кику невольно улыбнулся и почувствовал себя значительно лучше.

Следующая подборка бумаг представляла собой отчет о командировке... Ах, да! Сол Гринберг. Хороший парень. И, еще не кончив читать, он потянулся за карандашом, чтобы поставить утверждающую визу.

Но вместо этого он застыл примерно на полсекунды, а затем нажал на кнопку.

— Полный отчет о командировке мистера Гринберга! О той, из которой он вернулся несколько дней назад.

— Не помните ли вы его номер, сэр?

— RT0411, за субботу. Жду!

Он успел пробежать глазами лишь пару документов, как пневматическая почта всхлипнула, и узкий цилиндр шлепнулся ему на стол. Он засунул его в машину и расслабился, держа палец на тумблере, с помощью которого регулировал скорость появления текста на экране.

Меньше чем через семь минут он имел не только представление о процессе, но и прочел отчет самого Гринберга обо всем, что произошло. С помощью машины мистер Кику мог проглатывать не менее двух тысяч слов в минуту; выслушивать многословные доклады и давать интервью он оставлял на долю тех, кто не ценит время. Но в данном случае он почувствовал необходимость в устном докладе. Наклонившись к микрофону, он нажал тумблер.

— Гринберг!

Гринберг мгновенно появился на экране.

— Привет, босс.

— Будь добр, иди сюда. — Мистер Кику, не утруждая себя любезностью, отключился.

Гринберг решил, что изжога босса снова дает себя знать. Но было уже поздно сочинять какое-нибудь неотложное дело вне Департамента; поспешив наверх, он предстал перед шефом со своей обычной улыбкой.

— Доброе утро, — буркнул мистер Кику. — Я читал твой отчет.

— И?

— Сколько тебе лет, Гринберг?

— Мне? Тридцать семь.

— Хм-м-м. И в каком ты сейчас звании?

— Сэр? Я дипломатический офицер второго класса... но действую по первому.

— Из этого следует, что ты должен обладать мозгами, — задумчиво пробормотал Кику. — Но когда я прочитал твой отчет, то здорово усомнился в этом.

На скулах Гринберга вздулись желваки, но он ничего не ответил.

— Ну? Что ты молчишь?

— Сэр, — холодно ответил Гринберг, — вы старше и значительно опытнее меня. Могу ли я осведомиться, чем вызваны ваши сомнения?

Мистер Кику пожевал губами, но удержался от улыбки.

— Прекрасный вопрос. А теперь садись, и мы поговорим о твоих ошибках. Сол, я вижу, что глаза и уши тебе ни к чему. Ведь если этот зверь способен говорить, ты должен был сразу же отложить процесс, пока мы не получили бы о нем всю информацию.

— М-м-м... я так и собирался сделать.

— Он собирался! Сынок, я не понимаю, почему ты санкционировал решение суда. Сначала ты отклонил прошение местных властей об уничтожении этого создания... потом ты дал задний ход, удовлетворив просителей и сказав им, что они могут избавиться от него, исходя из того, что Департамент подмахнет это решение. И все за десять минут. Сынок, я не думаю, что ты хотел выглядеть дураком, но зачем надо было втягивать в эту петрушку и Департамент?

— Босс, — смиренно признался Гринберг, — возможно, я сделал ошибку. Но дело в том, что зверь в самом деле опасен и Вествилл не в состоянии держать его под контролем. И если бы это не было выше моих сил, я бы приказал уничтожить его немедленно, не дожидаясь санкции Департамента.

— Даже так?

— Вы не были на моем месте, сэр. Вы не видели, как рушились эти массивные стены. Вы не видели, как он разметал их.

— Не старайся поразить меня... А ты когда-нибудь видел город, который одна бомба сровняла с землей? Что там стены в вашем суде... Может быть, на них нажился какой-то вороватый подрядчик.

— Но, босс, вам надо было видеть клетку, которую он разворотил.

Сваренные стальные первосортные брусья. Он переломил их, как соломинки.

— Сын, все факторы, хоть каким-то боком касающиеся понятия «вне», имеют самое прямое отношение к нашему Департаменту. И ты это знаешь. Но когда ты будешь помнить это во сне и наяву, чистя ботинки или разливая супы на благотворительном базаре, ты поймешь, что это суть нашей работы. И ты будешь держать ушки на макушке и улавливать носом все, что может быть названо «особыми ситуациями». А теперь расскажи мне об этом существе. Я читал твой отчет, я видел его снимки. Но я не чувствую его.

— Ну, он относится к многоногому несбалансированному типу. Восемь ног, примерно семь футов в холке. Оно...

Кику выпрямился.

— Восемь ног? А руки?

— Руки? Их нет.

— Какие-нибудь любые органы для манипуляций? Видоизмененные конечности?

— Ничего, шеф... будь что-то подобное, я бы сразу же приказал провести полное и всестороннее обследование. Ноги у него как бочонки, но двигается он с изяществом. Он напоминает нечто среднее между риноцеросом и трицератопсом, хотя артикуляция у него весьма своеобразная. Молодой хозяин зовет его Луммоксом¹, и это имя ему подходит. Обаятельное, но глупое существо. В этом и кроется опасность: он настолько огромен и могуч, что из-за своей неповоротливости и несообразительности может причинить людям много вреда. Он разговаривает, но это речь примерно четырехлетнего ребенка... голос у него такой, словно у него в утробе сидит маленькая девочка.

— Почему ты считаешь его глупым? Из твоего исторического отчета я понял, что владелец считает это существо достаточно сообразительным.

Гринберг улыбнулся.

— Ему очень хочется, чтобы это было так. Я говорил с Луммоксом, босс. Он в самом деле глуп.

— Не вижу, из чего ты сделал такой вывод. Считать, что вземное существо глупо только потому, что не может как следует разговаривать на языке землян, — то же самое, что считать итальянцев неграмотными лишь потому, что они говорят на ломаном английском. Одно не вытекает из другого.

— По моему убеждению, уровень его интеллекта не превышает обезьяний. Может быть, собачий. Но не больше.

— Могу допустить, что ты придерживаешься ортодоксальных взглядов в теории ксенологии. Но когда-нибудь твое предубеждение станет подавляющим и превратится в оскорбление для классической

¹ Увалень

ксенологии. Мы обнаружили цивилизацию, которая развивается вне нашей системы понятий и не нуждается в них...

— Хотите пари?

— Нет. Где сейчас данные об этом увальне?

Гринберг несколько смутился.

— Босс, я отдал все материалы в лабораторию для микрофильмирования. С минуты на минуту они будут на вашем столе.

— О'кей, ты расторопен. Изложи-ка устно...

— У меня установились добрые отношения с местным судьей, и я попросил его держать меня в курсе дела. Конечно, они не могут содержать эту гору в местной Бастилии; в сущности, у них нет таких запоров, которые могли бы остановить его... в чем они убедились на горьком опыте. И выстроить они тоже ничего не успеют... уж поверьте мне, та клетка, что он разворотил, была что надо. Но шеф полиции напряг мозги: у них есть пустой бетонный резервуар со стенками высотой в девять футов, часть противопожарной системы. Они возвели рампу, подняли по ней Луммокса, спустили его в резервуар и убрали рампу. Владельца не посвятили в решение суда, но объяснили ему, что зверя надо хорошенько изолировать. Шериф Дрейзер никому ничего не сказал — но входной клапан вроде бы случайно оказался открытым, и за ночь резервуар наполнился водой до краев. К утру Луммокс оказался на дне. Шериф Дрейзер решил, что его «забывчивость» принесла успех и Луммокс потонул.

— И что же?

— Но Луммокс совершенно не пострадал. Он находился под водой несколько часов, а когда ее спустили, он проснулся, встал и пропищал: «С добрым утром».

— Возможно, это создание — двоякодышащее. Что было дальше?

— Минутку, сэр. Дрейзер знал, что огнестрельное оружие и взрывчатка бесполезны, во всяком случае, в том объеме, который можно пускать в ход в черте города. Он решил прибегнуть к яду. Он взял полдюжины сортов и разновидностей яда в количестве, достаточном, чтобы отправить на тот свет целый зоопарк, и смешал их с разной пищей.

— Ну и?

— Луммокс слопал все подчистую. Его даже в сон не потянуло; в сущности, это угощение лишь подхлестнуло его аппетит, ибо следующим блюдом для него стал тот самый входной клапан, и резервуар стал снова наполняться. Они должны были остановить насосную станцию.

Кику фыркнул.

— Он начинает мне нравиться, этот Луммокс. Ты говоришь, он съел этот клапан. Из чего тот был сделан?

— Не знаю. Думаю, обычный сплав.

— ...Похоже, его диета несколько суховата. А может быть, у него зуб, как у птиц.

— Я бы не удивился.

— Что шериф сделал потом?

— Пока еще ничего. Я попросил О'Фаррела предупредить Дрейзера, что он кончит в исправительной колонии в тридцати световых годах от Вествилла, если попытается в случае чего свалить вину на Департамент. И сейчас он ломает себе голову, как решить эту проблему. Пока что Луммокса вернули владельцу. Только он может контролировать это создание до той поры, пока Дрейзер не изобретет что-то еще.

— Ну что ж, теперь мне все ясно.

Мистер Кику подписал санкцию на уничтожение Луммокса, которую тут же поглотила корзинка для исходящих бумаг.

— У меня есть еще одна работа для тебя.

— Ох,— сказал Гринберг, испытав смутное сожаление; он бы с облегчением воспринял решение шефа отсрочить смертный приговор Луммоксу.— Что ж, очень жаль, но зверь в самом деле был опасен.

— Ты боишься змей? — продолжил беседу мистер Кику.

— Нет. Они мне даже нравятся.

— Прекрасно! Хотя не могу представить, как они могут нравиться. Я всегда до смерти боялся их. Еще когда я был мальчишкой в Африке... Впрочем, неважно. Ты когда-нибудь работал вместе с раригиллианами? Я что-то не припоминаю.

Гринберг немного подумал:

— У меня был переводчик с Раригилла в деле Веги-IV. Мы неплохо сработались.

— Ясно. Сол, на мне висит дело, в котором участвует посредник с Раригиллиана, доктор Фтаемл. Ты должен был слышать о нем.

— Да, конечно, сэр.

— Должен сказать, что когда он появляется... — Кику издал звук, напоминающий сдавленное рычание.— Впрочем, с Фтаемлом все в порядке. Но его участие связано с каким-то запахом тревоги... и боюсь, моя личная фобия не позволяет моему носу достаточно точно улавливать этот запах.

— Думаю, что вы доверяете моему носу, босс?

— Дело в том... — Но прежде чем мистер Кику успел закончить, на пульте вспыхнул огонек, и голос секретаря сказал:

— Явился ваш психотерапевт, сэр.

Кику взглянул на часы.

— Как летит время... Проводи его в комнату для отдыха. Я сейчас буду.— Он повернулся к Гринбергу.— Фтаемл будет здесь через тридцать минут. Я должен привести себя в форму. Все, что нужно, ты найдешь в этой папке.

Кику вышел, а Гринберг тотчас погрузился в чтение... Он знал, что эти неутомимые переводчики, маклеры, посредники и истолкователи,

эти раргиллиане, как правило, появлялись на политической арене лишь во время переговоров между двумя расами. Присутствие доктора Фтаемла на Земле означало, что какие-то негуманоиды встревожены... Негуманоидами эти существа можно было назвать лишь условно: психология их настолько отличалась от человеческой, что общение было довольно затруднительным. Но Гринберг не ожидал, что ученый доктор будет представлять расу, о которой он ничего не слышал... «Хрошиа»...

Вполне возможно, что Гринберг просто забыл о существовании народа хрошиа; он мог представлять собою совершенно незначительную популяцию, находящуюся на низком культурном уровне, с неразвитой экономикой, не способной к самостоятельным космическим путешествиям. Или же они могли быть приняты в Сообщество Цивилизаций, когда Гринберг был занят делами вне Солнечной системы. Как только человечество начало устанавливать контакты с другими расами, также совершающими межзвездные путешествия, семья тех, кто по праву мог считаться «гуманоидами», стала пополняться так быстро, что всех стало трудно удерживать в памяти: чем больше человечество расширяло свои границы, тем труднее было держать их в поле зрения.

Или, может быть, он знал хрошиа под каким-то другим именем? Гринберг повернулся к универсальному справочнику мистера Кику и ввел в него это имя.

Машина проглотила его, а затем на экране дисплея вспыхнуло: «ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

Гринберг с трудом перевел дыхание при мысли о том, что информация о хрошиа могла как-то исчезнуть... или ее вообще не существует.

Он расширил круг поисков. Универсальный справочник Британского музея был осведомлен не более, чем компьютер в офисе Секретаря, хотя его хранилище информации занимало огромное здание в другой части Столицы и целая армия кибернетиков, семантиков и энциклопедистов, не покладая рук, кормила фактами его ненасытное чрево. Теперь он мог быть уверен, что откуда бы хрошиа ни явились, Федерация о них ничего не знала.

Это было удивительно.

Позволив себе находиться в состоянии изумления не более нескольких секунд, Гринберг продолжил чтение. Он выяснил, что хрошиа были в пределах досягаемости передач — на круговой орбите в пятидесяти тысячах миль от Земли. Теперь он позволил себе удивляться целую минуту, выяснив, что ничего не слышал об этих пришельцах лишь потому, что именно доктор Фтаемл настоятельно советовал мистеру Кику воздержаться от посылки патрульного корабля на орбиту и от попытки войти на борт чужеземцев.

Из бумаг следовало, что хрошиа явились сюда не для того, чтобы

установить какие-то отношения с Землей; они висят над планетой, чтобы найти какую-то из своих соотечественниц. Исходя из того, что сообщил доктор Фтаемл, они уверены, что Земля держит ее в плену, и намерены требовать ее освобождения.

Гринберг почувствовал себя участником дурной мелодрамы. Эти существа с именем, напоминающим астматический хрип, избрали себе явно не ту планету для таких игр. На Земле негуманоидное существо не имеет возможности обрести без паспорта, без досье, находящегося в их Департаменте, без всяких причин для посещения Земли. В свое время его, конечно, обнаружат... Что за идиотизм! Ведь оно даже не пройдет карантина.

Так что пусть эти хрошиа собирают свои пожитки и отправляются домой.

Кроме того, как они представляют себе приземление своей соотечественницы? На парашюте? Или на крыльях любви? Межзвездный корабль не может садиться на Землю; его обслуживают «челноки». Неужели они воображают, что их соотечественница пробралась на Землю на одном из них, сказав патрульному: «Простите меня, сэр, но я спасаюсь от своего мужа, который вон в той части Галактики. Вы не против, если я залезу под сиденье и таким образом проникну на вашу планету?» «Бог подаст» — вот что в лучшем случае могут ей ответить. На «челноках» терпеть не могут зайцев; Гринберг чувствовал это каждый раз, предъявляя свое дипломатическое удостоверение.

Что-то все время не давало ему покоя... Наконец он вспомнил, как босс допытывался: есть ли руки у Луммокса? Он понял, что босс должен был удостовериться, не является ли Луммокс пропавшим хрошиа, которые, по словам Фтаемла, имеют восемь ног. Гринберг присвистнул. Но ведь Луммокс не мог ни построить космический корабль, ни управлять им; и кроме того, Луммокс на Земле уже больше сотни лет. Что-то поздновато для розысков.

Главный вопрос заключался в том, что делать с хрошиа, раз уж мы вошли в контакт с ними. Все, что имело отношение к «вне», было интересным, познавательным и полезным для человечества, как только с ним удавалось познакомиться поближе и проанализировать... а та раса, которая была способна на самостоятельные межзвездные перелеты, без сомнения, относилась к таковым явлениям. Гринберг не сомневался, что босс постарается поводить их за нос, пока не присмотрится, что сулит будущее. Отлично — и Гринбергу остается лишь поддерживать его.

Мистер Кику возник у него за спиной.

— Ну что, любопытно?

— Весьма.

— И мне так кажется. Однако нам пора. Доктор Фтаемл ожидает в конференц-зале. Будем, сынок, очаровывать змей. Нет ли у тебя с собою флейты?..

«КОСМОС ГЛУБОК, ЭКСЕЛЕНЦ»

— Доктор Фтаемл, это мой коллега, мистер Гринберг.

Раргиллианин склонился в глубоком поклоне. Двойные коленные суставы его ног и странная для человеческого глаза жестикуляция изобразили какой-то ритуальный танец.

— Я наслышан о высоком профессионализме достопочтенного мистера Гринберга. Я польщен, сэр.

Гринберг ответил в том же стиле вежливых преувеличений, который был принят для космолингвы:

— Я давно тайл надежду почерпнуть опыта в общении со столь высокоученой персоной, как доктор Фтаемл, но никогда не предполагал, что мои надежды сбудутся так скоро. Ваш слуга и ученик, сэр.

— Хм-м-м! — прервал их мистер Кику.— Доктор, то деликатное дело, в котором вы взяли на себя миссию посредника, столь важно, что до недавнего времени я со своим обычным штатом не мог уделить ему столько времени, сколько оно заслуживает. Мистер Гринберг является чрезвычайным послом и полномочным министром, выделенным в мое распоряжение Федерацией специально для этой цели.

Гринберг удивленно моргнул при этих словах босса, но сохранил каменное выражение лица. Он уже раньше обратил внимание, что босс сказал «коллега» вместо «помощник», но счел эту оговорку обычной уловкой, чтобы повысить престиж стороны, участвующей в переговорах, — но он не ожидал, что ему будет выдан такой щедрый патент на следующий чин. Интересно, скажется ли это на его зарплате?

Доктор Фтаемл снова поклонился.

— Я бесконечно благодарен, что имею возможность сотрудничать с вашим превосходительством.

Гринберг подозревал, что им не удалось одурачить раргиллианина; тем не менее благодарность его была искренней, так как он сам был в ранге посла.

Пока секретарша расставляла угощение, они перевели дыхание. Фтаемл выбрал французское вино, а Гринберг и Кику в качестве ответной любезности — раргиллианский напиток, нечто, названное «вином» лишь из-за бедности языка и смутно напоминающее хлеб, размоченный в молоке и отдающий серной кислотой. Напиток еще не коснулся его губ, но Гринберг поторопился изобразить редкостное удовольствие.

Он с уважением отметил, что босс рискнул пригубить жидкость.

Пока ритуальный порядок шел своим чередом, Гринберг получил время присмотреться к Фтаемлу. Медузоид был одет в дорогую пародию на земной мундир: кургузый фрак, кружевное жабо и полосатые брюки. Данное одеяние помогало скрывать тот факт, что хотя сейчас он напоминал обыкновенного гуманоида с двумя ногами, двумя

ННЬЕ
ЯЦУС
НОС
ОТО
ГОЛ
ОЛА
СЗР
НО
КНС
ИТЬ
ЕР
ЕН
Л
ИИ
АТЬ
ОУ
Е
О

руками и продолговатой головой, в сущности в нем не было ничего человеческого.

Но Гринберг вырос в обществе Великих Марсиан и имел дело с различными существами; он не считал, что «человек» должен иметь только человеческое обличье. С его точки зрения, Фтаемл был не лишен обаяния и грациозности. Его сухая хитиновая кожа, оранжевая с зелеными подтеками, была ничуть не хуже декоративной леопардовой шкуры. Отсутствие носа ничуть не портило впечатления и компенсировалось подвижным чувствительным ртом.

Гринберг решил, что Фтаемл должен прятать свой хвост, оборачивая его вокруг туловища под одеждой, дабы избежать ненужных намеков, что он похож на земное животное; к этому раригиллиане были очень чувствительны: до сих пор им была памятна та история в Риме, когда на приеме один из них смахнул хвостом свечу. Другие раригиллиане, с которыми Гринбергу приходилось сотрудничать, старались вообще не пользоваться одеждой и носили свои хвосты как ни в чем не бывало.

Он посмотрел на вибриссы медузоида. Они отнюдь не напоминали змей. Босс явно относился к ним с излишней нервозностью. Конечно, они были с фут длиной и толщиной с его большой палец, но у них не было ни глаз, ни пасти, ни зубов — это были просто вибриссы, усики, и не больше. У многих других рас тоже есть такие усики. А что такое наши пальцы, как не короткие усики?

Мистер Киду и доктор Фтаемл одновременно поставили свои бокалы.

— Доктор, консультировались ли вы со своими доверителями?

— Сэр, мне была оказана такая честь. И могу ли я выразить вам благодарность за десантную шлюпку, которую вы столь любезно предоставили в мое распоряжение, чтобы я имел возможность, покидая поверхность вашей очаровательной планеты, снестись с теми, кого я имею честь здесь представлять. И, отдавая должное тем выдающимся личностям, которым я ныне служу, должен сказать, что она куда больше подходит для моей конституции, нежели аналогичное устройство их корабля.

— Не стоит благодарности. Мы всегда рады услужить нашим друзьям.

— Вы исключительно любезны, господин Секретарь.

— Итак, что же они сказали?

Доктор Фтаемл содрогнулся всем телом.

— Я искренне сокрушаюсь при необходимости сообщить вам, что они непоколебимы. Они настаивают, что их малышка должна быть возвращена им без промедления.

Мистер Киду нахмурился.

— Я не сомневаюсь, вы объяснили им, что у нас нет их пропавшего ребенка, что мы никогда не слышали о нем, что у нас есть весомые основания считать, что он никогда не посещал нашу планету, и еще

более весомые основания считать, что он... то есть она никогда не жила на нашей планете.

— Все это я доложил им. Надеюсь, вы простите мою невежливость, если я передам их ответ в тех выражениях, которые они употребили.— Он смущенно повел плечами.— Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не возразил, зная, что когда раргиллиане исполняют роль посредника, они не вкладывают в эти обязанности ничего личного, как телефон.

— Было бы куда лучше, если бы я в самом деле лгал. Тогда бы в конце концов я мог бы поймать их пострела и забыть обо всем этом...

— Лично я верю вам,— внезапно сказал доктор Фтаемл.

— Благодарю вас. Сообщили ли вы им, что есть более семи тысяч разновидностей внеземных существ, пребывающих на нашей планете, каждая из которых представлена сотнями и тысячами индивидуумов? Что из них примерно тридцать тысяч — разумные существа? Но что из них только очень немногие обладают физическими характеристиками, отдаленно смахивающими на ваших хрошиа? И что мы знаем, откуда они родом, с какой планеты?

— Я раргиллианин, сэр. Я сказал им все это и даже больше, используя их собственный язык и изложив факты гораздо яснее, чем вы могли это объяснить какому-нибудь землянину.

— Я вам верю.— Мистер Кику хлопнул по крышке стола.— У вас есть какие-то предложения?

— Минутку,— вмешался Гринберг.— Нет ли у вас изображения типичного хрошиа? Оно могло бы помочь.

— Прошу яростить.— Доктор Фтаемл задумался.— Они не употребляют символику типа изображений. К сожалению, у меня нет возможности выполнить вашу просьбу.

— Раса безглазых?

— Нет, экселенц. Выглядят они вполне прилично и даже изящно. Но их глаза и нервная система несколько отличаются от ваших. То, что они называют изображением, было бы для вас совершенной бессмыслицей. Даже я нахожу это довольно затруднительным, хотя общепризнано, что моя раса наиболее приспособлена для интерпретации абстрактных символов. Если раргиллианин...— Он замолчал и принялся прихорашиваться.

— Ну хорошо... опишите нам одного из них. Используйте все свои широкоизвестные семантические способности.

— С удовольствием. Корабль, созданный хрошиа, относится к боевому классу и...

Мистер Кику прервал его:

— К боевому классу? Доктор, вы хотите сказать, что это военное судно? Вы мне этого прежде не говорили.

Доктор Фтаемл изобразил скорбь на своем лице.

— Я считал, что этот факт общеизвестен и достаточно непригляден.

— Так я и думаю.— Мистер Кику задумался, не стоит ли ему поднять по тревоге Генеральный Штаб Федерации. Не сейчас, решил он. Мистер Кику всегда был настроен против вмешательства военной мощи в процесс переговоров, ибо он был уверен, что демонстрация силы служит признанием неудачи со стороны дипломатов, а также практически сводит на нет шансы достичь соглашения в будущем. Свое мнение он мог обосновать, но предпочитал держать его при себе.— Продолжайте, пожалуйста.

— Хрошиа-военные являются трехполыми; разница между ними не бросается в глаза, и у нас нет необходимости в уточнениях. Мои доверители, руководящие экспедицией на данном корабле, примерно на шесть дюймов выше этого помещения и вдвое тяжелее вас. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки у них маленькие, но сильные и исключительно ловкие. По-моему, хрошиа отличаются необычной красотой и редкой грацией. Они с большим искусством работают с машинами, инструментами и способны совершать очень тонкие манипуляции.

Пока Фтаемл говорил, Гринберг насторожился. Он вновь вспомнил Луммокса. А вдруг все-таки это создание является одним из хрошиа... Впрочем, у него нет достаточно весомых оснований, чтобы утверждать это. Его догадки основывались всего лишь на совпадении числа ног... точно так же страуса можно было бы спутать с человеком, потому что у него две ноги! Мысленно он упорно пытался определить Луммокса в какую-нибудь категорию существ, но ни одна из известных ему пока не подходила.

Доктор Фтаемл продолжал:

— Но эти выдающиеся характеристики хрошиа не исчерпываются простыми данными о размерах, весе, строении тела и функциях, ибо самое потрясающее впечатление производит их интеллектуальная мощь.— Медузоид причмокнул в восхищении.— Я почти уже пришел к решению отказаться от профессионального вознаграждения и считать мою службу не обязанностью, а привилегией.

Вот это уже произвело на Гринберга впечатление. Значит, хрошиа в самом деле представляют собой что-то сверхъестественное. Насколько бы честным посредником раригиллианин ни был, он может позволить человеку умереть от жажды, но не скажет ему ни слова об источнике воды, прежде чем гонорар не будет у него в руках.

— Единственное,— добавил Фтаемл,— что остановило меня, это понимание, что кое в чем я их превосхожу. Они не лингвисты. Их речь богата и выразительна, но, кроме нее, они не владеют никаким языком. Даже вы талантливее их в лингвистическом отношении,— Фтаемл поднял свои гротескные руки жестом римлянина и закон-

чил: — Таким образом, я пересмотрел отношение к себе и потребовал двойной оплаты.

Он замолчал. Мистер Кику молча смотрел в стол, а Гринберг просто ждал. Наконец Кику сказал:

— Что вы предлагаете?

— Мой уважаемый друг, есть только один путь, которого вы не избежите. Хрошиа, которую они ищут, должна быть найдена.

— Но у нас ее нет.

Фтаемл изобразил глубокую грусть.

— Достоин сожаления.

Гринберг внимательно присмотрелся к нему; он чувствовал, что раргиллианин был больше, чем кто-либо другой, озабочен успехом переговоров: любой их исход, кроме успешного, вызывал у этих существ потерю самоуважения.

— Доктор Фтаемл, — сказал он, — когда вы принимали на себя миссию посредничества, предполагали ли вы, что мы будем в состоянии удовлетворить их требование и доставить эту хрошиа?

Собеседник глубоко вздохнул; Гринберг вздернул бровь и сухо сказал:

— Я вижу, что нет. Могу ли я осведомиться, почему в таком случае вы все же взяли на себя роль посредника?

Фтаемл ответил медленно и без своей обычной доверительности:

— Сэр, никто не может отказаться от сотрудничества с хрошиа... Поверьте мне, никто.

— Хм-м-м... эти мне хрошиа. Доктор, надеюсь, вы простите меня, если я скажу вам, что из ваших слов нам так и не удалось составить полное представление об этих созданиях. Вы сказали, что они обладают такой интеллектуальной мощью, что даже лучшие умы столь высокоразвитой расы, как ваша, полностью подавляются ими. Вы дали понять, что они обладают мощью и в других областях... такой, что даже вы, гордый, свободный народ, вынуждены повиноваться их желаниям. Сейчас они прибыли к нам на единственном корабле, который висит над планетой столь могущественной, что она способна установить свою полную и всепоглощающую гегемонию в этом секторе космоса, и все же вы говорите, что «достоин сожаления», если мы не удовлетворим их невыполнимое требование.

— Так оно и есть, — осторожно сказал Фтаемл.

— Когда раргиллианин говорит, исполняя свои профессиональные обязанности, я не могу ему не верить. Это-то и вызывает у меня тревогу. Эти сверхсущества... почему мы никогда раньше не слышали о них?

— Космос глубок, экселенц.

— Да, да. Не сомневаюсь, что есть тысячи великих рас, которых мы никогда не встречали и не встретим. Но неужели и для вас это тоже первый контакт с хрошиа?

— Нет. Мы давно знаем о них... дольше, чем о вас.

— Что? — Гринберг кинул на Кику быстрый взгляд и проговорил: — Что за отношения между Раргиллом и хрошиа? И почему Федерации о них ничего не известно?

— Должен ли я считать ваш последний вопрос упреком? Если да, то могу сказать, что я не отвечаю за действия своего правительства.

— Мы просто интересуемся, — заверил его Гринберг. — Федерация стремится постоянно расширять свои дипломатические связи. И я удивлен, узнав, что ваша раса, которая всегда декларировала дружбу с нами, зная о существовании могучей цивилизации, не поставила Федерацию о ней в известность.

— Может быть, Федерация не догадалась правильно сформулировать вопрос? Что же касается остального, то мои соотечественники не имеют с могущественными хрошиа ни дипломатических, ни каких-либо иных отношений. Они — существа, которые, как вы выражаетесь, заняты своими собственными делами, и мы очень рады... рады тому, что не имеем к ним отношения. Прошло очень много лет, больше пяти ваших столетий, когда корабль хрошиа в последний раз появился в нашем небе и хрошиа потребовали от нас определенных услуг...

— Чем больше я узнаю, — сказал Гринберг, — тем больше ничего не понимаю. Значит, они остановились на Раргилле, чтобы взять посредника, вместо того, чтобы направиться прямо сюда?

— Не совсем так. Появившись в нашем пространстве, они осведомились, слышали ли мы когда-нибудь о вас. Мы сказали, что да, мы знаем о вас... ибо когда хрошиа спрашивают, им нельзя не ответить! Мы указали им, где находится ваше светило, и на мою долю выпала редкая удача представлять их. — Он пожал плечами. — И вот я здесь.

— Минутку, — сказал Гринберг. — Значит, они наняли вас, двинулись к Земле, затем сообщили вам, что ищут пропавшую хрошиа. И должно быть, именно тогда вы и решили, что их миссия не увенчается успехом. Почему?

— Разве это не очевидно? Мы, раргиллиане, используя вашу любимую и довольно точную идиому, самые большие сплетники в космосе. Из вежливости вы можете назвать нас историками, но я предпочитаю более энергичное выражение. Итак, сплетники. Мы всюду бываем, всех знаем, говорим на всех языках. Мне не нужно поднимать документы, дабы удостовериться, что люди с Земли никогда не были в средоточии звездной системы хрошиа. Окажись вы там, вы, конечно, не обошли бы их своим вниманием, результатом чего была бы война. Она могла бы превратиться в «переполох в курятнике»... кстати, интересное выражение, и я хотел бы побывать в курятнике, коль скоро я уж здесь. И она бы породила массу анекдотов и интересных историй, которые рассказывались бы всюду, где собирались бы два раргиллианина. Поэтому я понял, что они должны ошибаться; им не удастся найти то, чего они ищут.

— Иными словами, — подвел итог Гринсбер, — вы указали им не ту планету... и взвалили все проблемы на нас.

— Простите, — запротестовал доктор Фтаемл, — идентифицировали мы вас совершенно точно. Дело было не столько в вашей планете, поскольку хрошиа не знали, откуда вы пришли, сколько в вас самих. Существа, которых они хотели разыскать, были люди с Земли — они описали вас до мельчайших деталей, вплоть до ногтей на руках и расположения внутренних органов.

— И тем не менее вы знали, что они ошибаются. Доктор, я не так искушен в семантике, как вы. Но я вижу здесь определенное противоречие...

— Разрешите, я вам объясню. Мы, для которых слова являются профессиональным оружием, лучше других знаем их никчемность. Парадокс может существовать только в словах, а не в фактах, которые отображаются этими словами. Как только хрошиа точно описали людей с Земли и как только я понял, что люди не имеют представления о хрошиа, я пришел к тому выводу, к которому и должен был прийти, — что в этой Галактике есть еще одна раса, похожая на вашу, как две горошины из одного стручка. Или бобы? Вам больше нравятся бобы?

— Хватит и горошины, — серьезно сказал мистер Кику.

— Благодарю вас. У вас очень богатый язык; пока я нахожусь здесь, я постараюсь пополнить свои знания. Поверите ли, человек, у которого я брал первые уроки, дал мне идиомы, совершенно неприемлемые в вашем изысканном обществе. Вот как, например...

— Да, да, — поспешно сказал мистер Кику. — Я вам верю. Некоторые из наших соотечественников обладают весьма странным чувством юмора. Значит, вы считаете, что в нашем звездном скоплении есть раса, похожая на нашу, как братья-близнецы? Оценивая возможность такого совпадения, я нахожу данный факт весьма м-м-м... забавным.

— Просторы космоса, господин Секретарь, с точки зрения юмора достаточно неприглядны. Тем не менее мы на Раргилле всегда считали Создателя изрядным юмористом.

— Вы познакомили с этими выводами ваших клиентов?

— Да... и впоследствии в беседах с ними я, тщательно аргументировав, излагал их не раз. Но результат можно было предсказать.

— Что вы имеете в виду?

— У каждой расы есть свои таланты, свои слабости. Когда мощный интеллект хрошиа приводит их к какому-то выводу, они так просто не отказываются от него. Вы называете таких людей «упрямыми».

— Тупоголовыми, доктор Фтаемл, тупоголовыми!

— Прошу вас, мой дорогой сэр! Я надеюсь, что вы сможете держать себя в рамках. Если мне будет позволено, я сообщу, что вы

оказались не в состоянии найти их сокровище, хотя провели тщательные и всеохватывающие поиски. Я ваш друг... и не надо считать, что эти переговоры завершатся неудачей...

— Я еще ни разу в своей жизни не проигрывал переговоров, — кисло ответил мистер Кику. — Если вам не удастся переспорить какого-нибудь типа, порой вы можете пережить его. Но я не вижу, что еще мы можем им предложить. Правда, есть одна возможность, о которой мы говорили в прошлый раз... вы захватили с собой координаты их планеты? Или они отказались их дать?

— Они со мной. Говорю вам, что хрошиа совершенно не боятся, что какая-то другая раса будет знать, где их найти... их это просто не волнует. — Доктор Фтаемл открыл маленький плоский чемоданчик, который был такой искусной имитацией земной работы, что казалось, будто он произведен здесь же. — Тем не менее все выяснить будет непросто. Координаты сначала должны быть переведены из их системы единиц в те, которые в ходу на Раргилле, который считает себя центром мироздания; для этой цели мне пришлось убеждать хрошиа в целесообразности такой работы, а затем соотносить их космическое время с раргиллианским. А теперь я со стыдом должен признаться, что незнаком с вашей методикой оценки космических величин, что необходимо для перевода наших мер.

— Вам нечего стыдиться, — ответил мистер Кику, — потому что я сам ничего не знаю о ваших методах астронавигации. Для таких целей мы используем специалистов. Минутку. — Он нажал кнопку, вмонтированную в стол. — Дайте мне астробюро.

— Они все ушли домой, — ответил безучастный женский голос, — кроме дежурного офицера по астронавигации.

— Он-то мне и нужен. Подать его сюда!

— Доктор Вернер, — быстро отозвался мужской голос, — дежурный офицер.

— Говорит Кику. Доктор, вы можете переводить космические координаты из одной системы в другую?

— Конечно, сэр.

— Имели ли вы дело с раргиллианской системой единиц?

— Раргиллианской? — дежурный офицер тихо присвистнул. — Это не простая штука, сэр. Тут вам нужен доктор Сингх.

— Ну-ка быстренько доставьте его.

— Так он же ушел домой, сэр. Он будет только утром.

— Я не спрашиваю, где он; я сказал, доставьте его сюда... и побыстрее. Пусть полиция обшарит город. Можете поднять армию, если необходимо. Он нужен мне немедленно.

— Э-э-э... да, сэр.

Мистер Кику повернулся к доктору Фтаемлу.

— Я надеюсь, что смогу доказать тот факт, что ни один корабль с Земли не посещал планету хрошиа. К счастью, у нас есть астронави-

рационные данные по каждому межзвездному путешествию. И мое мнение таково: настало время, когда обе стороны должны встретиться для переговоров лицом к лицу. С вашей неоценимой помощью мы сможем доказать им, что нам нечего скрывать, что все достижения нашей цивилизации к их услугам и что мы были бы рады помочь им в поисках их младенца... но ее здесь нет.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянул невысокий смуглый человек.

— А, вот и доктор Сингх... Доктор, познакомьтесь, пожалуйста, вот с этими бумагами.

Доктор Сингх проглядел расчеты рариглианина и кивнул.

— Потребуется полчаса.

— Могу ли я помочь вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— В этом нет необходимости. Этих записей вполне достаточно.

— В таком случае позвольте мне откланяться, — сказал доктор Фтаемл.

Мистер Кику и Гринберг остались одни. Оба, не сговариваясь, склонились над бумагами, которыми была заполнена корзина для входящих документов. Через полчаса прибыл результат обсчета доктора Сингха. Гринберг быстро просмотрел геоцентрические координаты и подвел итог.

— Больше девятисот световых лет! — сказал он.

— Неудивительно, что мы не принимали их в расчет, — сказал мистер Кику, — между прочим, эти выкладки доказывают утверждения хрошиа о том, что их планету посещал один из наших кораблей.

Гринберг еще раз просмотрел расчеты и почувствовал, как у него зашевелилась кожа на лбу. Повернувшись к компьютеру, он собрался набрать код вопроса, но Кику остановил его.

— Не трудись, — сказал он. — Твое предположение совершенно верно. «Летающее Лезвие». Второй полет.

— «Летающее Лезвие», — тупо повторил Гринберг.

— Да. Мы никогда в точности не знали, где они были, и поэтому не могли ничего и предполагать. Но мы совершенно точно знаем, когда был совершен этот полет. Все сходится. И все куда проще, чем гипотеза доктора Фтаемла о двух расах-близнецах.

— Конечно. — Он посмотрел на босса. — Значит — это Луммокс?

— Да, это Луммокс.

— Но это не может быть Луммоксом. У него нет рук. Он глуп. Глуп, как кролик.

— Да, этого не может быть. Но это так и есть.

Окончание следует

Роберт К. МЭЙССИ

НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДРА

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод с английского Валентины ЗАХАРОВОЙ

СТРАДАНИЯ МАТЕРИ

В то время семьи, в том числе царствующие, имели целую вереницу детей. Смерть часто уносила одного или двух из них, особенно в детстве. Смерть ребенка в таких многодетных семьях была довольно частым явлением. Это было тяжелым, но временным испытанием для родителей. В случае с болезнью последнего ребенка в семье русского царя все было совершенно иначе. Смерть, угрожавшая наследнику престола, поглощала целиком все силы императрицы Александры Федоровны, определяла судьбу древней династии и историю великой нации. В чем причина случившегося, как это произошло?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, очень важно понять, что означало для Александры Федоровны рождение Алексея. Самым глубоким

и сильным желанием императрицы после ее замужества было обеспечить самодержавную власть в России наследником мужского пола. В течение первых десяти лет ее замужества у нее появились четыре дочери, полные здоровья, красоты и очарования. Однако они не могли наследовать российскую корону. Престол не мог переходить одинаково наследнику или наследнице, как это было во времена Петра Великого или Екатерины II. Порядок наследования российского престола был изменен Павлом I, который в своей ненависти к матери, Екатерине II, принял закон о том, что престол может наследовать только человек мужского пола. Следовательно, если бы Александра не родила сына, последовательность в наследовании престола перешла бы к великому князю Михаилу, младшему брату Николая II, а затем — к сыновьям великого князя Владимира, старшего

¹ Продолжение. Начало в №№ 4—6

дяди Николая. Во время каждой из своих беременностей Александра Федоровна иступленно молилась о ниспослании ей сына. Каждый раз ее молитвы не были услышаны. Когда родилась Анастасия, ее четвертая дочь, Николай вышел из дворца в парк, чтобы длительной прогулкой подавить разочарование, вызванное этим рождением, и только после того предстать перед своей женой. Рождение Алексея означало для императрицы событие, несравнимое с простым появлением следующего ребенка в семье. Царевич был венцом ее брака, результатом длительных молитв, божьим благословением, ниспосланным ей самой, ее мужу, всему русскому народу.

Все, кто видел императрицу с сыном-наследником в первые месяцы после его рождения, были потрясены тем счастьем, которым она светилась. В свои тридцать два года Александра была прекрасна: такая же стройная, с огромными серо-голубыми глазами и золотисторыжкими волосами. Ребенок на ее руках сиял здоровьем... «Я видела царевича на руках императрицы,— писала А. Вырубова,— как он был прекрасен, как полон здоровья, каким он казался нормальным со своими золотистыми волосиками, голубыми глазами и выражением ума, так редко встречающимся у детей в раннем возрасте».

Естественной реакцией Александры на эту болезнь было, так же как у королевы Виктории,

стремление создать систему сверхзащиты ребенка. Испанская королевская семья одела своих сыновей, пораженных гемофилией, в специальные костюмы, обернула деревья в парке, где они обычно играли, мягкими подушками. Александра решила приставить к царевичу двух моряков, которые должны были постоянно находиться так близко от мальчика, чтобы успеть подхватить его, если он начнет падать.

Гемофилия у ребенка предопределяет ужасное одиночество матери. Первая реакция матери на гемофилию сына — решительное желание бороться. С одной стороны, начинаются поиски специалиста, который обнаружил бы ошибку в диагнозе, с другой — делаются попытки открыть способ лечения, который должен быть здесь, совсем близко, рядом. Но вот проходят консультации специалистов. Один за другим они печально качают головами. Мать начинает осознавать, что она осталась одна перед лицом неизлечимой болезни.

Следав это открытие и поняв его неизбежность, она сама замыкается в своей изоляции. Окружающий мир с его казюльскими заботами кажется ей бесчувственным к ее горю. Если этот мир не понимает и не может помочь, надо его отсеять. Ее убежищем становится семья. Здесь не нужно прятать свое горе, здесь не задают вопросов и здесь не надо притворяться. Этот внутренний,

Царевич Алексей с матерью,
императрицей Александрой Федоровной.
1909 год.

замкнутый мир становится ее единственной реальной жизнью. Таким миром для императрицы Александры Федоровны стала жизнь в Царском Селе. Пытаясь заглушить приступы беспокойства и отчаяния, охватывающие ее, Александра Федоровна обращалась за ответом и поддержкой к православной вере. Эмоциональная глубина русской православной церкви связана с искренней верой в спасительную силу молитвы. Поняв со временем, что ни один врач не сможет помочь ее сыну, императрица решила вымолить у Бога то чудо, в котором ей отказала наука. «Бог справедлив», — сказала она самой себе и погрузилась в атмосферу душевной скорби и горячих, иступленных молитв, предпринимая все новые и новые усилия добиться божьей благодати и милосердия. Императрица часами молилась в комнате рядом со своей спальней или в часовне дворца, полутемном помещении, увешанном дорогими коврами. Для того чтобы совершенно отгородиться от внешнего мира, она создала маленькую часовню в стенах Федоровского собора — церкви для слуг и солдат императорской гвардии. Здесь одна на каменном полу, в свете лампад, она молилась о здоровье сына.

В те периоды, когда Алексей чувствовал себя хорошо, Александра Федоровна позволяла себе надеяться. «Бог услышал меня», — в слезах говорила она. Несмотря на то что проходили

годы, а непрекращавшиеся кровотечения следовали одно за другим, императрица отказывалась верить, что Бог отвернулся от ее сына. Она начала считать себя недостойной того чуда, которое мог бы послать Господь. Зная, что болезнь передалась сыну ею самой, ее плотью, она мучилась от сознания своей виновности. Материнственно, говорила императрица самой себе, если она сама стала причиной пыток своего сына, то ей не дано принести ему спасения. Бог не слышал ее молитв; следовательно, считала Александра Федоровна, нужно найти человека, более близкого к Богу, который в то же время мог бы действовать от ее имени. Поэтому, когда в Петербурге появился крестьянин из Сибири Григорий Распутин, молитвы которого считали чудотворными, Александра Федоровна решила, что Бог наконец внял ее просьбам.

Единственный человек, помимо близких членов семьи, которому Александра Федоровна всегда до конца открывала свою душу, была полная женщина с круглым лицом — Анна Вырубова.

Анна Вырубова, урожденная Анна Танеева, была на 12 лет моложе императрицы. Она происходила из знаменитой семьи. Ее отец, Александр Танеев, был директором императорской канцелярии и в то же время выдающимся композитором. В его доме принимали министров императорского прави-

тельства, художников, музыкантов и женщин высшего света¹. Анна посещала танцевальные классы для избранных, где зачастую партнером ее был князь Феликс Юсупов, наследник одного из самых богатых семейств русской аристократии. В 1901 г., когда ей было 17 лет, Анна Танеева заболела. В больницу, где она лежала, заехала с коротким визитом Александра Федоровна. Это было одно из многих мимолетных посещений императрицы. Однако романтически настроенная девушка была потрясена этим поступком. Ее охватило страстное восхищение императрицей, которой в то время было 29 лет. Когда Анна поправилась, ее пригласили во дворец, где выяснилось, что она неплохо поет и играет на пианино. Императрица и молодая девушка начали вместе музицировать и петь дуэты.

В 1907 г. за Анной начал ухаживать лейтенант Александр Вырубов. Он был один из немногих оставшихся в живых после Цусимы. Анна колебалась, выходить ли ей за него замуж. Но Александра Федоровна разбила возражения Анны и заставила ее поощрить ухаживания Вырубова. Анна дала согласие на брак. Состоялась свадьба, на которой в качестве свидетелей присутствовали царь и царица. Через несколько месяцев брак рухнул.

¹ Автор ошибается. Отец Анны Вырубой-Танеевой, Александр Сергеевич Танеев, был дядей известного русского композитора Сергея Танеева. (Прим. ред.)

Императрица казнила себя за несчастье Анны. В первое время Александра Федоровна посвящала большую часть своего времени романтической и одинокой теперь молодой женщине. В это лето Анна была приглашена в двухнедельное плавание, которое императорская семья совершала ежегодно на борту своей яхты по фьордам Финляндии.

Начиная с этой поездки Анна Вырубова посвятила свою жизнь Александре Федоровне.

В отличие от всех известных фавориток, Анна ничего не просила для себя лично, кроме внимания и любви. У нее не было собственных амбиций. Она никогда не появлялась на придворных церемониях и не просила наград, титулов или денег для себя либо своих родственников. Время от времени Александра Федоровна заставляла Анну взять какое-либо платье или несколько сот рублей. Чаще всего Анна возвращала деньги назад. Во время войны она потратила большую часть своего скромного наследства на оборудование одного из военных госпиталей в Царском Селе.

Анна встретила Распутина во время его первого приезда в Петербург; он предсказал крах ее брака с Вырубовым, и она прониклась убеждением, что на Распутине — Господне благословение. Утвердившись в этой мысли, Анна решила, что Распутин может облегчить бремя, которое несла ее госпожа,

и стала страстной его защитницей. Она была тем человеком, который чаще всего практически осуществлял связь Александры Федоровны с Распутиным. Она лично передавала Распутину поручения императрицы, ежедневно связывалась с ним по телефону, добросовестно сообщала и отстаивала перед императрицей его точку зрения.

В мятежные дни накануне падения династии непритязательная Анна была обвинена в том, что оказывает огромное политическое влияние на царя и его жену. Слухи приписывали ей роль развращенного чудовища и предводительницы мрачных оргий в царском дворце. Ее обвиняли в том, что по стовору с Распутиным она подвергала царя гипнозу и воздействию специальных лекарств. Говорили, что Анна спит с Николаем II и с Распутиным, предпочитая при этом последнего, и с бесстыдством властвует над обоими. По иронии судьбы как представители аристократии, так и революционеры пересказывали одни и те же истории с характерным скандальным привкусом и яростной бранью. После падения монархии под влиянием дурных слухов, окружавших ее имя, А. Керенский — министр юстиции во Временном правительстве — взял Анну под стражу и посадил в Петропавловскую крепость. Когда началось следствие по поводу ее «политической активности», Анна решительно за-

щищалась тем единственным способом, который могла придумать; она потребовала медицинской экспертизы для того, чтобы доказать свою физическую невинность. Состоявшаяся в мае 1917 г. экспертиза к огромному удивлению всей России подтвердила, что Анна Вырубова — ближайшее доверенное лицо императрицы — де-вственница.

Один за другим происходили годы, наполненные ожиданием и страхом за наследника. Длительное состояние эмоционального стресса страшно повлияло на состояние здоровья императрицы. Еще будучи девушкой, она страдала от тяжелых болей в пояснице и ногах. Четыре беременности, следовавшие одна за другой в течение 6 лет, были тяжелыми, наконец, борьба с гемофилией сына превратила Александру Федоровну, с эмоциональной и физической точки зрения, в развалину. Она задыхалась, и любое движение требовало усилий. Ольга Александровна — сестра Николая II — писала, что императрица была «по-настоящему больной женщиной».

Время от времени в письмах Александра Федоровна упоминает о своем плохом здоровье. В 1911 г. она пишет своей бывшей воспитательнице мисс Джексон: «Почти все это время я была больна... Дети быстро растут и взрослеют... По моей просьбе они сопровождают отца во время выходов и однажды присутствовали на большом

Анна Павловна
и Александра Федоровна

приеме по случаю военного парада... Поскольку я не могу выходить, они должны привыкать заменять меня. Мое состояние таково, что я могу появляться где-либо слишком редко, а когда я это делаю, то потом я вынуждена долго лежать из-за переутомления сердечной мышцы».

Николая II беспокоило то, что Александра Федоровна была не в состоянии выполнять свои общественные и светские обязанности. «Она почти весь день не покидает кровати. Никого не принимает, не выходит к обеду. В лучшем случае день за днем остается на балконе», — пишет царь своей матери.

«НЕТ, Я НЕ ДАМ ЕМУ УМЕРЕТЬ!»

Русские люди отличаются состраданием к ближнему, нежной, теплой любовью к детям, сердечностью и стремлением понять трудности в жизни других. Тогда почему же они не откликнулись на эти ужасные страдания матери и ее несчастного больного ребенка?

Ответ в том, что Россия ничего не знала. Большинству населения Москвы, Киева, Петербурга не приходило в голову, что у царевича — гемофилия, а те немногие, кто о чем-то догадывался, имели самое смутное представление о сути недуга.

Секрет болезни Алексея преднамеренно скрывался по воле царя и императрицы. Нужно сказать, что основание

для этого существовало в самом придворном этикете: по сложившейся традиции состояние здоровья членов императорской семьи было запрещенной темой. В случае с Алексеем это запрещение осуществлялось особенно тщательно. Врачей и приближенных слуг просили не разглашать несчастья. Алексей был наследником престола самой большой в мире и самой абсолютной монархии. И его родители прекрасно это понимали. Какова будет судьба ребенка, династии, всей нации, если народ узнает, что их будущий царь — инвалид, над которым нависла постоянная тень смерти? Не зная ответа на этот вопрос и боясь поэтому поднять завесу над тайной, царь и императрица окружили трагедию наследника молчанием.

Бесспорно, оглашение реального состояния здоровья Алексея создало бы новые источники опасности и средства давления на царя и монархию. Но неизбежное разрушение стены, скрывающей тайну, было еще хуже. Это делало императорскую семью очень уязвимой и не защищенной от самых злобных слухов, подрывало уважение нации к императрице, а следовательно, к царю и престолу. В силу того что болезнь царевича была окружена тайной до самого конца, русские так и не смогли понять причины той власти, которой обладал Распутин в отношении императрицы. Вместе с тем они так и не составили правильного

представления о самой императрице. Ничего не зная о тех страданиях, которыми была наполнена жизнь Александры Федоровны, они ошибочно принимали ее замкнутость, отрешенность от мира как нелюбовь к России и ее народу. Годы постоянного беспокойства за сына наложили отпечаток печали и грусти, которые постоянно были на ее лице и пронизывали все ее существо. Когда императрица говорила с другими людьми, очень часто казалось, что мысленно она далека от собеседника, занята чем-то другим и погружена в глубокую скорбь. Она проводила многие часы в молитве. Жизнь двора стала строже, а ее появления в обществе были сокращены до минимума. В тех редких случаях, когда императрица появлялась, она была молчалива, казалась холодной, высокомерной и безразличной ко всему. Александра Федоровна никогда не была популярна как царица. С годами нелюбовь к ней усилилась. Во время мировой войны, которая всколыхнула национальные чувства и развязала страсти, упреки в адрес императрицы, связанные с ее немецким происхождением, ее нелюбимостью, привязанностью к Распутину, переросли в могучий поток ненависти к ней. Никогда никаких попыток понять характер и причины действий императрицы Александры Федоровны не было сделано. А между тем с момента рождения сына главным содержанием

ее жизни была борьба с гемофилией.

...Однажды за завтраком царю подали записку от императрицы, написанную у постели сына. Она писала: «Страдания Алексея так ужасны, что я чувствую приближение его смерти». Побледнев, но взяв себя в руки, Николай сделал знак Федорову, который поднялся из-за стола и пошел вслед за царем в комнату больного. Но у Алексея сохранялось дыхание, агония затянулась. На следующий вечер, когда свита горестно ожидала известий, собравшись в будуаре императрицы, вошла сестра Александры Федоровны — Ирина Прусская. С побелевшим лицом она попросила всех удалиться, сказав, что положение мальчика безнадежно. Медицинский бюллетень был составлен таким образом, что следующий мог содержать сообщение о смерти его императорского высочества наследника престола.

Именно этой ночью, когда уже не оставалось никакой надежды, Александра Федоровна обратилась к Распутину. Она попросила Анну Вырубову телеграфировать ему в Покровское, его родную деревню в Сибири, и попросить его помолиться о жизни сына. Распутин моментально ответил телеграммой: «Господь видит твои слезы и слышит твои молитвы. Не печалься. Мальчик не умрет. Не разрешай докторам слишком много заниматься им».

На следующее утро худая

и бледная, но улыбающаяся Александра Федоровна спустилась в гостиную. «Доктора еще не замечают улучшения,— сказала она,— но я теперь не волнуюсь. Ночью я получила телеграмму от отца Григория, и она успокоила меня окончательно». Через день кровотечение остановилось. Ребенок был до крайности изможден, но он был жив.

Роль, которую сыграла в выздоровлении Алексея телеграмма Распутина,— один из самых мистических эпизодов из всех легенд о нем. Странно, но Николай в письмах к матери ничего не говорит об этом драматическом эпизоде. Тот факт, что царь не упоминает в письме к матери о телеграмме Распутина, не означает, что он не придал ей значения или не понимал, как к этой телеграмме отнеслась его жена. Это молчание, вероятнее всего, свидетельствовало о том, что он сам колебался в оценке случившегося. Возможно, он не хотел показать себя сторонником Распутина, особенно в письме к матери, считавшей старца мошенником.

Врачи утверждали, что «выздоровление было совершенно необъяснимо с медицинской точки зрения».

Несмотря на это мнение, существует научное объяснение возможности такого выздоровления. Дело в том, что после очень продолжительного периода гемофилического кровотечения оно может прекратиться по своим внутренним причинам.

Телеграмма Распутина при-

ла в тот момент, когда Александра Федоровна — единственный человек, с которым у мальчика, находящегося в полусознательном состоянии, сохранялись сильные эмоциональные связи, была в острой, почти иступленной истерии. Алексей неизбежно чувствовал ее страх и отчаяние. Весьма вероятно, что его состояние ухудшалось в силу этого фактора. Если это было так, то внезапное ошеломляющее изменение в эмоциональном состоянии матери под влиянием телеграммы Распутина, безусловно, оказало свое действие на ребенка. Сама по себе возникающая атмосфера покоя и надежды, возможно, и не смогла бы остановить кровотечение. Но сопровождаемое большой потерей крови и падением кровяного давления воз-

никновение процесса медленно-го формирования тромба — все это, вместе взятое, оказало свое благотворное влияние на состояние ребенка.

Как бы там ни было, но все — доктора, придворные, великие княгини, люди, которые верили в Распутина и которые ненавидели его, — осознали, что произошло какое-то невероятное, дикое совпадение. Только для одного человека не было ничего таинственного. Этим человеком была Александра Федоровна. Она до конца объяснила для себя то, что произошло. Ей все казалось совершен-

Записка Распутина
министру Хвостову

*министру
Хвостову*

*милый
добрый
красивый
человек
дамонок безная
спасаете
нуждается
поговорки свои
улыбки*

но естественным: после того как лучшие доктора потерпели поражение, после того как ее продолжительные молитвы остались без ответа, ее обращение к Распутину привело к божественному вмешательству, и чудо произошло. С этих пор Александра Федоровна прониклась непоколебимой уверенностью, что жизнь ее сына — в руках Распутина. Эта вера привела к невероятным последствиям в недалеком будущем.

Только через год Алексей начал опять ходить. В течение многих месяцев его левая нога, которую привязывали к груди, не могла выпрямиться. Доктора применили металлический треугольник со скользящими перекладинами, способными передвигаться настолько, насколько позволяла нога. Мало-помалу треугольник раздвигался и расширялся, и нога разрабатывалась. Но даже через год в Ливадии Алексей продолжал лечиться. Он принимал курс грязевых ванн. Все это время на официальных фотографиях наследника демонстрировали сидящим в кресле либо на ступенях так, что поврежденная нога казалась нормальной.

РАСПУТИН

Вначале появление Распутина во дворце не вызвало особых толков. Все его доверители имели безупречную репутацию. На нем было благословение людей очень высокой святости — Ио-

анна Кронштадтского и архимандрита Феофана, которые советовали императрице побеседовать с набожным крестьянином. Вместе с тем его ввели в царский дворец представители высших социальных слоев петербургского общества.

Однако никто из этих людей не ожидал, что у Распутина возникнут столь близкие отношения с царской семьей. Обычно он приходил за час до обеда, когда Алексей в своем синем купальном халатике играл на полу в игрушки, готовясь идти спать. Когда Распутин появлялся в детской, он садился рядом с мальчиком и начинал рассказывать истории о путешествиях и различных событиях либо старые русские сказки. Он рассказывал сказки о Коньке-горбунке, о всаднике без ног, о чтеце без глаз, об Аленушке и Иванушке, о коварной царице, превращавшейся в белую утку, о злой колдунье бабе-Яге, о царице Василии и прекрасной принцессе Елене. Очень часто этими рассказами заслушивались не только девочки и императрица, но и царь.

У Александры Федоровны постепенно возникло убеждение, что старец был посланцем Господа Бога лично к ней, ее мужу и всей русской земле. У него были для этого все необходимые качества: он был крестьянин, преданный царю и православной вере. В ее глазах Распутин был воплощением триединой формулы — православие, самодержавие, народ-

ность. И то, что Распутин обладал способностью исцелять наследника, было еще одним неопровержимым доказательством его божественной миссии. В этом была разгадка, ключ к пониманию столь странных отношений Распутина с царской семьей. «Болезнь ребенка открыла Распутину двери в царский дворец,— пишет сэр Бернард Пэйрс.— На чем основывалось влияние Распутина на императорскую семью?»— спрашивает он и сам отвечает на этот вопрос: бесспорно, что основа этого влияния заключалась в том, что Распутин облегчал страдания мальчика, и в этом не может быть никаких сомнений. Были люди, которые видели все это своими глазами. «Называйте это как хотите,— говорила Александра Тиглева, последняя нянька царевича,— но он (Распутин) обещал ей (императрице) жизнь ребенка до тех пор, пока он будет оставаться в живых сам». Мосолов — один из приближенных придворных — писал о том, что «Распутин, бесспорно, улучшал состояние здоровья наследника». Он с абсолютной уверенностью утверждал, что «присутствие Распутина во дворце было тесно связано с болезнью царевича. Она (Александра Федоровна) была убеждена в том, что другого пути не было и что Распутин был связующим звеном между ней и Богом. Ее молитвы не были услышаны, но, как ей казалось, Бог внял его молитвам». Керенский, появив-

шийся в семье после смерти Распутина и отречения царя, тем не менее утверждал: «Неоспоримым фактом является то, что много раз появление Распутина у постели умирающего Алексея приводило на глазах царя и царицы к резкому улучшению положения Алексея».

Правду о природе влияния Распутина на состояние царевича теперь уже невозможно установить точно. В свое время было сделано несколько профессиональных медицинских записей об эпизодах, дошедших до нас, к сожалению, только по слухам. Но и эти записи были уничтожены во время революции. Отдельные эпизоды были скрыты от большинства людей, даже тех, которые были посвящены во многие семейные тайны. Великая княгиня Ольга Александровна, тетка царевича, писала: «Нет никаких сомнений в том, что Распутин обладал способностью исцелять. Я видела эти чудесные исцеления своими собственными глазами и не один раз. Я знаю также, что многие самые известные доктора современности признавали это. Профессор Федоров, находящийся на вершине своих профессиональных знаний и опыта, который лечил Алексея, говорил мне об этом неоднократно. Однако все доктора очень не любили Распутина».

СТАВКА

Осенью 1915 г. царь взял в Ставку своего одиннадцати-

летнего сына, чтобы он пробыл некоторое время в армейской атмосфере. Это был необычайный поступок не только из-за возраста мальчика, но из-за гемофилии. В то же время это не было импульсивным решением царя. Поступок был тщательно взвешен за много месяцев до принятия решения. В основе решения лежали не только сентиментальные настроения, но главным образом важные причины. Русская армия, разбитая и отступающая, понесла огромные потери летом. В этой обстановке крайне необходимо было поднять ее моральный дух. Царь сам часто появлялся в войсках. В нем видели живое воплощение Родины-матери, и его появление вызывало огромный энтузиазм. Все надеялись, что присутствие рядом с царем наследника как символ будущего может изменить настроение солдат. Это были обоснованные надежды. Действительно, где бы ни появлялся Алексей, он вызывал всеобщее ликование.

Возможно, царь думал о более отдаленном будущем, о том, дне, когда его сын займет трон, и тогда станет ясным, что, по крайней мере, к настоящему времени его воспитание было абсолютно ненормальным. Как принцы царской крови, он жил в ограниченном жесткими рамками мире. Его болезнь привела к тому, что он был окружен в основном обожающими его женщинами, и этим определялась атмосфера, царившая во-

круг него. Вырывая сына из этой изнеженной, окутанной шелками и подушками атмосферы дворца в обстановку сурового товарищества строгих бородатых офицеров, кожи и мундиров Ставки, Николай надеялся расширить восприятие жизни будущего царя. Для императрицы было невероятно трудно решиться на отъезд Алексея. В течение всей его жизни он никогда не исчезал с ее глаз более чем на несколько часов. Что бы он ни делал, она всегда была охвачена беспокойством и видела во всем опасности, о которых другие не могли даже подозревать.

Во время поездки в Ставку царевича сопровождали и обеспечивали защиту люди из его обычного окружения: доктора

*Николай II и Алексей
обходят строй почетного караула.
Действующая армия.
1916 год.*

Федоров и Деревенко, воспитатель Жильяр, личная охрана — матросы Деревенко и Нагорный. Однако эти меры не исключали риска, и императрица не могла не думать об этом постоянно. Всегда существовала опасность оступиться и упасть в коридоре при торможении поезда либо удариться во время поездки в автомобиле. Постоянная опасность существовала в пути, в зоне, где в любой момент могли появиться германские аэропланы. Кроме того, возникала необходимость проходить большие расстояния и часами стоять, на-

блюдая движение войск. Ни один доктор не разрешил бы такие нагрузки для любого человека, больного гемофилией.

Во время пребывания Алексея в Ставке письма Александры Федоровны к царю были полны беспокойства о мальчишке: «Проследи, чтобы мальш (Алексей) не переутомлял себя беготней по лестнице. Он не может участвовать в длительных прогулках... Мальш любит копать землю и работать на ней. Он очень сильный физически и поэтому часто не думает о том, что должен быть осторожным. Не забывай, что руки мальша очень уязвимы, не разрешай ему бегать по всему поезду, чтобы он не ударил их... Прежде чем предпринять что-нибудь, связанное с ребенком, посоветуйся с мсье Жильяром. Он такой чуткий и знает очень хорошо все, что касается мальша». Каждый вечер в 9 часов императрица приходила в комнату Алексея так, как будто бы он был в ней и молился на ночь. Придя в комнату царевича, Александра Федоровна становилась на колени и молилась, чтобы ее сын невредимым вернулся домой.

Для живого интеллигентного одиннадцатилетнего мальчика поездка в Ставку была необычайным предприятием, полным романтики. Октябрьским утром 1915 г. царевич, одетый в мундир рядового солдата, весело поцеловал свою мать, попрощался и сел в поезд отца. Еще не доезжая Ставки, Але-

ксей увидел первые войсковые соединения, направляющиеся на фронт. «Когда царь спускался со ступеней поезда к солдатам, Алексей Николаевич,— писал Жильяр,— не отставал от него ни на минуту, внимательно вслушиваясь в рассказы людей, которым часто смерть смотрела в лицо. Черты его лица, всегда очень подвижные, становились очень напряженными. Он старался не проронить ни одного слова из того, что рассказывали окружающие. Его присутствие рядом с царем вызывало большой интерес у солдат... было слышно, как они шептались, высказывая свои предположения о возрасте, говорили о его росте и внешности. Но самое большое впечатление на них производило то, что на царевиче была форма рядового солдата».

«Так хорошо, так уютно, когда мы с ним рядом,— писал Николай Александре Федоровне.— Каждый вечер я читаю с ним молитвы на ночь... Он произносит слова молитвы очень быстро, торопливо, и остановить его почти невозможно... Я читаю ему вслух все твои письма. Он слушает их лежа в постели и потом целует твою подпись... Ночью он спит хорошо и любит оставлять открытым окно... Шум на улице совсем не беспокоит его. Вчера вечером, когда Алексей был уже в постели, поднялась буря с громом: молнии сверкали где-то рядом с городом, шел проливной дождь. Когда он кон-

чился, воздух стал замечательным, полным свежести. Окна у нас были открыты, и мы спали хорошо... Слава Богу, мальчик выглядит очень хорошо. Он загорел... Каждое утро он просыпается между 7 и 8 часами, садится в кровати и начинает тихо разговаривать со мной. Я сонно отвечаю ему, он затихает и лежит молча, пока я не окликну его».

Эти близкие отношения между отцом и сыном были пронизаны нежностью и очарованием несмотря на то, что их окружала ужасная война. Для них две комнаты в Могилеве стали маленьким раем любви и покоя. А вокруг бушевал чудовищный ураган несчастий. «Он приносит здесь в мою жизнь свет», — писал Николай. Позже он добавил: «Его близость дает мне жизнь и свет, которые светят и вам».

Каждое утро во время пребывания в Ставке царевич занимался уроками с Жильяром на веранде. Затем он играл в саду своим игрушечным ружьем. «Он всегда носил это ружье с собой. Иногда он маршировал с ним по дорожке взад и вперед, громко распевая, — писал Николай. — Я зашел в маленький садик, где Алексей ходил строевым шагом и громко пел, в то время как Деревенко, посвистывая, двигался по соседней дорожке. Его левая рука немного побаливала, потому что накануне он слишком долго играл в песке на берегу реки. Но он не обращал на это никакого

внимания. После второго завтрака он отдыхал около полудня, а я в это время писал. За столом он сидел по левую руку от меня... Алексей любил поддразнивать других. Это удивительно — как быстро он перестает быть застенчивым. Он всегда повторяет меня, когда я приветствую своих сослуживцев».

В полдень «мы выезжаем в автомобиле... иногда в лес, иногда на берег реки, где мы зажигаем костер и бродим вокруг». В жаркие летние дни они купались в Днепре. «Он плескался недалеко от берега реки. Я плавал рядом, недалеко. Однажды мы нашли чудесное место с мелким мягким песком, в котором он с радостью стал играть. Песок был таким белым и шелковистым, как это бывает на берегу моря. Мальчик бегал с криками, выражая свой восторг. Федоров разрешил ходить ему босиком. Естественно, ему это очень нравилось. Иногда появлялись сверстники, друзья по играм. Писал ли тебе Алексей о крестьянском мальчике, который играл с ним в различные игры?»

В конце октября, для того чтобы показать наследнику истинное лицо войны, которое состояло не в забавах и не в крохотных, красочных игрушечных солдатиках, царь взял Алексея с собой в длительную поездку по всей линии фронта. В Галиции, возвращаясь в наступившей уже темноте после огромного смотра, Николай

и Алексей совершили непредусмотренное посещение прифронтового перевалочного госпиталя. Комнаты были освещены настольными лампами. Переходя от одного забинтованного тела к другому, Николай разговаривал со страдающими людьми, многие из которых с трудом могли поверить, что перед ними — сам царь. Алексей не отходил от отца, глубоко переживая стоны и страдания во круг. Некоторое время спустя, на параде, находясь перед строем солдат, Николай попросил поднять руки тех, кто служил с начала войны. «В ответ поднялось очень мало рук среди тысяч участвовавших в параде людей, — писал Жильяр. — Были целые подразделения, в которых не поднялась ни одна рука. Алексей Николаевич был потрясен».

Наряду с посещением войск отец и сын заезжали в города, бывали на фабриках, судовых верфях, в госпиталях. Николай писал, что «в Одессе улицы были заполнены молодыми солдатами... и народом. Наш царевич сидел с серьезным лицом, непрерывно приветствуя проходящих. Прорываясь через уличный шум толпы и крики «ура», я смог услышать голоса женщин: «Царевич, ангел! Какой восхитительный мальчик»... Алексей тоже слышал это и улыбался им. Однажды, когда поезд остановился за городом, любимая кошка Алексея выскочила из вагона и спряталась под большой кучей сло-

женных досок. Мы надели свои длинные плащи и пошли искать ее. Нагорный при помощи фонарика нашел ее моментально, однако нужно было потратить много времени, чтобы заставить несчастную выйти оттуда. Она не слушалась Алексея. В конце концов он поймал ее за лапу и вытащил через узкую щель». Возвратившись через месяц в Ставку, после этой длительной поездки в поезде, счастливый Николай сообщал Александре Федоровне: «Алексей удивительно хорошо перенес все испытания. Только иногда у него появлялись легкие кровотечения из носа».

Когда Алексей оставался один со своим отцом, царь нес каждодневное бремя заботы о здоровье сына сам. Его письма к Александре полны самыми подробными описаниями их жизни. «Когда мы приехали вечером на поезде, мальш задремал, — писал Николай в конце ноября 1915 г. — Он утверждал, что упал с кресла и ударил левую руку в углублении над локтем. Повреждений и следов удара не было видно, однако появился отек. В результате первую ночь здесь он спал очень беспокойно. Садился в кровати, стонал, звал тебя, разговаривал со мной. Через каждые 5 минут он засыпал и потом опять просыпался. Это продолжалось до 4 часов утра. Весь следующий день он провел в постели. Окружающим я объяснил, что он просто плохо спал ночью... Слава Богу, сего-

дня все прошло. Сохраняется слабое кровотечение из носа и бледность. Во всем остальном он такой же, как всегда. Мы вместе гуляли в садике перед домом».

Следующим летом в июле 1916 г. Николай писал: «Сегодня утром, когда мы были еще в постели, Алексей пожаловался, что у него не сгибается локоть, и показал мне его. Потом он померил температуру и сказал, что ему лучше остаться в постели». Затем в ноябре 1916 г. Николай опять сообщал: «Мальшк мучается от боли в венах в верхней части правого колена... Ночью во сне он делал такие движения, как будто бы ходил, и стонал при этом. Федоров сказал, чтобы он оставался в постели». На следующий день он продолжает: «У мальчика время от времени начинает болеть нога, и он не может спать всю первую половину ночи. Когда я подошел к постели, он постарался прекратить стонать».

Несмотря на то что ситуация была беспрецедентной в истории войн и царствований — император, главнокомандующий величайшей армией мира, проводил бессонные ночи, ухаживая за страдающим сыном, — Николай старательно избегал любого разговора относительно болезни своего сына. Чаще всего приступы болезни кончались благополучно, и недуг оставался под контролем. Николай наслаждался обманчивым чувством покоя и ста-

бильности, которые столь часто охватывают родителей детей, больных гемофилией. Но болезнь, непредсказуемая и коварная, ждет своего момента для удара. В декабре 1915 г. у царевича началось сильное кровотечение из носа.

Николай и Алексей находились в это время в поезде, движущемся по направлению к Галиции для инспекции полков императорской гвардии. «Утром, в день отхода поезда, — вспоминает Жильяр, — у Алексея Николаевича, простудившегося накануне, мучившегося от ужасной головной боли, началось тяжелое носовое кровотечение, возникшее в результате того, что он был вынужден сильно сморкаться. Я пригласил профессора Федорова, однако он не смог остановить кровотечение... Ночью мальчику стало хуже. Температура упала, и он начал испытывать ужасную слабость. В 3 часа ночи профессор Федоров, обеспокоенный, чувствуя свою ответственность за происходящее, решил поднять царя и попросить его вернуться в Могилев, где он мог обеспечить царевичу более подходящие условия для ухода. На следующее утро мы находились на пути в Ставку. Состояние мальчика было настолько угрожающим, что мы решили отправить его в Царское Село... Силы больного быстро иссякали. Мы вынуждены были несколько раз останавливать поезд, чтобы поменять повязку, закупоривающую нос

мальчика. Алексею Николаевичу нельзя было лежать, его поддерживал в сидячем положении в постели матрос Нагорный. В течение ночи мальчик дважды лишался чувств, и я думал, что наступил конец».

В течение всего кризиса Анна Вырубова была с императрицей: «Я была с Александрой Федоровной, когда пришла телеграмма о возвращении императора и наследника в Царское Село. Я никогда не смогу забыть то отчаяние и боль, с которыми бедная мать ожидала прибытия своего больного, возможно умирающего ребенка. Не могу забыть восковое, могильного цвета маленькое заострившееся лицо, когда мальчика со всеми возможными предосторожностями и заботой принесли во дворец и положили на его маленькую белоснежную постель. Поверх пропитанных кровью бинтов смотрели на нас его огромные голубые глаза. Они были полны невысказанных чувств. Всем окружающим казалось, что наступили последние часы жизни этого несчастного ребенка. Доктора делали все, что могли, сосредоточив свои усилия, знания, волю, прибегая к любым известным им и всей науке способам для того, чтобы остановить продолжающееся кровотечение. В отчаянии императрица послала за Распутиным. Он приехал, вошел в комнату, осенил крестом кровать, на которой лежал ребенок, напряженно посмотрел на почти умирающее лицо

и спокойно сказал родителям, стоявшим на коленях: «Не беспокойтесь, ничего не случится». После этого он тут же покинул комнату и дворец. И это было все. Мальчик заснул. На следующий день он чувствовал себя настолько хорошо, что император уехал в Ставку. Доктор Деревенко и профессор Федоров сказали мне несколько дней спустя, что они даже не пытались объяснить себе, каким образом произошло исцеление».

Царевич оставался в Царском Селе до конца зимы, восстанавливая силы. Императрица писала об улучшении в каждом письме: «Что касается Алексея, твоя душа, слава Богу, должна быть совершенно спокойна... Ребенок поправился. Мы завтракаем с ним вместе в моей комнате. Он очень хорошенький, худой, с огромными глазами. Я надеюсь, что загар скоро сойдет окончательно и у него опять появится румянец на щеках. Он получил прелестные телеграммы от всех иностранцев из Ставки. Они вспоминают ту маленькую комнату где обычно находились во время закусок и где так мило болтали».

20 декабря 1916 г. царевич нанес свой последний визит в Ставку. Через несколько дней он снова вернулся в Царское Село к своей учебе. Очень скоро, еще до наступления весны, его отец вынужден будет отречься от трона.

Окончание следует

ПРОБА ПЕРА

Саша БИРЮК,
17 лет, г. Одесса

ДЕРЕВО

У Аркаши появился перочинный ножик. Он нашел его на улице, когда, изнывая от полуденной жары и волоча за собой сумку с учебниками, возвращался из школы домой. «Неплохо», — отметил Аркаша и положил ножик в карман.

Размеренно текли первые дни учебного года, и все никак не верилось, что каникулы закончились. Уроки учить совершенно не хотелось, да и не было пока смысла. Аркаша прекрасно знал, что первые две-три недели школьных будней близко к сердцу можно не принимать. Тем более — какая уж тут учеба, когда на дворе еще лето! Хоть и сентябрь, но наступление осени чувствовалось лишь по обилию арбузных корок на мусорке и самым низким за год ценам на виноград.

Аркаша подошел к своему дому и уселся передохнуть на скамейку у ворот. Усталость после длительного перехода из-за жары не проходила, вставать не хотелось, а просто так сидеть было скучно. Аркаша посмотрел вдоль пустынной улицы, затем перевел взгляд под ноги и, не увидев там ничего интересного, посмотрел на доску скамейки, на которой сидел.

Скамейка была уже изрезана надписями и рисунками вдоль и поперек. Аркаша нащупал в кармане найденный ножик. Немного поковыряв скамейку, он понял, что тут на результаты надеяться нечего. На скамейке и без того не было живого места. Забор же портить он поостерегся. Забор — это не скамейка, за изрезанный забор будут крупные неприятности. Тогда он встал и зашагал назад по улице к пустырю.

На пустыре стояли развалины старого дома, а возле развалин росло большое дерево, нижняя часть которого была надежно скрыта от посторонних глаз полуразрушенной каменной стеной.

Что это было за дерево, какой породы, Аркашу не интересо-

вало. Он никогда не стремился знать деревья по названиям, ему это, как, впрочем, и большей части человечества, просто было ни к чему.

У дерева, которое Аркаша выбрал себе в жертву, были длинные узкие листья с разрезами по краям, толстые гладкие ветви и широкий ствол. Корни его в нескольких местах выглядывали из-под земли, как это обычно бывает у могучих деревьев. Аркаша провел ладонью по ровной шершавой коре, затем воткнул в нее лезвие ножа и провел длинную полосу.

Его мысли в этот момент были заняты только одним: что бы такое простое, но монументальное изобразить. Он не думал, что своими действиями причиняет дереву какую-то боль. Перед ним было нечто, на чем он мог упражняться в своем искусстве. К тому же он наверняка знал, что деревьям больно не бывает. Как-то раз он уже думал над этим и пришел к выводу, что если бы деревья чувствовали боль, они бы сопротивлялись, как кошки, например, когда их дергаешь за хвост.

Аркаша несколько раз с силой надавил на лезвие и отдрал ровную полоску коры шириной в два пальца. Затем он сделал поперек еще два надреза, и получился большой крест.

Аркаша отступил на несколько шагов и полюбовался своей работой. Белый крест на темной коре выглядел очень сильно. Аркаша мысленно похвалил себя за такую красоту и решил на достигнутом не останавливаться. Он почувствовал в себе художника, способного на шедевр.

Через полчаса крест было не узнать. Его окружили нити грубого, но рационального орнамента. Аркаша упивался, открывая в себе заложенные природой способности. С дерева сползали лоскуты коры и кольцами вились у его ног. На землю летели щепки, труха, и наконец Аркаша решил остановиться, чтобы передохнуть. А затем почувствовал, что ему хочется есть. После недолгих раздумий он окинул взглядом свой шедевр и поплелся домой с намерением возвратиться к прерванному занятию.

Но, как это обычно по приходу из школы, дома тут же обнаружилась куча неожиданных дел, а когда он справился с ними, то чувство наслаждения, которое он испытал, несколько притушилось. К дереву он не пошел.

Весь следующий день к дереву он тоже не ходил, потому что попросту позабыл о нем. Но еще через день в нем все-таки возобладала жажда искусства...

Узоры, так свежо выглядевшие два дня назад, теперь потемнели и сделались менее привлекательными. «Непорядок», — по-

думал Аркаша и принялся за работу. Он освежил линии, сделав их глубже, и принялся за более обширный орнамент.

У него была цель. Эта цель окрыляла, заставляла с удвоенной силой работать воображение. Он решил разделить дерево под орех так, чтобы другие ахнули, глянув на его работу. На него напало такое вдохновение, что, увлекшись, он не заметил, как стемнело.

Дерево теперь было на самом деле не узнать. Ствол его напоминал произведение искусства. Североамериканские индейцы или центральноафриканские негры не смогли бы расписать деревянный чурбак лучше, чем Аркаша живое дерево. Аркаша сложил ножик и еще раз с восхищением оглядел свою работу.

Когда на следующий день он появился возле дерева, то обнаружил, что к сотворенному вчера добавить больше нечего. Оставалось только приниматься за верхнюю часть ствола. Но для того чтобы до нее дотянуться, требовалась какая-нибудь подставка. Аркаша облазил все развалины, однако ничего подходящего не нашел. Возвращаться за ящиком ему не хотелось, и тогда он решил сделать свое произведение более рельефным.

Это была гигантская работа. Аркаша взялся за нее с размахом. Он кромсал дерево, упорно вгрызаясь в его плоть, и к концу дня ствол стал похож на обезображенное траншеями поле. Аркаша оцупал на прощание влажную борозду, над которой поработал его ножичек, и его вдруг охватило странное гнетущее чувство. Он словно опустил руку в сосуд с токопроводящей жидкостью, только вместо электричества в него влилась слабая порция боли и ненависти, которая тотчас расползлась по всему телу. Он почувствовал огромную неуверенность, перерастающую в беспричинный страх.

— Тьфу ты! — вырвалось у Аркаши, и он, зябко передернув плечами, огляделся.

Все вокруг было так обиденно, что он искренне удивился тому, откуда взялось это чувство. Он хотел еще раз прикоснуться к стволу, но, испугавшись, передумал и, не оборачиваясь, быстро зашагал домой.

Не успел он отойти и трех шагов, как его нога наткнулась на что-то неприятно твердое и острое, и, вскрикнув от боли, он растянулся на земле. Превозмогая боль, Аркаша поднялся на корточки и нащупал позади себя корень, выступающий из земли. Ушибленный палец продолжал болеть и утром. Аркаша вдруг обнаружил, что склонен к злопамятству. И поэтому перед тем как уйти в школу, он взял пилу и отправился к дереву, чтобы спилить злополучный корень.

Увидав корень при солнечном свете, он слегка удивился, так как ему показалось, что вчера тот был намного больше. Но удивление быстро прошло, уступив место чувству удовлетворения, когда он схватил отпиленный кусок дерева и зашвырнул его подальше.

После школы работа продолжалась. Только теперь Аркаша решил на время бросить углубление орнамента и разрисовать верхнюю часть ствола. Для этого он приволок ящик из-под бутылок, тайком унесенный из гастронома. Стоять на ящике было неудобно. Ствол дерева уходил в землю не отвесно, а под наклоном, и поэтому близко к стволу ящик поставить никак не удавалось. Промучившись битый час, Аркаша решил возвратиться домой за пилой и исправить этот недостаток, выровняв ствол у основания. Он соскочил с ящика, и тут же с ним приключилась неприятность. В спешке Аркаша не рассчитал: одна из веточек внезапно выросла у него перед лицом и острым концом воткнулась прямо в глаз.

Боль была ужасной. Аркаша взвыл так, что наверняка было слышно даже на трамвайной остановке.

К счастью, он инстинктивно успел моргнуть, и веко спасительно прикрыло глаз. Приковыляв домой, он осмотрел себя в зеркало и содрогнулся при мысли о том, что могло бы быть, не успей он моргнуть в тот момент. Промыв глаз холодной водой, он повалился на диван, и в его голове стали возникать планы отмщения.

В другой момент ему стало бы смешно при мысли о том, что он собирается мстить какому-то дереву, которое даже и пошевелиться самостоятельно не может. Другое дело — кошка или собака. Если бы его укусила собака, то он моментально нашел бы тысячу способов, как с ней разделаться. Он заставил бы несчастное животное каяться в своем поступке до тех пор, пока дышит. Оно должно было бы выстрадать всю ту боль, которую причинило Аркаше.

Но дерево!

Вроде бы живое, но ведь не существо, а черт его знает что такое! Не визжит, не брыкается. Что внутри него делается — можно только догадываться. От чего оно испытывает удовольствие, а от чего ужас и боль — непонятно. Человек подходит к дереву со своими человеческими мерками, а о мерках дерева и не помышляет, потому что дерево не делится с ним своими переживаниями. Если человека перерубить пополам, то он не будет жить и минуты. Если же такое проделать с деревом, оно после этого будет цвести еще сто лет. Так какую же месть

применить к дереву, чтобы было видно или слышно, как оно страдает?

Аркаша долго раздумывать не стал. Степень страдания дерева он решил соразмерить со степенью своего удовольствия при применении к нему своих приемов экзекуции. Аркаша, например, не имел представления о том, какое блаженство будет испытывать дерево без коры, однако он прекрасно знал, что сам лично при виде того, что сделает, будет пребывать в таком блаженстве, которое надолго удовлетворит его жажду мести.

Ради этого дела он даже не пошел в школу. Он взял топор, пилу и самый большой садовый нож, какой ему удалось отыскать в сарае.

Тяга к искусству в нем больше не шевелилась. Он решил отпилить все ветви, до которых мог дотянуться, и содрать с обрубков кору. Но затем передумал и решил сперва заняться стволом. Он захотел проделать в нем сквозную дыру и добраться до самого сердца дерева. Он смутно понимал, что сердце дерева находится вовсе не в стволе, но Аркаше важно было не убить дерево, а заставить влачить его жалкое существование до конца дней своих.

Он взялся за работу рьяно и через некоторое время добился кое-каких результатов. Дерево поддавалось неохотно, но жажда испытать чувство удовлетворения удесятерила его силы. Скоро вся кора, которая до этого еще держалась на стволе, была с него оторвана и мокрыми клочьями валялась вокруг вперемешку с кусками древесины. В голову Аркаши залетела шальная мысль о том, чтобы вообще срубить дерево и тем самым завершить акт возмездия, но трезвый расчет тут же отогнал ее. Дерево должно умереть само, лишь пройдя через тяжкие муки и до конца осознав всю тяжесть совершенного по отношению к Аркаше преступления. Убить его сейчас — значит совершить акт милосердия, против которого восставала вся Аркашина душа. Аркаша знал, что достигнуть цели своей он сможет лишь в том случае, когда по капле выпустит из живого дерева все соки, заменявшие ему кровь, и своими глазами убедится в том, что выполнит это в совершенстве.

К обеду Аркаша отделал бедное дерево так, что ему самому стало жутко при виде своей работы. Решив, что на сегодня хватит, он отправился домой, оставив дерево наедине со своими горестями и страданиями.

В эту ночь ему приснился страшный, но, как ни странно, приятный сон. Он увидел извивающееся в судорогах дерево. Оно протягивало свои искалеченные ветви к Аркаше, пытаясь

его схватить и сделать с ним что-то ужасное. Но Аркаша ловко увертывался, отсекая ветви острым топором. Дереву ничего не оставалось, как осыпать своего мучителя листьями в надежде сбить его с ног. Но Аркаша обладал удивительной способностью уничтожать листья на расстоянии, и потому, сколько дерево ни старалось, поделаться с ним ничего не могло.

На следующий день в школу идти все же пришлось. Глаз уже почти не беспокоил, и жажда мести стала понемногу проходить.

Возвращался он из школы опять через пустырь. Дерево встретило его угрожающим шелестом листьев. Сейчас оно внушало Аркаше некоторый страх, к которому примешивалась какая-то доля жалости. Но жалость показалась вдруг Аркаше делом последним, и, чтобы подавить в себе эту неуместную слабость, он решил продолжить свое принципиальное дело.

Когда он возвращался к дереву с полным набором столярных инструментов, то заметил в его ветвях что-то необычное. Что именно это было, разглядеть снизу не удалось. Несколько веточек на высоте третьего этажа неестественно подергивались, и создавалось впечатление, что там сидит птица или кошка... Взобраться на ствол было минутным делом. Немного сложнее было пробиться в густом переплетении ветвей и веточек, но он скоро преодолел и это препятствие.

Листья шелестели уже совсем рядом, нужно было лишь немного пройти по ровной толстой ветке. Ветка была упругой и заметно прогибалась под тяжестью человеческого тела, но Аркаша знал, что такие ветви ломаются неохотно. Он быстро и спокойно ступил на нее и, сделав несколько шагов, увидел необычную картину.

В том месте, где по расчетам сидело какое-то наглое существо, никого не было. А были там две самые обыкновенные веточки, обсыпанные самыми обыкновенными листьями, и они необыкновенно резко колотили друг по другу, словно две руки хлопали в ладоши!

Аркаша раскрыл рот от удивления, и это было последнее, что он успел сделать.

Ветка, на которой он стоял, внезапно обломилась, и он стремительно ухнул вниз. Голова его дернулась от удара о сук, на пути вниз его поддела еще одна ветка, которая больно хлестнула по животу и перевернула на спину. Аркаша ничего так и не успел сообразить, как шлепнулся на землю, врезавшись спиной во что-то твердое и острое.

Очнулся Аркаша уже в больнице. Он не знал, что с ним

стряслось, ему было очень плохо. Врачи запретили ему говорить и сами ничего не говорили. Потом он увидел заплаканное лицо матери, немного позже появился отец, и вид у него был пришибленный.

А когда (много позже) Аркаше стало лучше, он узнал, что это лучше намного хуже того, что можно было бы себе представить: он стал инвалидом на всю жизнь, так как у него был серьезно поврежден позвоночник.

Как потом выяснилось, он упал на острый выступ корня дерева. А самое лучшее, на что он мог теперь рассчитывать, — это всю жизнь гулять в обнимку с костылями, да и то при условии, что у него найдутся на это силы.

Весь день после этого открытия Аркаша пролежал полумертвый от ужаса. Временами на него накатывали волны смертельной тоски, и тогда ему казалось, что это просто кошмарный сон. Но этот сон так и не проходил, и, очнувшись в очередной раз от еще более кошмарного сна, в котором он был цел и невредим, Аркаша горько заплакал.

Долгих восемь месяцев пролежал Аркаша, прикованный к постели, и все эти месяцы он проклинал ненавистное дерево, ибо он был уверен в том, что это именно оно виновно в случившемся. Он был уверен, что дерево отомстило ему за свои страдания. Но были моменты, когда Аркаше становилось просто смешно. Чтобы дерево?.. Растение?!

Дерево теперь вселяло в него самый настоящий ужас, и, чтобы как-то отделаться от этого ужаса, Аркаша старался меньше думать о нем.

С горем пополам Аркаша выучился передвигаться на костылях. И первым его самостоятельным путешествием стала прогулка к треклятому дереву.

Стоял солнечный май. Аркаша не знал, каким он найдет свое изувеченное дерево в эту пору расцвета, однако он никак не ожидал увидеть того, что увидел. Все траншеи на стволе заросли и покрылись красивой молодой корой. Даже сквозная дыра, в которую Аркаша вложил так много сил, теперь напоминала о себе лишь незначительным углублением. Аркаша надеялся увидеть такого же жалкого калеку, как и он сам, и будь так, он в душе простил бы дерево, сделавшее ему такую неприятность. Но от оскорбительного торжества жизни, на которое его организм уже не вправе был рассчитывать, у Аркаши захватило дух. Такого издевательства стерпеть он был не в силах.

Он решил уничтожить дерево немедленно.

Сперва он измазал масляной краской ствол на такую высоту,

на какую смог достать. Он залил краской все подножие дерева, натаскал и сложил там же досок, веток, различного горючего мусора, а затем приволок канистру с бензином и вылил ее на все это. Тут на ум ему пришла сцена из истории инквизиции. Точно так же когда-то за что-то сжигали людей. При этой мысли Аркаша усмехнулся и в упор глянул на дерево, которое, казалось, притаилось, почуяв недоброе.

На Аркашу снова нахлынуло чувство гнетущего страха, которое он испытал когда-то, прикоснувшись к свежей ране на стволе.

Он испуганно попятился, пораженный этим чувством. Дерево гнало его от себя, выпуливая в него все новые и новые заряды энергии. Но слабые руки Аркаши уже раздирали спичечный коробок и чиркали спичкой.

Через минуту перед Аркашей полыхал огромный жаркий костер. Языки пламени беспощадно уничтожали все живое, что попадалось им на пути. Аркаша упивался жадной мести, но душа его не ликовала. На душе было пасмурно. Ему не давала покоя мысль, что он не довел дело до конца так, как хотел, что дерево погибнет, умрет и тем самым так легко избавится от него, Аркаши. Тогда как сам Аркаша никогда не избавится от того, что получил от дерева. Он с ненавистью смотрел на погибающее дерево и молил бога о том, чтобы оно помучилось должным образом.

Лицу было жарко, от ярких языков пламени рябило в глазах, в ушах шумело. Аркаша целиком ушел в себя, не заметил, как дерево мелко затряслось, дернулось раз, другой, а затем стало стремительно клониться в его сторону. Сквозь треск живых корчащихся ветвей Аркаша все-таки услышал посторонний звук, но не смог быстро сообразить, что его издает. А когда сообразил, было уже поздно. Живой костер рухнул на Аркашу, всей своей массой прижав его к земле.

Через некоторое время развалины старого дома были снесены бульдозером, местность была расчищена, выровнена, и ее стали застраивать новыми высотными домами. А на месте, где когда-то стояло сожженное дерево, сквозь асфальт проросло небольшое деревце той же породы. Место это находилось в укромном уголке, молодое дерево никому не мешало, заботливые жильцы ухаживали за ним. И всем было невдомек, что это новое дерево появилось из старого, стало продолжением его жизни. Не появился только новый Аркаша взамен ушедшего. А если и появился, то мы об этом ничего не знаем.

ПРИЗРАК ДРАМЫ

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

«Но что он сделал? Я не по-стигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло!» — так рассуждал один из комических персонажей романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», пытаясь разгадать тайну поэтической славы Пушкина.

Так рассуждают многие, кто задумает открыть секрет успеха любого художника. Особенно актера: даже ничего сам не сочинил, всего-то исполнил вслух чужое произведение, как это делают тысячи его коллег, и вдруг нате — стал кумиром.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Рубрику ведет
Нина ТИХОНОВА

В письмах читателей, требующих поспу на страницы нашего журнала, порой встречается пояснение: «...конечно, не надо разную дребедень наподобие Леонтьева и Пугачевой» (без подписи, г. Воронеж). Подозреваю, что при оценке певцов такими эстрадоманами основное влияние оказывает возраст артиста, которого они видят на сцене. Требуют Шатунова, которому, «как и нам, по 14—15 лет». Ну, кстати, Юраше уже давно пошел 18-й годок. И, к счастью, кое-кто из совершеннолетних артистов все-таки удостоился доброзелательных отзывов читателей. Среди них — Александр Малинин.

Сегодня на советской эстраде бесспорной звездой выделился Александр Малинин. Чудо везения?..

Все начиналось буднично. В городе Свердловске жил юный пионер Саша Малинин. Мама певца вспоминает, что рос он крепким, здоровым, послушным. Никаких пророчеств будущей популярности судьба не подкидывала. Разве только, родившись, мальчиш громче других закричал, что акушеры не упускают случая прокомментировать обещанием: вырастет певцом или атаманом. Ребенок с детства полюбил гитару, ему

нравилось напевать под брэнчание струн. Но так же проходит юность у всех пацанов.

Категорически не складывалось с иными профессиями. В железнодорожном ПТУ, куда Саша поступил после школы, он проучился ровно четыре дня. Предпочел службу в армии, где заметили, что парню способнее не стрелять, а музицировать в военном оркестре.

Окончил эстрадную студию при филармонии. И вот тут проявилось первое отличие Малинина от большинства молодежи его возраста. Нет бы увлечься роком, которым позже прославился Свердловск, или гремевшими на каждом шагу ВИА. Саша мечтал петь в Уральском народном хоре и добился своего.

Однако вскоре заговорила воля к лидерству. Поначалу она как-то невнятно сочеталась с пристрастием к фольклорным распевам, ведь на эстраде королева — поп-музыка. Замелькали тусовки с малоизвестными поп-группами, которые привели в Москву, в ансамбль «Метроном» и соседствующую с ним по Москонцерту «Группу Стаса Намина».

С группой Намина Малинин общался не по службе, а по душе. Саша считает себя очень контактным, а Стас отмечает одним из главных своих достоинств умение сколотить компанию, где впрок пойдут и застольные беседы артистов, и их совместное освоение модных музыкальных стилей в ситуа-

ции, когда всякое новшество полузапрещено и почти неизвестно. Солист группы Намина Саша Лосев учил Малинина играть, петь, вести себя на сцене, изживая вульгарную провинциальность. А когда Стас был уже на подступах к созданию собственного Молодежного музыкального центра, первой его акцией стала менеджерская помощь Малинину. Творческие пастыри взяли певца с собой на гастроли в США, Намин нашел ему партнера для дуэта — Дэвида Померанца, а потом организовал на фирме «Мелодия» совместную запись: Малинин — Померанц.

Истинный триумф Малинину подарил отечественный конкурс «Юрмала-88». Здесь он выиграл Гран-при практически вне конкуренции. Всерьез соревноваться тридцатилетнему певцу среди сверстников и следующего поколения, которое должно бы «наступать на пятки», оказалось не с кем.

Именно в Юрмале у Малинина прорезался неистовый темперамент. Не важно, что он пел. Что-то очень ритмичное. Синхронно с мелодией в тексте хлопала автоматические двери метропоезда, занесенного куда-то в надземные сферы бешеной страстностью певца.

Малинин считает своими учителями по искусству Владимира Высоцкого и Аллу Пугачеву, в «Театр» которой он поступил после победы на конкурсе. Певец стремится, чтобы тексты и шоу его выступлений стали

более самоценны. Из множества предложений для репертуара, сыплющихся теперь на него, он выбирает те, где стихи — высокая поэзия: Николай Рубцов, Николай Гумилев... В выборе хотя бы этих двух авторов отражаются главные темы нынешнего Малинина: русский романс и «белогвардейская» романтика.

С романсами Малинин нахлебался неприятностей, зато теперь все признают его первенство в возрождении этого жанра на широкой эстраде. Старшие толковали, будто он слишком напорист в романсе «Ямщик, не гони лошадей». «Сказано — не гони, — говорили советчики, — это же классика...» При чем же тут рок — «музыка на пределе», интонации которой певец упорно привносит в народный мелодизм?

А молодые зрители не желали слушать ничего романсового на рок-концертах, куда настойчиво рвался Малинин, уверенный — это его аудитория.

Понемногу удалось убедить и тех, и других. Стилизацией: «Поручик Голицын, раздайте патроны, корнет Оболенский, седлайте коня» — конфликтующие поколения наслаждались уже вместе. На общем фоне непривычно благородными увиделись черты Малинина в офицерской шинели и папахе. А именно благородством, в самом объемном понимании, этим неосторожно растоптанным в победном марше пролетариата качеством, манит сегодня

эстрадная «белогвардейщина».

Любимые книги Малинина — Библия и Евангелие. Певец исповедует доброту, любовь, порядочность. Читит заповеди Иисуса Христа.

Вот, казалось бы, весомое и исчерпывающее объяснение успеха Малинина, особенно яркого среди «мыльных» красавчиков современной эстрады: приятные мелодии, актерский темперамент, искренняя духовная содержательность.

Не хватает одного штриха, венчающего вознесение, — трагедии. Но она охотно подразумевается зрителями, когда они видят вместо обычных сытых рож худое напряженное лицо Малинина.

До сих пор личная жизнь артиста действительно шла нескладно. Он мечтал иметь семью и двоих детей. Теперь у него сын от первой жены и дочь от второй, но оба брака закончились разводами. Недавно Малинин женился в третий раз, надо надеяться, на сей раз счастливо. (Она — не актриса.)

Тема заведомо проигранного единоборства с судьбой зазвучала у Малинина в песне «Коррида» еще в Юрмале. Там он был одновременно матадором и быком, убийцей и жертвой, а в целом — неизбывной трагедией жестокого бытия. Эта с надрывом рассказанная баллада впервые высветила путь певца в искусстве более далекий, чем временный ажиотаж вокруг конкурсной победы.

Артист может и улыбнуться,

прозвенеть хулиганской есенинской строкой:

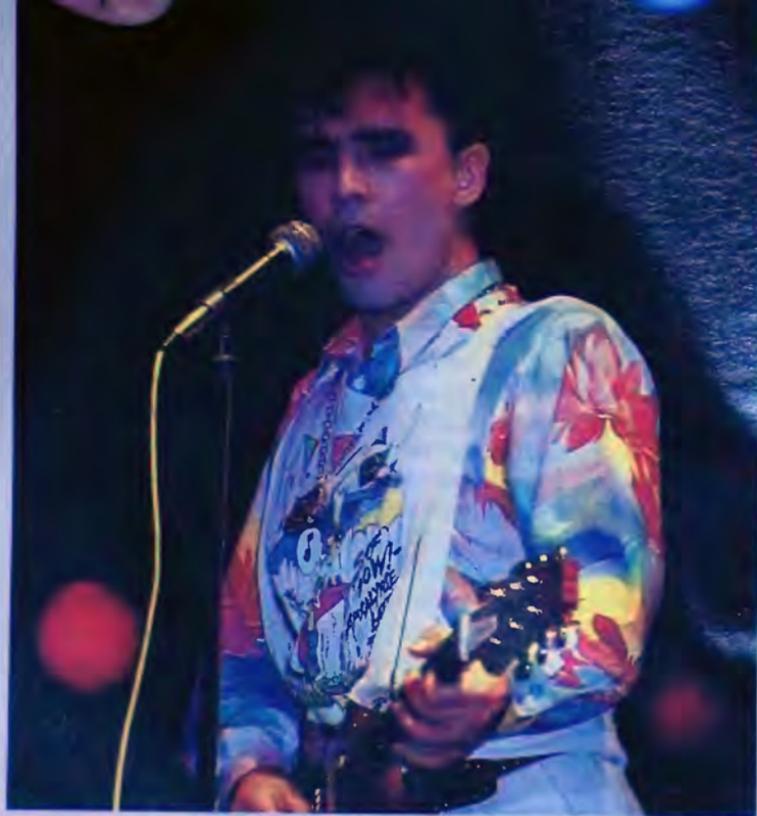
Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот — и веселый свист...

Но за ерничеством сохраняется призраком драмы. Лично мне нравится, что интерпретатор Есенина старается походить на поэта не золотыми кудрями, а личностной глубиной, способностью остро и разнообразно чувствовать.

Нравится это и другим зрителям, особенно — зрительницам. Ну какие из нас Айседоры Дункан, чтобы требовать в наше время мятущегося и безудержного Есенина? Хотя при случае сплясать босиком можем, не так здорово, как Дункан, но сойдет. И среди вот этой обывденности и ущемленности вдруг появляется Артист, готовый рвать свою душу в клочья ради спасения наших, может быть, и вовсе отсутствующих душ.

Александр Малинин снова выбирает самостоятельный путь, покидает престижный и «упакованный» «Театр Аллы Пугачевой» и делает сольную программу со своей новой группой «Профессор». Он очень похож на персонажа песни своего репертуара «Пилигримы». Чудак, который любит дороги и странствия, которому не сидится в уюте, кто постоянно ищет неординарных решений, непривычных путей, не ожидая на то ничьей просьбы, разрешения и одобрения.

У ЛЮБВИ, КАК

Все началось с того, что где-то года полтора назад два шоумена из сопровождения Владимира Мальцева, с трудом различимого в массе поп-певцов и с не меньшим трудом узнаваемого в качестве ведущего телепередачи «Рок-урок» (кто это? — следуют предположения, которые опровергает дикторский текст), можно сказать, восстали. Они, Богдан Титомир и Сергей Огурцов, на пару сочинили успешный шлягер «Париж, Париж», который исполнил этот самый Мальцев. «А что бы нам самим не петь?» — логично по нынешним временам рассудили танцовщики. Внешностью Бог не обидел, голосов, слава ему же, теперь на

эстраде практически не требуется, двухголосья (это когда поют не в унисон, а, к примеру, в терцию, давая мелодии дополнительные созвучия, — как видите, надо еще объяснять, что это такое) наверняка не спросят, хоть и дуэт. Сверх того, стоит отдать справедливость, тандем, назвавшийся поначалу «Кармен», владеет, по крайней мере, каким-то мастерством: неплохо двигается на сцене и сочиняет ритмичные песенки, нередко с запоминающимися мотивами.

Самоуверенность ребят не замедлила вознаградиться. По итогам того же 1990 года (по сводкам газеты «Московский комсомолец») зрители назвали

У ПТАШКИ, КРЫЛЬЯ...

их «открытием года» и «группой года».

В качестве одного из первых изменений артисты разделили название своего дуэта дефисом и тем самым пошли навстречу пожеланиям мгновенно влюбившихся в них слушателей, затушевав первоначальное напоминание о коварной испанской сопернице сегодняшних юных соблазнительниц. Действительно, хватит того, что вместо обещающего каждой обладание кумиром: «Я хочу быть с тобой...» — создатели «Кар-Мэн» упоминают в одной из своих песенок имя еще одной легендарной соискательницы на место в их сердцах: «Чио-Чио-сан, я хочу быть с тобой».

Надо все-таки подчеркнуть мужское достоинство и, если название «Фэн-о-мэн» уже занято, выудить мужественный слог из любого другого слова.

Правда, остается первый слог, каркающий и грозящий карой. Посмотрим шире: если по-английски, так это совсем даже автомобиль. И не то чтобы сочетание carman по-иностранному что-нибудь значило, типа там шофер или водитель. Но ежели не вдаваться в тонкости, то считай — «путешественник».

Эх, прокачу! «Иstanbul», «London, гуд бай» (все-таки немилосердны «Нау», попрощавшиеся сразу со всеми Штатами, даже с двумя материками —

МОЗАИКА

«Гуд бай, Америка!» — нет бы поименно с каждым городом, на всю попсу бы хватило), «Парень из Африки» — песни из альбома «Вокруг света», выпущенного дуэтом «Кар-Мэн».

Они называют свое творчество «экзотик-поп». Их поздравляют с новаторством в этом деле, хотя ничего нового, в сущности, нет. Напекают отнюдь не на «Клуб кинопутешественников». Как раз экзотики на эстраде последней поры с избытком. Коллеги Богдана с Сергеем толпами мерзнут на залитых льдом стадионах в купальных костюмах и без оных, утепляясь лишь солнцезащитными очками и усиленно натягивая панаму, под которой расстояния от эскимосов до папуасов должны мерещиться чуточными.

И это замечательно. Экзотичность и шутливая псевдоэкзотичность — исконные краски эстрады. Вот только чуть больше бы неожиданного и непривычного не только в творческих заявках, но в мастерстве каждого танца, в сюжете повороте каждой песенки, в образах, музыке. Отличаться только тем, что двое, долго, скорее всего, не удастся.

А как раз у дуэта «Кар-Мэн» может быть хорошее будущее. И не только потому, что 1991 год Козы счастливый для Богдана. Эх, забодайте — придумайте что-нибудь веселенькое, необычное. Вы явно можете станцевать ЭТО и воплотить в музыке.

Ко многим московским точкам торговли грампластинками прибавилась еще одна — на Волоколамском шоссе, 6. Здесь первой советской частной фирмой грамзаписи «Эрио» открыт фирменный магазин «О'да!».

Собственно, продукции «Эрио» в магазине пока немного — всего три диска: записи Александра Башлачева по цене 24 рубля за пластинку, группы «АукцЫон» и свердловчанина Андрея Воха — эти идут подешевле. Но цены могут вырасти, предупреждают сотрудники магазина. «Эрио» не собирается заваливать рынок своими записями, она ориентируется на узкий круг любителей. По подсчетам фирмы, их устроит 10—15% советского рынка...

Что же в планах фирмы «Эрио»? Записи группы ДДТ, «Настя», «Не ждали» и других. Выйдет пластинка с архивными записями «Нау».

И еще: здесь можно заказать по каталогу компакт-диски фирмы «Phonomatic» (более тысячи наименований) по цене 80 рублей. Так что магазинчик, как писал классик, «для немногих избранных».

Некоторые «звезды» нашей поп-музыки, путешествуя по городам и весям необъятной Родины, в период перехода к рынку, видимо, крепко позабыли правила социалистического общежития. А напрасно. В эту грустную летопись можно записать и визит группы «Маршал» в город Курган.

В течение девяти часов пребывания в гостинице «Полет» они так блистали столичным шармом (трехэтажным матом, неумеренным употреблением горячительных напитков, ласковым похлопыванием по заду служительниц гостиничного сервиса), что в аптечках обслуживающего персонала,

людей закаленных, иссякли запасы валерьянки.

*Девчонки! Мои девчонки!
Какие мне еще слова
найти для вас? —*

пел в концертах Рома Жуков. А вот его художественный руководитель (некто по фамилии Прогуда), что называется, не задержался. Когда «девчонка» за гостиничной стойкой попросила его минутку обождать, он быстренько нашелся: «Буду я еще перед каждой проституткой стоять...»

Дальше — больше. Приняв еще немножко «внутри», ребята развеселились вовсю. «Их трясло, глаза какие-то ненормальные, речь сбивчивая» (из мемуаров администратора гостиницы).

Вся эта грустная история кончилась милицейским протоколом. Ребята в нем объяснили, что пили за встречу с гостиничным персоналом (тем самым, покрытым трехэтажным...). Вернувшись из органов, любимец публики разбушевался уже серьезно: «Головы всем здесь оторву, и мне ничего не будет (дядя министр), всех накажу, со всех по 200 рублей, я «звезда»...» Не дороговаты ли билетки на незапланированное выступление, ребята?

Событие это попало в газеты. Ах, Ромочка, Ромочка... Видно, старая русская пословица — «пьян да умен, два угодя в нем» — не про тебя.

МОЗАИКА

Как можно оценить популярность того или иного артиста, ансамбля, песни? Как ни крути, а все же наиболее объективным показателем оказывается количество проданных пластинок и кассет с записями. Интересно, у кого какой рейтинг сейчас?

Вот что оказывается. Из советских групп в Москве на сегодняшний день наиболее популярны записи групп «Кино», «Бойкот», «На-На», «Любэ» и «А-Студио». А вот к «Ласковому маю», Газманову, Белоусову и Жукову интерес неуклонно падает. Эти данные сообщены крупными «мафиози» звукозаписи, чьи палатки-киоски в столице — на каждом углу.

В чем дело? Один из авторитетнейших рок-журналистов Москвы Дмитрий Шавырин, размышляя о прошедшем 1990 годе, считает, что то, что сейчас звучит с концертных площадок, слушать скучно и грустно. Над нашим доморощенным роком и примитивной попсой навис кризис. Профессионалов становится все меньше, а какие есть — делают ставку на Запад. А наши мозги, атрофированные «Ласковым маем» и «Модерн токнг», плохо воспринимают профессиональных музыкантов...

Резко сказано? Да. Но, возможно, справедливо?

Новый диск Жанны Агузаровой так и называется — «Жанна Агузарова поет». Его записала и выпустила независимая фирма грамзаписи BSA, базирующаяся в Риге. В этой музыке, как говорят, и следа не осталось от той Жанны, что была участницей группы «Браво» (это именно она так ее окрестила; их роман закончился в 1988 году). Теперь певица вышла на самостоятельную дорогу, заявив о себе ярко и решительно.

А фирма BSA тоже времени даром не теряет: в ее активе — новые записи Аллы Пугачевой, групп «Акция», «Нонсенс» и другие.

Певец Константин Кинчев (группа «Алиса») дал интервью газете «Аргументы и факты». Может быть, не стоило бы об этом говорить, но на этот раз он выступает как сознательный гражданин и философ. И получается очень забавно.

«Сейчас я... руками и ногами за Ельцина», — заявил популярный певец. Спасибо ему. Но рук и ног, как поется в старой песенке про папу Карло, и так полно. А как насчет головы?

Да, теперь у лидера российского парламента и кандидата в президенты сильный союзник. Армия поклонников «Алисы» по зову Кинчева, пожалуй, следом за ленинградским метро во имя демократии еще что-нибудь поручит. Ведь правильно сказал Кинчев: «Отдыхать мы умеем как никто другой».

Таких замечательных «прозрений» в интервью много. Вот еще раз и подтвердилась известная истина: талантливый музыкант не всегда мыслитель. Впрочем, может быть, виноват интервьюер, пожелавший остаться неизвестным?

На удивление мирно прошел в Кемерове рок-фестиваль «Памяти погибших музыкантов», собравший группы из крупнейших сибирских городов. Может быть, память об ушедших навсегда создала такую трогательную атмосферу единения? Или этому способствовали свечи, зажженные перед портретами Виктора Цоя и Александра Башлачева?

Дружеская атмосфера фестиваля, где все были равны и едины — металлисты и хиппи, комсомольцы и панки, — была настолько неожиданна, что логическим ее завершением стал заснятый поцелуй девушки с крысой, прошедший под лозунгом «Мы любим все живое на Земле». Эх, и дальше бы так!

Песенка «Желтые тюльпаны», несколько навязчиво пропагандировавшаяся с телеэкрана, попала в разряд «непопулярных песен года». Такую «антиславу», видимо, предвидела известная исполнительница Ирина Аллегрова, в свое время отказавшаяся ее петь. «Я не могу петь ни про что», — заявила певица.

А вот Наташа Королева спела «ни про что». Она объяснила, что, несмотря на бессмысленность, песня ей нравится. При этом она аргументировала: а вот у «Ласкового мая» все песни бессмысленные. И ничего, мол. Простим Наташе — она еще очень молода. Но критерии оценки стоит выбирать поостроже.

ИЩУ ДРУГА

Из писем, приходящих в нашу редакцию,— а их только в марте оказалось более восьми тысяч и большинство из них с просьбой о публикации адреса — мы составили примерный обобщенный образ наших корреспондентов. Из желающих найти себе друга по переписке подавляющее большинство — девочки; чаще всего их почему-то зовут Юлями; все они любят музыку, петь, танцевать, веселые, шумные компании и дискотеки. Разница только в том, что одни пишут: «Я очень одинока», а другие: «У меня много друзей, но хочется еще». И все клянутся ответить «на все письма, сколько бы их ни пришло».

Однако выясняется, что этот оптимизм несколько преждевременный. Вот письмо, полученное нами вчера: «За месяц я получила уже около 900 писем. Я не могу ответить всем. А приходят и повторные письма, ребята удивляются — как так?» Так что, дорогие читатели, серьезно подумайте, прежде чем взять ручку и написать на конверте: «Журналу «Мы», в рубрику «Ищу друга»...

И еще об одном давайте договоримся. Наши корреспонденты жалуются, что им хлынул поток «святых писем», «писем счастья» и прочего мусора. Ребята! Уважайте себя и других. Будьте же умнее. Помните, что суеверие — признак неразвитости личности.

Вот на этой оптимистической ноте и возьмемся анализировать почту рубрики.

Афганцы! Ваших писем ждет 16-летняя девушка, которую почему-то смущает, что она носит очки. А некоторым, между прочим, очки очень даже идут.

617757, Пермская обл., Чайковский р-н, с. Уральское, ул. Речная, 30. Шмыкова О.

Очередная любительница веселых компаний утверждает, что во всех журналах адреса публикуют только по благу. Что ж, напечатаем и ее адрес — без блага!

310091, г. Харьков-91, ул. Танкопия, 7, кв. 134. Дегальцева Оля (15 лет).

«Мой внутренний мир невелик, но выбрось оттуда хоть одну частицу — и жизнь станет другой,— пишет 15-летняя Виктория.— А моя жизнь — это Цой, у-шу, книги, ночь, гитара, кот. Напишите мне, что разгадал смысл этих слов».

315500, г. Лубны, ул. Новопроложенная, 12, кв. 15. Виктория.

Наташе 14 лет, она хочет переписываться с ребятами, чей любимый журнал — «Мы»!

141321, Московская обл., Загорский р-н, г. Краснозаводск, ул. Трудовые резервы, 9-44. Аксенова Наташа.

Как всегда, особенную активность проявляют поклонники Виктора Цоя и группы «Кино». Этот раздел, пожалуй, единственный, куда писем от сильной половины человечества приходит столько же, сколько от прекрасной. Вот их адреса:

614022, г. Пермь, ул. Снайперов, 14, кв. 15. Ялов Станислав (12 лет, хочет создать клуб поклонников В. Цоя).

403720, п. г. т. Елань Волгоградской обл., ул. СХТ, 17, кв. 1. Кривонос Ирина (15 лет).

620085, г. Свердловск, ул. Агрономическая, 29а, кв. 33. Юлия (14 лет).

129224, Москва, ул. Широкая, 23, корп. 2, кв. 254. Хэ Леонид (18 лет, трепаться не любит).

460053, г. Оренбург, просп. Дзержинского, 33/1, кв. 60. Попов Юрий (15 лет).

...Владимир Пресняков-младший:

Саратовская обл., г. Энгельс, ул. Тельмана, 6, кв. 515. Юлия П. и Юлия Д. (им по 15 лет, Юльки хотят создать клуб поклонниц своего кумира).

...Алексей Глызин:

317000, г. Светловодск Кировоградской обл., ул. Калинина, 5, кв. 8. Ира Ш. (14 лет, еще любит индийские фильмы).

...группа «На-На»:

117602, Москва, Олимпийская деревня, 5, кв. 149. Григорьева Вера.

...группа «Любэ»:

491042, Семипалатинская обл., Ново-Шульвинский р-н, с. Красный Казахстан, ул. Целинная, 9. Райвикс Наташа (16 лет).

...Владимир Высоккий:

700194, г. Ташкент, массив Юнус-Абад, кв-л 13, д. 61, кв. 53. Ирина М. (15 лет).

А этим ребятам могут написать те, чьи кумиры...

...Костя Пахомов:

300903, г. Тула, п. Косая гора, ул. М. Горького, 46, кв. 7. Чицова Наташа (15 лет).

412680, г. Вольск-2 Саратовской обл., ул. Маяковского, 15, кв. 52. Микова Юлия (13 лет).

Автор этого письма — юная киевлянка — весьма нас озадачила. Вот что она пишет о себе: «Умею играть на гитаре, аккордеоне, пианино, в настольный теннис и бабинтон». Мы не знаем, что за игра в «бабинтон», но адрес печатаем.

252232, г. Киев-232, ул. Закровского, 71, кв. 142. Елена С.

После «ночи и кота» невольно вздрогнешь, открыв письмо, автор которого утверждает, что он — начинающий колдун и у него уже кое-что получается. Нечистая сила просит откликнуться девушек не старше 16 лет, можно — симпатичных.

141600, Московская обл., г. Клин-7, ул. Московская, 6/1 — 2. Даниэль (16 лет).

ИЩУ ДРУГА

Поклонники «Ласкового мая» сегодня представлены только женским элементом:

142500, Московская обл., г. Павловский Посад, ул. Кирова, 91, кв. 42. Оксана Ж. (14 лет).

486007, г. Чимкент Казахской ССР, ул. Братская, 73. Заболоцкая Инна (15 лет).

167018, Коми ССР, г. Сыктывкар, ул. Борисова, 16, кв. 82. Шипилова Наташа (15 лет, мечтает создать музыкальную группу).

Скромные, трудолюбивые, честные и любящие детей девушки от 16 до 19 лет, чей рост не выше 170 см! Ваших писем ждет серьезный юноша, успевший отслужить в рядах Советской Армии, поступить в институт и на работу, любитель песен Александра Малинина и Виктора Цоя.

140111, Московская обл., Раменский р-н, дер. Чулково, д. 59. Козак Александр.

«Вокруг много друзей, но нет близких, которые поймут всё. Ушел из жизни Цой, и это как закат Солнца, но не на ночь, а навсегда, и это, такое несправедливое, заставляет меня верить, что есть еще другой мир, где живы Витя и Джон Леннон». Автору этих строк — 17 лет. Как вы догадались, он поэт...

433240, п. г. т. Сурское Ульяновской обл., ул. Советская, 96, кв. 2. Шавелев Артем.

14-летняя Жанна просит откликнуться своих тезок от 13 и старше. Обещает поделиться кулинарными рецептами.

632323, Новосибирская обл., Барабинский р-н, с. Квашино. Виль Жанна.

В «живом уголке» нашей рубрики сегодня три адреса: 454028, г. Челябинск, ул. А. Ковшовой, 3, кв. 3. Гиенко Елена (14 лет, увлекается разведением кактусов).

142407, г. Ногинск Московской обл., ул. Юбилейная, 20, кв. 8. Савостьянова Наташа (13 лет, собирает все о собаках).

630066, г. Новосибирск-66, ул. Комсомольская, 4, кв. 519. Кондрашова Лена (13 лет, разводит рыбок, просит писать ей как опытных аквариумистов, так и начинающих).

Есть, конечно, и поклонники зарубежной эстрады. Например — ансамбля «Депеш мод»...

144010, г. Электросталь Московской обл., ул. Западная, 46. кв. 145. Микрюков Максим (16 лет).

453210, г. Ишимбай Башкирской АССР, ул. Советская, 64—38. Татьяна.

...и Майкла Джексона:

340012, г. Донецк, ул. Куйбышева, 211, кв. 49. Воробьева Яна (14 лет).

169917, Воркута, ул. Дончука, 11, кв. 22. Натали (14 лет, за эти годы влюблялась 8 раз, не считая неудавшихся случаев, но главное — Джексон!).

И вот еще адреса, где ждут ваших писем:

446640, Самарская обл., Алексеевский р-н, с. Алексеевка, ул. Чапаева, 64а. Скопцова Елена (14 лет, очень любит собак).

460036, г. Оренбург-36, ул. Восточная, 84, кв. 51. Александр (ему уже 30 лет, он инвалид с детства, увлекается творчеством Аллы Пугачевой и др.).

634037, г. Томск-7, ул. Калинина, 117, кв. 54. Юлия (15 лет).

462359, г. Новотроицк Оренбургской обл., ул. Комарова, 7, кв. 248. Новиков Максим (18 лет).

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Любители каратэ и кикбоксинга получают удовольствие, посмотрев фильм «Кровавый кулак». Сюжет картины не очень-то замысловатый — месть за убитого в Маниле брата. Главный герой отправляется в Юго-Восточную Азию и, конечно, платит убице по заслугам. В главных ролях — чемпион мира по каратэ профессиональной лиги Билли Бленкс, чемпион Мировой ассоциации кикбоксинга Дон Уилсон и победитель той же ассоциации среди юниоров Роб Каман, а также чемпион Юго-Восточной Азии по кикбоксингу Крис Агуилар. Так что спортивные сцены фильма впечатляют.

«Смертельная погоня» — интересный триллер с Сиднеем Пуатье («Скованные одной цепью», «Маленький Никита») и Томом Беренджером («Взвод», «Тот, кто меня оберегает»). Агент ФБР (Пуатье) преследует опасного преступника, похитившего

бриллианты и решившего перейти границу из США в Канаду через горы. Вместе с туристами и проводником он отправляется в путь. Том Беренджер — проводник, который взялся провести по этому же пути агента ФБР. Режиссеру Роджеру Спотисвуду («Тернер и Хуч») удалось сделать интересную и напряженную картину.

Знаменитый Дадли Мур («10», «Артур») — комедийный актер. И на сей раз он не изменил своему стилю. В фильме «Яблоко от яблони» ему приходится играть роль подростка. Так уж получилось, что он случайно попробовал эликсир индейских племен, и в результате его сознание перекочевало в тело сына, а сознание сына — в его тело.

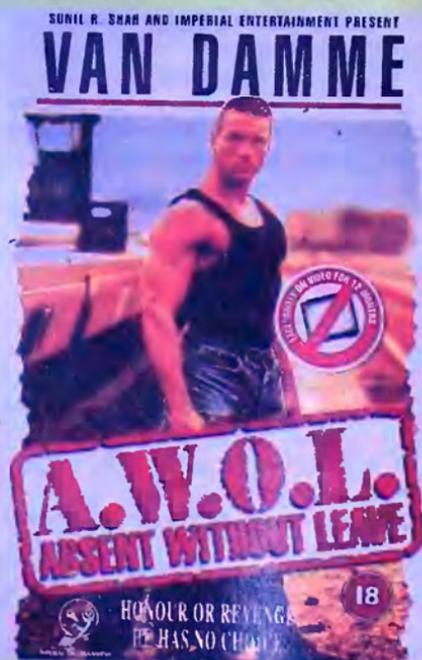
Жан-Клод Ван Дамме («Боксер», «Кровавый спорт») вновь демонстрирует свое мастерство рукопашного боя в картине «Самоволка». Тоже месть за брата и таким же образом, как и в остальных фильмах, где присутствуют восточные единоборства. Только потому, что у нас в стране любят этого актера, я оценил фильм в три звезды, хотя по всем статьям он тянет на одну.

Другое дело Брюс Уиллис («Неистребимый» — в советском прокате «Крепкий орешек», «Свидание вслепую») в фильме «Неистребимый 2». Эта лента

сделана с голливудским размахом. Опять стрельба, взрывы, гонки. Полицейский, теперь уже из Лос-Анджелеса (в первой части Уиллис играет нью-йоркского), в одиночку уничтожает террористов в аэропорту.

Джеки Чен («Доспехи Бога», «Операция А»), актер и режиссер из Гонконга, великолепно владеет мастерством восточных единоборств. Но фильмы с его участием и им же снятые нравятся зрителям еще и потому, что сделаны с юмором. «Полицейская история» — не исключение. Сотрудник полиции бросает вызов вымогателям и бандитам и расправляется с ними.

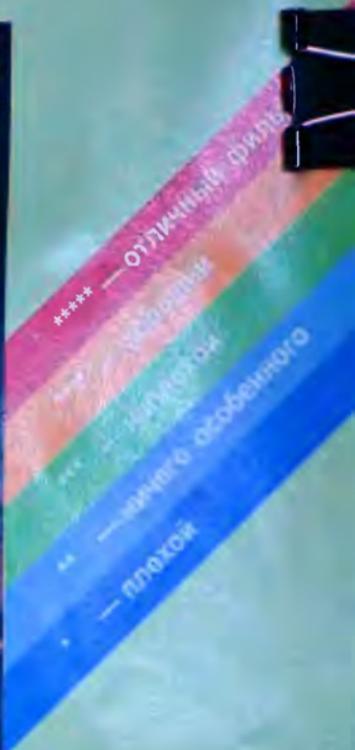
Александр АДИН

CBS
FOX
VIDEO

THEY SAY LIGHTNING
NEVER STRIKES TWICE...
THEY WERE WRONG

20th
CENTURY
FOX

**КРОВАВЫЙ КУЛАК
(BLOODFIST) ****

США 83 мин. Боевик 1989

**САМОВОЛКА (A.W.O.L.
ABSENT WITHOUT LEAVE) *****

США 104 мин. Боевик 1990

**НЕИСТРЕБИМЫЙ
(DIE HARD 2)² ******

США 118 мин. Боевик 1990

**ПОЛИЦЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ 2
(POLICE STORY 2) *****

Гонконг 92 мин. Боевик 1989

**СМЕРТЕЛЬНАЯ ПОГОНЯ
(DEADLY PURSUIT) ******

США 105 мин. Триллер 1988

**ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ
(LIKE FATNER LIKE SON) *****

США 96 мин. Комедия 1987

МЫ '92

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Не забудьте подписаться на журнал на следующий год.
Подписка принимается во всех отделениях связи с любого месяца.
Наш индекс — 70554.*

*В ближайших планах этого и будущего года —
роман классика американской литературы
Германа Вука «Городской мальчик»,
романы Владимира Железникова «Зверинец»,
Льва Кожевникова «Олимпия»,
а также повести Кира Булычева «Вчерашний день»,
Владимира Веденеева и Алексея Комова
«Ушла из дома и не вернулась».*

*В рубрике «Зарубежный детектив» —
романы Алистера Маклина «Кукла на цепи»,
Рэкса Стаута «Клешны Ниро Вульфа»,
Лэна Дейтона «Лошадь под водой»,
Шарля Эксбраия «Инспектор умрет одиноким»,
Эдварда Мак-Берна «Ненавижу полицию».*

*Журнал знакомит со звездами отечественной и зарубежной
рок- и поп-музыки, спорта, театра, кино.
«Мы» публикует рассказы, стихотворения и письма читателей,
а также адреса тех, кто ищет друга.*

*В следующем номере мы познакомим вас
с документальной повестью Сергея Цебаицкого
«Повел аварийных ИЛО».*

*На основе секретных материалов спецслужб США
автор рассказывает о судьбе американских разведчиков, убивших
в их лагере, противостоянцу нашу планету.*

Цена 1 руб. 20 коп.
Индекс 70554